

Королевский наместник

Алексей
Богородников

Продолжение истории попаданца в исекай.

Глава 1

Его величество Шайред Четвертый, Волею Создателей, Великий Государь и Защитник земли Шайнской трусливо бежал из спальни её высочества Аиши Выдающейся, суетливо уворачиваясь от маникюрных дощечек, теней для век, мазей, кремов, притираний, настоек — всего того богатого ассортимента, составляющего косметичку принцессы. Если учесть, что предметы эти были не в пластиковой упаковке, но в увесистых золотых-серебряных шкатулочках и шестигранных колбах из толстого стекла — спасение бегством выглядит неизбежным.

Вообще, в короля первым сначала полетел стул, только потом косметичка, предметы сервиза и остального интерьера, что могла поднять и бросить, пусть и тренированная, но все же еще рука подростка. Одновременно раздались сочные выражения и понеслись «лучи добра» от его дочери, но все это Шайред Четвертый уже слышал спиной.

Добежав до двери опочивальни, король юркнул за неё, перевел было дух, но ледяной болт, вылезший сантиметров на десять из деревянной, но плотной и крепкой двери рядом с его шеей заставил его ойкнуть, отпрыгнуть, покрыться холодным потом и нестись снова, дальше прочь, не обращая внимания на патруль королевской охраны рядом, онемевший от ужаса.

Шайред Четвертый не был малодушной размазней. Это был мощный, с накачанным пузиком мужчина, высокого роста, с Даром воина, спецификацией щитовика, а потому повидавшего всякого: от вспоротых монстрами товарищей, до поля брани, усеянного перемешанными частями тел и легким парком крови над всем побоищем. Вот только, обычно синие, глаза его дочки, потемневшие сейчас до черноты, живо напомнили ему строки описания начала ультимейт заклинания Ариши Шторморожденной из летописи битвы на Великом болоте. Барды в таверне читали их с удвоенным завыванием и пафосом: «Глаза Ариши, гневные колодцы, чернее ночи и страшней могил, и вот уже болото — не болотце, от бравых южнокаталлийских сил».

Так что король бежал, спасая даже не себя, а дворец от разрушений.

До этого момента удивить его было трудно, запугать невозможно, купить нереально. Конечно, изредка эти аксиомы покрывались трещинами, при виде лица родной Аиши. Дочу король любил, как не всякий отец, относился трепетно и нежно, потому желал только хорошего. Например, брака с эсванийским принцем. За ним его дочка будет как за каменной стеной, а возжелай принц, затем эсванийский король чего нехорошего, государственные векселя Эсвании, предъявленные к оплате Шайном перевернут всю, какую-либо непотребную игру соседнего королевства. Если не сам престол.

Да как его дочь таких простых вещей не понимает!

Добежав до своей спальни, Шайред рывком открыл дверь, забежал и рухнул на пятиметровую кровать, перепугав супругу.

— О горе нам, Найзи, — взревел он жалобно, — Аиша совсем лишилась ума! — Короли забил кулаками по простыням, бессильно клопоча гневом и соплями.

Найзирия Роптийская, вполне себе симпатичная, несмотря на свои сорок, стройная белокурая женщина, закрыла закладкой «Жизнеописание, великие подвиги и искушения эльфийского полукровки из рода Ормградских стражей, более известного под именем Вард» и ласково принялась гладить мужа по спине.

— Доча влюбилась, такое бывает, прими это с мужеством.

— Влюбилась! — взревел Шайред Четвертый раненым кабаном, — так теперь отца надо разлюбить что ли?! Вот я...

Тут он замолк, потому что понимал, сделай он чего плохого этому деревенскому шарлатану, охмутившему Аишу — последствия будут неопишимо ужасны. Да и знать не поймет: он же ей жизнь спас, этот придурок Дахам всем успел детали знакомства разболтать. Создатель, ну почему вокруг одни идиоты?

— Шай, — мягко сказала Найзирия, — влюбилась\разлюбила, две этих сентенции полчаса могут разделять у юных девиц. Чего ты так разошелся? Подождем немного, само пройдет. Наша дочь — героиня королевства, вчера мне гонец привез письмо от царственного брата, он весьма в высоком тоне о ней отзывался.

Брат Найзирии само собой был королем Роштии, Рошелдаром Вторым.

— Она есть отказалась, — сообщил Шайред, пряча глаза, — по её словам «объявляет голодовку, вплоть до момента выполнения её требований». Я ничего не понял сначала, когда мне доложили, пошел к ней, в спальню, где она сидит под арестом, но она меня выгнала.

И, не удержавшись, пожалобился: «родного отца из своей комнаты чуть ли не магией вышибла!»

Найзирия нахмурилась, задумалась, на гладком лбе отпечатались морщинка.

— И давно она не ест? — спросила королева.

— Мне доложили в обед, а так с утра. — признался Шайред Четвертый, трусливо закрываясь подушкой.

Это он вовремя сделал, потому как в подушку незамедлительно прилетел увесистый подзатыльник.

— Вот ты дурак что-ли, — выговаривала ему Найзирия, спешно облачаясь в платье для выхода, — время вечер, дочь голодная. Она итак, у нас как привидение, сильный ветер шатает, или ты дочь решил со свету сжить? — похолодел её голос. — Мало тебе попытки этого кретина Гортама Затарийского, назначенного, между прочим, с подачи твоего первого советника.

— Я был на дипломатическом приеме, — оправдывался король, — мы же посла Южной Каталии вызывали, ноту вручали. Гортама уже на кусочки порезали, все кусочки клянутся, что не знали о том, что это была моя дочь.

— Да в болото всех этих южнокаталийцев и Гортама с советником, — рассвирепела Найзирия, — у тебя дочь сейчас с голоду сдохнет. Ты понимаешь?

Шайред Четвертый мог бы на это сказать, что изящный пятикилограммовый стульчик, полетевший в него после слов «эсванийский принц ждет от вас письмо, милая дочь», привидение не поднимет, уж тем более не бросит метров на шесть, но благоразумно промолчал. Найзирия редко сердилась, но в гневе была ужасна. И прекрасна. Вся женская линия королевской династии, время от времени, но норов легендарной прабабушки Ариши Шторморожденной, нет-нет, да покажет.

Ничегошеньки здесь не поделает. В обществе одаренных, где женщина нифига не слабый пол, а может быть и посильнее, с таким поведением смирились.

— Я разберусь с этой голодовкой, — величественно выплыла в коридор Найзирия, — постарайся пока просто не упасть с кровати в ожидании меня.

Подколку король стерпел, но едва Найзирия покинула опочивальню, соскочил и заходил в горестных раздумьях взад-вперед у кровати. Надо было что-то делать с этим самозванным

претендентом на сердце дочери! Все беды от него. Аиша достойна лучшего!

С другой стороны, не будь этого наглого мальчишки, пролезшего уже на пост его наместника, Аишу бы он больше никогда не увидел. Король содрогнулся от этой мысли, колени подкосились, и он рухнул на кровать в муках отчаяния: никакому проходимцу он свою дочку вот так просто не отдаст!

Найзирия Роштийская посмотрела на пробитую болтом дверь, с обратной стороны, в опочивальню своей дочери и мысленно поежилась. Дочка у неё вроде спокойная, но может учудить — мало не покажется. Когда ей в последний раз показалось, что у графа Сетенты, первого королевского советника потные руки, а было это в момент, когда он пытался поцеловать в знак уважения ладонь принцессы — она ему руки и заморозила, недолго думая. Граф визжал настолько громко, что одна из её фрейлин, беременная на восьмом месяце — родила.

Королева коротко постучала в дверь и, не дожидаясь ответа, отворила.

— Аиша, девочка моя, всё хорошо?

Ей никто не ответил. Принцесса лежала на кровати, демонстративно игнорируя мать, с учебником магии воды издания Восточной Академии в руках. Бардак в комнате уже убрали служанки, ничто не напоминало о буйстве принцессы, и о страстях, бушевавших минут пятнадцать назад, королева даже не догадывалась. Но показательное пренебрежение со стороны дочери сильно напрягало.

— Мы же тебе только добра хотим, доча, — зашла с козырей Найзирия.

Аиша громко фыркнула и перевернула страницу рукописи.

— Тебе же четырнадцать только, — не сдавалась королева, — думаешь лучше нас жизнь понимаешь?

По-прежнему ничего не отвечая, Аиша демонстративно достала из потайного кармашка на поясном ремне непонятную бумажку, развернула и подала Найзирии.

Королева развернула бумажку и вчиталась.

«Сначала они будут смеяться над тобой. Батя с кривой улыбочкой похвалит за долину и переведет разговор. Втихомолку он пошлет шпионов в Самур и будет ждать их доклада. Мамка с умилением подумает о будущих внуках, думая, что ты так быстро выросла, принц, скажет что-нибудь типично-патетичное: надеюсь, он вел себя подобающе с моей милой сестрой! Клык великана реквизирует батя. Просто потому что захочет сделать приятное твоей мамке...»

На этом месте Найзирия почувствовала, как краснеет: все демоны подземельев — да кто писал это письмо!

— Да я в курсе чем занимаются женатые люди, в поисках острых ощущений, — лениво сказала Аиша, не глядя. — Ты дальше читай.

«Потом они начнут сердиться, батя начнет стучать по столу и клясться, что закроет тебя до замужества в дворце. Мамка повздыхает, но согласится, а принц забудет про твои непонятки с родителями, увлеченный новым мечом или подружкой.»

Голову Горного Палача увезут на исследование, и седобородые старцы будут долго гадать, что это за сволочь. Через неделю они догадаются отнести её к опознавателю существ в гильдию авантюристов. Но поначалу все будут думать об искусной мистификации. Самур далеко и тамошних монстров знают даже не все его жители.

Затем твои родители поймут, что всё серьезно: батя взбесится и заставит тебя написать эсванийскому или роштийскому принцу. Ты на него наорешь, он на тебя наорет — не знаю,

как у вас в семье устроено. Вас придет мирить мамка и скажет: мы же только добра тебе хотим, дочка, тебе четырнадцать, ты жизни не видела, взрослые лучше тебя разбираются, не делай ошибок, не порти свою жизнь, интересы королевства требуют и другую дичь.

Но знаешь что? Мы сражались вместе и знаем, какая ты на самом деле. Если ты что-то решила по-настоящему — мы тебя всегда поддержим. Твой сепай и твоя сестрёнка.»

— Да это мятеж, — ошеломленно выговорила королева, опускаясь рядом с принцессой.

— Переверни бумажку, — хладнокровно посоветовала Аиша.

«Да это крамола!» — первая реакция того, кто прочитает бумажку:»)» — было написано на обороте.

— Это что выглядит смешным? — строго спросила Найзирия, приходя в себя. — Что за рожа на бумаге? Кто так пишет?

— Мама не надо сцен, — попросила Аиша, — я всё решила, меня никто не остановит. Ты сейчас думаешь: как же, никуда из дворца тебе не деться. Так не волнуйся тогда, возвращайся к отцу. Хочешь поговорить — давай по делу. К чему тебе говорить всё то, о чем я уже знаю, на что у меня есть ответы, свое мнение и решение.

— Но ведь правда, тебе только четырнадцать! — жалобно произнесла королева, теряя инициативу.

— Тебе напомнить во сколько ты сама вышла замуж? — спросила лениво Аиша, снова утыкаясь в летопись.

— Это... это другое! — возмутилась Найзирия, — мы просто подписали брачный союз, ничего не было до шестнадцати!

— Мама, это называется консумация, — хладнокровно подсказала Аиша. — я так-то тоже боюсь серьезных отношений прямо сейчас.

Прозвучало настолько забавно из уст юной дочери, что королева захохотала с налётом легкой истеричности. Буквально вчера она с мамой цветочки в оранжерее обсуждает новые, а сегодня — как из дома уйдет за каким-то нонеймом в кочевую жизнь авантюриста.

Что, лять, происходит с детьми? Куда катится мир?

— Никуда тебя отец непустит, — посмеявшись, нахмурилась Найзирия, — как ты не понимаешь? Думаешь сбежишь из дворца? Думаешь новые друзья смогут тебе помочь это сделать? Я достаточно серьезно сказала это?

— Не понимаю, — словно в никуда заметила Аиша, — человек убивает пятерых огненных великанов, Горного Палача, топит в море огня гоблинскую деревушку, так что нам с Каей остается только добить полуживых, оглушенных, ничего не соображающих от шока уродцев. А его считают дешевым фокусником, который не сможет пройти в любой дворец, любого королевства и забрать всё, что он пожелает.

Звучало её мнение логично, но король и принц, как точно знала Найзирия, были уверены, что этот Джерк просто добил уже израненного принцессой великана. Остальные четыре были выдуманы Аишей. Ведь иначе клыки она бы принесла, не так ли? А гоблинов этих били все, кому не лень — уродцы против людей были слабоваты.

— Но ведь ты принцесса, — почти жалобно сказала королева, — интересы королевства требуют... — тут она осеклась, вспомнив написанное на бумажке.

— Не вопрос, если интересы требуют, — заготовлено выдала Аиша, — королевству я всегда помогу, но уже без фамилии Ирраера.

Кровь отлила от лица королевы. Найзирия наконец поняла — это реально серьезно. Отречение от фамилии... Даже изгнанных не позволяют лишать фамилии. Потерять дочь

навсегда? Да что она за мать такая, если позволит этому случиться.

— Он вот настолько хорош? — не нашла она ничего лучше, чем задать банально глупый вопрос. Но дочь кажется поняла, что имеется в виду.

— Поначалу он даже не хотел меня спасать, — начала размышлять она вслух, — я была с ним чудовищно груба, хотя и он... — тут она покраснела, — не был вежлив со мной. Мне нравятся его решительность, способность взять на себя ответственность, мощь магии и разума, все эти шуточки, которые и сразу не понять, много умных слов.

Она замолчала, улыбаясь кому-то вдалеке и королеве резануло сердечко.

— Еще он классно поёт и странно танцует, — несколько нелогично закончила принцесса, — короче, таких больше нет.

Она взглянула на мать.

— Эти ваши принцы, просто декоративные пёсики рядом с Джерком. Годятся для того, чтобы вытирать руки после еды. А с Джерком можно на край света и вытирать ноги об врагов. Понимаешь разницу?

— Кажется понимаю дочь, — серьезно ответила Найзирия, — вот как мы поступим. Сейчас присядем за вечерний столик и под ужин подумаем, как его величество пригласит Джерка во дворец.

Она оценивающе взглянула на Аишу.

— Надо мяса побольше заказать на кухне, уроков домостроя у тебя не было, рано еще, но открою тебе первый закон сексологической диалектики. Мужчины — это борьба единства и противоположностей!

— Чего? — удивилась Аиша, бросившая учебник и жадно слушающая королеву.

— Любят по-собачьи, но на кости не бросаются, — выдала «секрет» королева.

— Ну, мам! — возмутилась принцесса, позабывшая уже о своей голодовке.

— Что мам? — проворчала Найзирия, — не мамкай мне тут, потом спасибо еще скажешь!

Спустя пару часов Найзирия вплыла в королевскую спальню, сдирая на ходу с себя платье. Шайред Четвертый, раскладывая наедине карточный пасьянс, оживился, встрепенулся, подскочил и помог королеве с застежками, жадно оглаживая взором тело жены.

— Ну как там Аиша? — робко спросил он.

— Как в сказке, — проворчала Найзирия, — накормила, напоила, спать уложила. Вот жду, что теперь ты кофе с пенкой попросишь лично от меня.

— А можно? — обрадовался Шайред Четвертый.

— Да раз плюнуть, — саркастично ответила Найзирия. — Ты шпионов в Самур посылал? Что сообщили?

— Ярмарку он организовывает, — поскущел король, — сына барона местного прижал, тот банду организовал и грабил, кого подвернется.

— Ярмарку? — не поняла Найзирия, — чего её организовывать, все крестьяне припасами в городе торгуют.

— Эта будет окружной: с предметами фарма и продукцией города, по его словам, с купцами из других городов, графств, баронств, — хмуро сказал Шайред Четвертый, — не выйдет ничего у него. Да что там в Самуре сделать можно? Кровать из белой идоги?

— Что про голову чудища члены королевского совета говорят? — сменила тему Найзирия.

— Пока не склонились к единому мнению: одни считают — это птица, размером с водяного орла, умершая от старости, другие — большой горный паук.

— Паук тоже от старости умер? — поинтересовалась королева.

— Обвалом могло придавить, — честно передал слова советников король.

— Во что, Шай, — отчеканила Найзирия, — у твоих советников горизонт восприятия информации подавлен бюрократической, ежедневной мелочевкой. Шоры с глазними: если чего-то не было — не факт, что этого не существует. Факт в том, что наше познание ограничено, но мы мало обращаем на это внимание с позиции верховной власти. Голову надо тащить в городскую гильдию авантюристов, у них стоит опознаватель существ. Не слишком популярная вещь, потому что опознание требует монет. А монстров вокруг Тритикама извели уже давным-давно. Но опознаватель существует и пылится где-нибудь в кладовке. Результаты опознавания немедленно к тебе и мне. Если это монстр реальный и страшный немедленно посылаешь делегацию за этим Джерком, для представления совету в качестве королевского наместника. Здесь мы к нему присмотримся и поймем: кто он такой и как с ним поступить. Купить, услатить на границу, подставить перед Аишей. Вопросы?

— Только один, — пробормотал восхищенный король, дыша страстно и томно в районе груди королевы, — откуда ты столько всего знаешь?

— Это моя обязанность, как твоей королевы, — мягко проворковала Найзирия, умолчав о том, что львиную долю информации получила от своей дочери, пробегая пальчиками по затылку мужа и вжимая его покрепче в себя, — быть опорой и поддержкой, служить в удовольствии и радости...

Последние слова Шайред Четвертый уже не слышал, падая на королеву и задыхаясь от страсти.

«Сей монстр называется Горный Палач», — читал Шайред Четвертый лист-справку из гильдии авантюристов Тритикама, — «на языке Создателей Мантин Кезекьюшн. Уровень данного экземпляра пятьдесят восьмой. Царство монстровые, отряд позвоночные, класс бинарный, рептонасекомое. Обитает в труднодоступных горных местах. Непобедим, без использования защитных бафов, вблизи и на средних дистанциях». — прочитал король, утирая вспотевший лоб. — Обладает мощнейшими ментальными особенностями ауры. Скелет прочный, тело защищено панцирем, лапы уязвимы. Скорость передвижения средняя. Хорошая маскировка. Начальный уровень особи начинается с тридцатого и может достигать сотого под конец жизнедеятельности. Для управы на монстра пользуйтесь защитным ментальным бафом от Святого Клирика «Благословение Духа Небес».

Король отпил из фужера сока, смешанного с минеральной водой, и тоскливо посмотрел на жену и дочь. «Аха, баф от Святого Клирика пятидесятого уровня. Это что — штука такая. Где такие водятся?»

Аиша с независимым видом подпиливала ноготок на левой руке с помощью маникюрной дощечки, обернутой замшей. Найзирия с тревогой вслушивалась в монотонный голос Шайреда, а по окончании, ободряюще положила свою руку на его.

— Шнобель Шиноры (была такая некрасиво известная ведьма-лесбиянка в истории Шайна)! — выругался король — так это всё правда?! Сопляк так хорош!?

— Молодость сворачивает горы! — оцетинилась сразу принцесса.

— Но не на своих же родителей их сворачивать, — пожаловался, как-то сразу обмякший, Шайред Четвертый.

Найзирия осуждающе посмотрела на дочь.

— Успокоились все, — скомандовала она. — Вот ты чего Шай ерепенишься? У кого из принцесс в мужьях герой был?

— У Ариши Шторморожденный, — пробормотал он. — Потому её, родители видели только раз в год, пока не умерли и ей не пришлось царствовать. Всё со своим муженьком в походах пропадала.

— Я пропадать не собираюсь, — неуверенно сказала Аиша. — Джерк классный, вы его полюбите.

Шайред Четвертый от таких слов осунулся еще больше и начал впадать в кому.

— Ты отца-то родного не добивай! — попеняла ей королева. — сама же сказала, что серьезных отношений не хочешь еще!

Шайред Четвертый выплыл из обморока и чуть прирумянился.

— Так вы бы знали сколько девок вокруг него крутится! — возмутилась Аиша, — я уже всё-всё у Каи узнавала! Шага ступить не дают.

— Титулованную львицу не сравнить со сворой дешевых гиен, — нахмурилась Найзирия.

— Львица без любви — овца, — категорична высказалась Аиша. — нормально вообще меня под замок сажать, когда там вокруг него одни соблазны?

— Доча, любовь она как мыло в ванной, — попыталась успокоить её Найзирия, — крепко сожмешь, может выскользнуть.

— Мне чего, из-за вас сухим бруском остаться теперь? — недобрым огоньком

загорелись глаза принцессы.

— Хватит! — треснул кулаком по столу, пришедший в себя Шайред Четвертый. — у меня голова уже кружится от хода ваших мыслей! Пусть приезжает, раз пацан он весь из себя крутой, заценим.

— Я возглавлю пригласительную делегацию, — быстро сказала Аиша, — так он может и не поверить, разозлиться, исчезнуть. К королю наместников просто так не вызывают.

— Ой, делай что хочешь! — махнул рукой смирившийся король. «Главное, вот этого шума и визга больше не будет», — подумал он, покоряясь воле обстоятельств. Тем более, если парниша весь из себя героический, значит глуповат. Может ушлетя на подвиги, и вся любовь растает как дым. Найзирия придумает что-нибудь. Монстры по дороге съедят в конце концов. Здесь Шайред покосился на справку от гильдии и вздохнул. Бесплодные надежды порождают отчаяние.

Это простые жители думают, раз герой появился, то всё хорошо впредь будет. Отнюдь! В воинских подвигах он может герой, а как речь о мирских делах или пуще того — политике, клоун клоуном. Таких дров может наломать. Шайред Четвертый вспомнил первый подвиг Короторукого, когда он объявил рабство своих сограждан вне закона. По наущению Дорифора Эсванийского или по глупости, но прямо так и заявил, явившись во дворец — всех освободить. Ему пытались объяснить, что так дела не делаются, но Бертран закусил удила и настругал на ломтики королевского советника. Король эсванийский видит — ну сумасшедший сумасшедшим, а куда деваться, вызывает глашатая. Бертран выходит с ним на площадь и провозглашает отмену рабства. Кто не освободил — тому прическу поправляют вплоть до шеи. Всем свободу — гуляй, веселись, а рабы привыкли с хозяином жить вместе, есть из одного котла. После отмены рабства жить вместе нельзя, идти некуда, зарабатывать нечем. Тут такое началось, еще лет двадцать после Бертрана бандитизм расхлебывали.

— И что я эсванийскому принцу напишу? — жалобно вырвалось у него.

— Правду напиши, — вздернула носик Аиша, — без меня он плохо, но жить сможет, а со мной хорошо будет смотреться только в виде надгробного памятника.

Шайред Четвертый скорбно скривил губы, созерцая свою, такую довольную дочь. Он вообще-то, как раз на переговорах с принцем и сидел в замке у границы, когда надпись появилась о присоединении Чудесной Долины Аишей Выдающейся. У принца потекли слюни, у его папашки задергался глаз. Чуял старый, приданое за такой дочуркой и вовсе можно не давать. Гений королевства, с титулом от Создателей. Да тут впору самому за неё городишко какой выторговывать или преференции торговые.

Что по мелочи он и выбил всякое: вроде беспошпинного провоза тканей. А теперь вот, что будет? Да и ладно ткани, а если союз разрушится, такой тщательно, десятилетиями, выстраиваемый между королевствами?

— Капитана королевской стражи в охрану возьми, с двумя взводами сопровождения, — произнес он, подчиняясь неизбежному.

— Всё, я пошла, — подпрыгнула она, — маменька, папенька вы лучшие, люблю вас, я за вещами.

— Какими вещами, — насторожился король, она чего, переезжать собралась что ли?!

— Гитару думаю ему подарить, — разъяснила Аиша, — еще мастера для часов на башню привезу, портного хорошего, живописца. Он собирается сделать город высокой культуры из Самура, так и сказал.

— Ты это день-туда, день сюда, — заволновался Шайред Четвертый, — чтобы через три

дня в столице была со своим, — «он хотел сказать оборванцем, но вовремя заметил блеснувшие глаза дочери», — со своим героическим другом, — примирительно закончил он.

— Обещажки! — торжественно сказала принцесса. — считать начинай завтра, я пока собираюсь.

Она выпорхнула певчей птичкой в рассвет, а король хмуро спросил у королевы:

— Допустим он даже нормальный, допустим даже он весь из себя героический, что с эсванийским принцем делать будем?

— Напишу Рошелдару, — решила Найзирия, — у него дочке уже двенадцать в этом году. Почему бы не переключить на неё?

— Обидки будут, — предупредил Шайред Четвертый. — принц в том возрасте, когда не принимают отказы.

— Если он настоящий принц, — жестко сказала Найзирия, — значит, не может позволить себе роскошь быть самим собой. Мы можем позволить себе такое для дочери, потому что у нас королевские векселя Эсвания, а не наоборот.

— Да, так и скажу ему, — саркастично ответил король, — будь попроще и купи себе новый мечик. Говорят, покупки утешают.

— Да плевать на принца, всё зависит от короля, — тряхнула белокурыми локонами Найзирия. — наша дочь достойна лучшего. Посмотрим насколько этот её выбор очевиден воочию.

Аиша нахмурилась, лобик прорезала едва заметная морщинка. Глава гильдии часовых дел Тритикама дрогнул коленками. Два мастера рядом синхронно сглотнули.

Вопреки бытовавшему мнению Аиша затворницей не была. Особо под замком её не держали, но и бессмысленным шопингом она по столице не занималась. Каждый её выезд сопровождался пышной охраной, зачастую к поездке сразу, как курочка-наседка, присоединялась Найзирия, а такое она не любила, по этой причине из дворца она особо не выбиралась. К тому же народ, не избалованный зрелищами, поглазеть на юную принцессу собирался толпами. Ариша Шторморожденная была национальной героиней, неудивительно, что часть любви население автоматически переносило на правнучку, находя общность имен, сходство в портретных деталях и ожидая великих свершений от потомка.

Или хотя бы серебряной монетки за крики здравий в её честь.

Сама Аиша предпочитала проводить время в охраняемом замке, километрах в тридцати на север от столицы, конные прогулки, игры на мышление и реакцию. Типичная упоротая ботанка исекая, с боевой специализацией. До недавнего времени такая жизнь не особо тяготила принцессу. Но клетка, пусть и большая, всё равно остается клеткой. Рано или поздно встает вопрос определения жизненных целей. Повзрослев, она решила поменять красивую ковровую дорожку на ухабистую колею, но ведущую в направлении только её выбора.

Потому глава часовой гильдии ранее, только издали пару раз видел Аишу на праздновании дня королевской фамилии и ни разу вблизи, тем более, в здании гильдии. Сейчас, запросто, встретившись нос к носу с принцессой у входа, Юпис Витер машинально, на всякий случай отбив положенный поклон, начал усиленно моргать и щуриться, проклиная испорченное зрение: она или просто похожая, надменная девочка-аристократка?

Аиша времени терять на успокоение старикана не стала и сразу взяла того в оборот.

Через пять минут в холле стояли все мастера и подмастерье. На моменте, когда

выяснилось, что лучший мастер гильдии с парой подмастерьев уехал в соседний Галасир, налаживать там башенные часы Аиша нахмурилась, а Юпис почувствовал себя крайне неудобно.

— Ваше высочество, я лично могу возглавить надобные работы, — взял на себя он ответственность.

С сомнением оглядев старичка, Аиша все же не стала требовать такой жертвы. Она помнила слова Джерка: сойдет и подмастерье, молодой, с горящими умными глазами. Все материалы заказаны, нужна только сборка. «И вербовка подходящей кандидатуры для возжигания луча прогресса», — добавил он загадочно, шепнув на ушко, отчего в животе у принцессы не то, что запорхали бабочки — зашевелились морские слонopotамы, закружились мурашки размером с рошгийские яблоки.

Аиша оглядела выстроившихся в ряд мастеров, подмастерьев за их спиной. Умные жадные глаза... что же, если он посмеет не выполнить подобающе свою работу — неподходящую кандидатуру всегда можно казнить и выбрать новую.

— Ты, — выбрала пальчиком она своего претендента, — кто таков, сколько лет работы?

— Зиг Бердан, ваше высочество, родом с севера, двадцать пять лет, три года в гильдии, — бодро отрапортовал тот, — ранее был колесных дел подмастерье, переехал пять лет назад. В Шайне подтверждение навыков дорого. Нашел работу благодаря мастеру Ливкицу в часовой гильдии, за что премного благодарен и обязан ей.

— Хорошо, — внутренне посомневавшись, приняла решение Аиша, — «две профессии же всегда лучше одной?», — идешь с нами. Мастер Юпис, выражаю вам свою милость.

Она протянула ему руку и старый мастер, немного задержавшись от неожиданности, поспешил к ней припасть. Милость была велика, немногие её достаивались. Не любила принцесса прикосновения чужих людей.

— Дахам, — позвала принцесса, выйдя во двор своего телохранителя.

Шан Дахам впал в опалу, поскольку посмел сопровождать принцессу в её авантюрном походе. Во дворе ему было отказано, вход в королевский дворец закрыт, говорят взбешенный Шайред Четвертый лично хотел покрошить молодого рыцаря на квасную крошку, но дочка его отстояла. Поскольку рыцаря не выслали даже на границу, среди знати укрепилось мнение о недолговечности опалы, и первые дней пять Дахам пропадал на вечеринках, рассказывая о своих приключениях. Хоть и было тех: встреча с огненным великаном и знакомство с принцескиным другом, непонятным типом из какой-то деревни на окраине королевства — Дахама в лучших домах столице привечали.

Он успел даже закрутить романчик с одной симпатишной, сумасбродной особой графских кровей, но посыльный принцессы буквально снял юного шана с «покрывала любви» и теперь Дахама ожидали новые приключения. Или славная смерть в бою, о последнем он, впрочем, ни разу не задумывался. Тактика шанов проста: бей — дави — получай ништяки.

Дахам возник вопросительной скульптурой перед Аишей: взгляд бывалого авантюриста и монументальность доспеха просились на обложку рукописи славных деяний.

— Хорошо выглядишь, — оценила Аиша, в пути они не перемолвились, поскольку принцесса ехала отдельно от охраны в карете, — впервые вижу, как опала повышает привлекательность и самооценку. Берешь этого подмастерье, определяешь место в повозке и приглядываешь, чтобы не вывалился по пути, взирая на красоты королевства. Задача ясна?

— По слову принцессы! — исполнительно рывкнул Дахам и уволок за собой Зига

Бердана.

Аиша искоса взглянула на капитана стражи, одного из трёх и, пожалуй, самого опытного из них, Нира Грегорна, но сорокапятилетний ветеран остался невозмутим к вторжению в сферу его компетенции. Ранее приказы принцессы в части формирования конвоя, кого куда определять, изменения маршрута пути, остановок большей частью неизменно отклонялись.

Принцесса решила слегка спровоцировать капитана.

— Нир, как раньше не будет, понимаешь кто главный?

— Да, ваше высочество, позвольте поздравить вас с титулом от Создателей, — мгновенно откликнулся тот, — и прошу вас в потенциальной боевой обстановке доверять моей реакции и командам.

Внутренняя Аиша восторженно взвизгнула, прыгнула, сделала сальто и встала на голову. Внешняя невозмутимо согласилась с капитаном. Оставалось заехать в гильдии и забрать портного, живописца и кузнеца. Часа два-три и свежий ветер приключений задует в голову на пути в Самур, но только героиня сделала свой первый шаг со двора часовой гильдии, как на пути принцессы появился он.

Двадцатитрёхлетний принц Шилнагаил въехал во дворик на своем белоснежном коне, лихо спрыгнул и встал перед принцессой, блестя глазами:

— Моя дорогая сестра! — воскликнул он громогласно, — позволь сопровождать тебя в этом опаснейшем приключении!

Натуральный блондин, но с золотистым отливом, в отличие от серебристой Аиши, принц выглядел рекламой беззаботной юности. Молодость — лучший косметолог. К этой внешности ума бы еще побольше, хотелось иногда добавить принцессе. Шилнагаилу всё давалось легко: возвышение, дружба, отношения с родителями, симпатия женской половины, любовь простого народа, лидерство в сословной элите. По мнению принцессы, это сформировало у Шилнагаила излишнее легкомыслие.

«Вот чтобы Джерк сейчас на её месте ему ответил, как бы сбил его порыв на ходу?» — подумалось Аише.

— Будешь только мешаться, — сурово ответила она брату. — Красота морды никак не влияет на масштаб личности.

— Да, я очень красив, — согласился Шил, но тут до него дошло, — чтоооо? А вот это сейчас обидно было. Я просто хочу помочь!

— Хотел бы помочь, поговорил с родителями, когда они мне не верили, — отрезала Аиша, залезая в карету.

Шилнагаил не сдался, пролез следом и ныл следующие полчаса до дома следующей гильдии. Так что в конце концов сестра сдалась.

— Есть одна вещь, кроме молчания, разумеется, — заговорщически понизив голос, сказала она брату, — с которой ты можешь мне помочь,

Шилнагаил превратился в преданно внимающую, каменную статую.

— Сделаю всё ради малышки Аиши!

— Твоя гитара! — закончила принцесса.

Лицо Шилнагаила исказила горестная гримаса.

— Моя жизнь в струнах этой гитары, — возмутился он, — а вдруг ты их порвешь?

— Новые натянем, — пожала плечами принцесса.

— Моя гитара — это искусство, — причитал Шилнагаил, — я опутываю её струнами

сердца женщин, овладеваю их душами. Моя гитара влияет на всё королевство. На ход истории, на её судьбу!

— Твоя гитара может повлиять на Шайн, если только ею треснуть тебя по башке, — хладнокровно сказала сестра. — коль думаешь, что твои три аккорда кого-то удивляют, попробуй начать есть лапшу носом. Гарантирую, результат будет много лучше, а главное искренен.

— Ты вернулась из Самура совсем другим человеком, — нахохлился принц, — и словно закрыла свое сердечко от старшего брата.

— У старшего брата больше подружек чем прочитанных книг, — сурово начала отповедь Аиша, — это пустое времяпрепровождение. За духовной нищетой приходят пороки. Когда тебе начнут называть вещи своими именами, ты с удивлением обнаружишь, насколько они дешевы. Твоя искусственная популярность, раздутая тайной службой, золотом и дружками, закрывает двери к внутреннему росту. Сейчас ты простой бездельник и повеса Шил, а ведь когда-то служил мне эталоном свершений. Если не начнешь меняться, жизнь очень больно объяснит тебе разницу между быть великим и популярным.

Шилнагаил покраснел, осознавая сказанное, потом побледнел, открыл было рот для возражений, сник, встрепенулся, но так и не смог выразить всю глубину обуревавших его чувств.

— Эта лекция очень коротка, — подвела итог Аиша, — но она заслуживает гитары. А после моего возвращения, я познакомлю тебя с одним человеком, который выбьет из тебя всю накопившуюся дурь.

— Наш великий город, — начал я вдохновенно врать принцессе, не вставая с колен, — к несчастью, посетил рыцарский орден Блистающих, отправившийся в паломничество к горе Двоих. За пару дней они изрядно утомили горожан рассказами о своих бесчисленных подвигах, приставааниях ко всем лицам женского пола, своей неумеренной тягой к выпивке. И тогда гильдия повитух решила провести рыцарский турнир, который естественно выиграл я. Не вынеся позора, орден покинул город. А призом мне послужила прекрасная маленькая леди. — Я покрутил рукой наверх, намекая на девочек, которые встретив вот так, лицом к лицу, настоящую принцессу, испуганно замерли на мне.

— И что же общего между гильдией повитух и рыцарями? — недоверчиво спросила Аиша, — и почему девочек две?

— Общее есть, — объяснил непонятливой девчуле, — и те, и эти достают людей. А девочек две, потому что забрало запотело: взял всё сослепу, до чего дотянулся и отдавать не стану!

Девочки справились с шоком, слезли с меня, синхронно сделали книксен, представились и хором сказали, что рады приветствовать её высочество и скромно надеются послужить короне своим магическим мастерством в будущем.

— Дети — это наше послание в будущее, — поучительно сказал я Аише, вставая с колен, — видишь у меня два красивеньких письма «привет, потомки, на раздаче пришел флеш-рояль, а вы дальше гоняйтесь за единорогом».

Карточные игры принесли Создатели, но единорогов в мире пока не обнаружили, хотя мифов на тему хватало. Выражение гоняться за единорогом, означало заниматься бессмысленной деятельностью.

Говоря это, я быстренько приблизился к ней, закрыл дверь, в которую уже просовывал нос кто-то любопытный, повернулся, обнял принцессу и чмокнул в щечку. Во вторую, сестринский поцелуй запечатлела Аисаки.

— Мы так-то скучали с Каей, — признался я, — сам не верю, что такое говорю.

Губки у Аиши стали стремительно округляться, но она вовремя спохватилась и осталась неприступной принцессой. Фамилии Ойген только не хватало. И двух пушчонок пятого размера. Но дело это наживное, главное человек хороший.

— А чего ждем, что стоим, почему грустные? — взял инициативу я в свои загребущие руки. — Тортик сейчас засохнет!

С этими словами, я словно серенький волчок из колыбельной, взял всех за бочок и уволок к столу. Сытые люди добреют, расслабляются, теряют реакцию, — а я «вжух!» и уже оболванил простофиль под онигири геншин. Все злодейские планы рассказал, все согласились, бумажку подписали, а там мелким шрифтом «рабство на всю жизнь и омовение на горячих источниках каждый день».

— Вкусная еда — первая столбовая отметка на пути к царству счастья! — провозгласил я, рассаживая свою герл-бэнд по местам. Себя во главе, Аишу справа, слева Каю, детишек чуть дальше.

Приступили мы к планомерной разделке вкусняшек под рассказ Аиши об индигореволюции в королевском дворце. Это я её так про себя окрестил, принцесса острые углы обошла. По её словам, подумали-подумали важные люди при власти и хотят меня лично

увидеть. Отблагодарить за спасение королевской дочери, грамотку подписать, подарков надарить.

Я с уважением покосился на Аишу. Рассказывает, как о пустяке, подслащивает, мне-то казалось она лично короля головой о стол колотила, чтобы он на такое подписался. Назначение наместника в обход королевского совета, да и мнения самого короля дело редкое. При всяких нашествиях, морах, экстренных ситуациях практикуемое. Высшей, на тот момент, властью или сословным представительством в округе, с обязательным подтверждением потом от совета и короля.

Конкретно мой случай, хоть и подпадает под этот список: формально попытка мятежа, но все же выбор не очевидный. Шан Килтил или мэтр Лорадан в роли наместника поадекватнее выглядел бы.

Аиша мой взгляд поймала и расценила правильно.

— Мой отец лично выразил желание увидеть героя, — горячо и несколько торопливо выразилась она.

— А не запнулся ли он перед этим, — прозорливо заметил я, — словно хотел сказать несколько другое? Вроде, «тащи сюда своего непонятого прохиндея, а мы тут с ним разберемся».

Щечки Аиша порозовели.

— Да нет же, уверяю тебя, Джерк. Мы всей семьей читали справку о горном Палаче от определителя существ Тритикама.

Справка — это хорошо, но нормальные короли обычно люди прошаренные и верят тому, что видят лично. С их опытом управления потемкинские деревни и деревья, в смысле завиральных личностей, они должны были видеть не раз.

— Хорошо, — благодушно сказал я, — мой долг, как подданного Шайна, оказать всемерное уважение моему королю.

— Разговор с королем и королевой был с утра, — поделилась Аиша, — в столице нас ждут через три дня. Может нам еще походить по местам боевой славы, успеть возвыситься как можно больше? Но перед этим я желала бы знать, что вы без меня делали?

Вот так весь ужин прошел за рассказами и впечатлениями. Верлита под конец уснула, словно заправский алкоголик за столом: в одной руке десертная вилка с недоеденным куском торта, другая держится за массивный стакан сока. Риса еще держалась, отчаянно подавляя зевки. Учебная нагрузка в гильдии все же велика для юных организмов — часов по десять занимаются, тренируются. Тортик она тоже не осилила, эту цитадель калорий надо осаждать королевским войском!

Сам я к этой башне из сладких булочек со сливками, орехами, папайей — называемой здесь тортиком остался равнодушен. Больше Аише подкладывал: я сторонник здоровых отношений.

«У тебя же две девушки!» — немедленно прошипел завистливый внутренний голос. «Разве это не здорово?» — кротко ответил ему я.

— Предлагаю перед сном развеяться во дворе, разжечь костер и прыгать через него, вопя глупости, — предложил девчулям, — я пока быстро Верлиту отнесу мамке.

Аиша уже познакомившаяся с реальной историей обеих девочек благосклонно кивнула. Они уже сидели вдвоем в обнимку с Каей и выглядели маняще уютно, примерно, как ключи от счастья в связке из желаний.

За воротами дома меня ждал сюрприз в виде размещенных нескольких палаток

воинского соединения, Дахама и незнакомого мне солидного воина с гербом Шайна на плаще: водного орла в полёте, держащего в клюве магическую палочку из которой извергается вода, в лапах зажат пук пшеницы. Лицо его пересекал рубленый шрам наискосок, глаза глядели холодно и цепко.

«Походу тот самый кэп охраны, Нир Грегорн», — предположил внутренний голос. «Да ты тоже, кэп», — фыркнул я на него. — «встретились два одиночества.»

— Вечерочка, мастер! — звучно выдал Дахам и тотчас исправился, — вернее, твоя милость уже. Джерк, как там принцесса и куда ты потащил маленькую девочку?

— Салют, Дахам, давай по-простому, — предложил я, — а девочку прятать сейчас буду. Её высочеству она настолько понравилась, что захотела удочерить. Думаю, где-нибудь в лесу под пенёчком ей будет спокойнее, потом что-нибудь придумаем.

— Капитан королевской стражи Нир Грегорн, — представил меня Дахам суровому воину. — Его милость, королевский наместник Джерк Хилл.

— Ваша милость, негоже маленьких девочек оставлять в лесу, — твердо и решительно возразил мне ветеран.

— Вы правы, шан, — мгновенно перековался я, — пожалуй принцесса и там её найдет. Надо пририсовать ей усы, подобрать сальный парик и выдавать за карлика.

Первым заржал Дахам, ветеран еще секунды три подумал. Люди они простые, военные, шутками неизбалованные, потому меня сразу полюбили. Хотелось бы мне так думать, но глаза отсмеявшегося ветерана по-прежнему смотрелись цепко и неподкупно.

Обменявшись еще парой фраз, я узнал, что здесь на охрану расположился первый взвод, а второй расквартировывает Вельг Лекаменсгилле. Распроцавшись с ними, я быстро преодолел сотню метров до дома прежнего контролера гильдии, где во дворе встретил Кристера у костра с котелком. Того самого мальчугана из вертепа банды младшего Недлира.

— Что с ней, ваша милость? — перепугался тот, увидев у меня на руках Верлиту.

— А что с ней может быть, — ворчливо сказал я, — устала тортик лопать. Решила поделиться с вами, но не дошла и уснула на улице. Пришлось подобрать: хорошие девочки после десяти вечера в Самуре не должны валяться на дороге. Лично обхожу владения и проверяю!

— Джиро к нам заходил, предупредил, что Верлита у вас в гостях, — не понял смысловых подтекстов он.

— Джиро хороший пацан, — согласился я, — исполнительный. Еще вырастет, начнет похлеще меня стендапить. Камия дома? Какая у неё комната?

— Второй этаж, направо, — указал он мне путь.

Прямо на пороге дома я встретил уходящих Эрелану и Нилэю, угостил их кусочками тортика из свертка, который прихватил с собой из дома. Они любопытно зыркнули на Верлиту, сопевшую на руках, но ничего не спросили, поблагодарили и вышли помогать Кристеру с ужином.

Забравшись на второй этаж, я постучал в дверь справа. Дом был очень похож планировкой на мой. Видать из одной кормушки, деньги на него украли.

— Она уже спит? — удивилась, открывшая мне дверь Камия. — обычно без моей сказки не ложится.

Хоть эта не испугалась моей ноши. Ну, да разглядеть сонное лицо девочки в метре от себя несложно.

— Мой тортик сегодня был сильнее вашей сказки, Камия, — пошутил я, передавая ей

девочку. Похудевший свёрток я возложил на комод.

Верлита в этот момент открыла недовольно глаза, узрела нас, сказала «хорошо, что не грамотник приснился» и снова провалилась в сон. Ей потяжелее Рисы, её еще читать, писать учат.

— Ваша милость, зачем так утруждались, я и сама могла за ней зайти, — сказала Камия, ловко укладывая дочку на кровать.

— Авантюристы своих не бросают! — пафосно сказал я, оглядывая комнату. Большая, метров на пятьдесят, уютная, несмотря на мало вещей и, самое главное, теплая.

— Говорят к вам высокий гость приехал, — полувопросительно произнесла она, останавливаясь рядом. — Дочка моя не мешалась?

— Будущий мир зависит от детей, — заторможенно ответил я, — принцессе Верлита понравилась.

Заторможенность моя проистекала от того обстоятельства, что я наконец разглядел её наряд и ударился в панику. Вроде скромное зеленое платье, расшитое цветами, но с такими вырезами! Я её встретил полминуты назад — нормальное же было. А тут разошлось, выкатывая роскошную грудь, обнажая бедро, призывно белеющее и манящее. Там что, механизм какой-то скрытый, застежка, высвобождающая нескромное?

— Принцесса! — тихо ахнула Камия, как-то неуволимо-неумолимо приближаясь ближе, словно кошечка в засаде. — Она даже знает её имя!

— Да вот познакомил, — пересохшими губами произнес я, осторожно бочком отодвигаясь.

— Может и меня, ваша милость, познакомите, — решительно сказала Камия, стоя напротив меня.

Я нащупал спиной дверную ручку. Эти ваши психологи еще врут, что зеленый цвет успокаивает! Может оно и так, но Камию эту тогда закатать в зеленый надо сплошным рулоном.

— С кем это я тебя познакомлю? — осторожно поинтересовался я, думая, что если она хочет с принцем пообщаться, то это еще устроить можно. Теоретически.

— С вашим рабочим инструментом, ваша милость, — муркнула она, вжимаясь в меня и давая волю шаловливым ручкам.

Краснеть я конечно не стал. Дело молодое и перспективное, витаминов в этом запретном плоде на всю жизнь хватит. Но ведь мои девочки меня не поймут! Даже если не узнают.

— Я тебя с ремнем своим познакомлю, Камия Тайлид, — грозно отбил я подачу, хватая её за руки. — это моё первейшее рабочее орудие в обращении с женской половиной! Замуж тебе пора, девонька.

Она молчала, снизу-вверх глядя на меня прекрасными серыми, молящими глазами, прядь золотистых волос сбилась на правую сторону.

«Да ей же самой сейчас страшно», — понял я. — не за себя, а как на дочке мой возможный гнев отразится.

Я подался вперед, обнимая её, но по-дружески, за плечи

— Всё у тебя будет хорошо, Камия. Необязательно для этого спать со мной. Верлиту лично тренировать буду. Я, кстати, для этого и зашел. Хочу в ученицы её взять. А потому у неё секреты будут, даже от тебя. Магия очень личное дело, непосвященных туда не пускают. Ты должна это понять и не обижаться на неё. На меня. Не думать, что я отбираю Верлиту

этим. Она всегда будет твоей дочкой, только уже взрослее, чем тебе бы хотелось.

— Ваша милость понятия не имеет чего бы мне хотелось, — тихо шепнула она, — пока я не буду благодарна за то, что у меня есть, как желать большего?

— Да не вопрос, — согласился я, — хочешь проявить благодарность, поработаешь на меня с платьями и бельем? У нас тут дом высокой моды в Самуре организуется.

— Я согласна, ваша милость, — немного озадаченно заявила Камия, переключаясь на рабочий лад. Для чего это деловое предложение и было вкинуто в разговор.

— Вот и ладненько, с тобой свяжутся, — быстро поймал я её на слове, — всё, пока-пока. И друзьям можно просто звать меня Джерк.

С этими словами я свалил из комнаты и понесся вниз по ступенькам. Внутренний голос ошарашенно молчавший до этого времени, ожил: «не, ну ты видел, а, видел? Вот это милфа, вот это бедра! Вот что значит профессиональная швея, ручками работать мастерица!» Я молчал — сил отвечать даже не было. Днём Сура, вечером Камия: невинность Джерка шатают такие модели, что впору менять личину и передвигаться под охраной.

«Димон, мы с тобой тридцать лет вместе, — продолжать искушать голос, — у творческих личностей самосознание расширенное и визуализируется хорошо. Я твоя совесть и вот, что тебе скажу: ну попали мы в исекай, так к черту все эти условности — давай уже зажжём как в студенческие годы!»

«Я в секту уйду, — сказал ему непреклонно, — в орден, где обет безбрачия дают. Ты не совесть, ты — циничность под прикрытием, будешь так говорить — дружбе конец!»

Голос заткнулся, а я добежал до своего обиталища.

Во дворе горел костер и лица красоток на скамеечке, где они примостились. Для согрева они уже приняли из бутылки красного, судя по обстановке и чувствовали себя готовыми для продолжения вечеринки.

— Джерк, — замахала руками ветряная мельница, ранее носившая статус принцессы, — Шил тебе гитару подарил, испробуешь?

Как Дон Кихот, набирая скорость, я неуклонно двинулся к цели. Девчули раздвинулись, и я приземлился ровно посередине. Аиша тотчас задрала локоть, облачиваясь на меня, а Кая склонила головку на плечо.

— Подлиза, значит улицу в честь меня назвал, — протянула принцесса в опасной близости от меня, дыша на меня парами «Безмятежности Создателей» 867 года, чем-то мятым и дурашливой юностью.

Мысленно я вздохнул: вот такая у меня судьба, ходить по веревочке над пропастью, будто канатоходец из цирка. А внизу толпа красоток и все ждут, когда ты сорвешься, чтобы растерзать.

— Каюське тоже надо улицу! — продолжила Аиша, почти упираясь в меня носом.

— Ар, — рыкнул я на неё и щелкнул зубами, намекая на укусы, но она только шаловливо захихикала.

— В её честь назову город, — сказал я и коварно лизнул её носик. Нуачё, вода охлаждает!

Аиша прямо дернулась от неожиданности и чуть не упала, но я её схватил и укорил: «ну ты, мать, наклюкалась с бокальчика. Алкоголь — это же жидкость для снятия трусиков. Опьянение — временно, а истории, проделанные по пьянке, вечны!»

— Если это будет история с тобой — я согласна, — закокетничала она.

И кто только научил такому? Нормальная же была: надменная, холодная и

неприступная. Как быстро вино разлагает богатый внутренний мир у детишек.

— Будет история, — согласился я, — когда вырастешь и отъешься, а батька твой перестанет на меня нож втайне точить.

— Да не точит он, — неуверенно проговорила принцесса, борясь со своей честностью и непреодолимым желанием меня успокоить. — я его уже предупредила. Он без мамки ничего важного не точит. А маманька в курсе, что ты классный.

— Я у тебя один, — претенциозно сказал ей, — значит надо меня беречь! Руками трогать осторожно, не кантовать, пылинки сдувать. Вот, бери пример с Каи!

— А, что? — очнулась задремавшая лисодевичка, — да, кусай его бережнее, как я.

С этими словами она прикусила мочку моего ушка.

— Девочки, так нельзя! — жалобно выдал я, чувствуя уже и Аишины влажные губки на моей шее. Испробую, показавшую себя хорошо на внутреннем голосе, заготовку, — я в орден уйду! Бист лайвс мэтер!

Это их отрезвило. Орден был контуженым на всю голову, занимался экспериментами по приручению монстров. Выходило не очень, но критерии отбора и жизни в ордене поражали. Буддийские принципы: не убий даже насекомое, постись, отшельничай и закаляйся.

Они разочарованно отстранились от меня. А я, радуясь передышке, схватил гитару у моих ног. Надо же: корпус из раковины гликона, огромного моллюска, очень прочный и покрытый золотом, серебряные струны, гриф из радужного дуба, ридиевая накладка. Дорогущая вещь. И с чего так принц меня полюбил?

«Полюбил, — хмыкнул внутренний голос, — Аиша ему по башке дала своей палкой магической, вырвала гитару из ослабевших рук и ушла.»

«Отомщу за принца», — пообещал ему.

«Я вам сейчас устрою поплакать», — мстительно думал, перебирая струны, — «вы у меня все взмокнете от слезок. Так: шесть, пять, четыре, три — вниз. Один, два, три, четыре — вверх»

— Нооуан ноус ватиз лайк, ту би зе бээээдмен, ту би зе сээээдмен, бихайнд блю айз, — затянул я заунывно, под мелодичный перебор.

— О, о, — раскрыли ротик девчули, — язык Создателей!

Пока я играл бессмертную классику, они горестно сопели мне в плечи, проникаясь скорбью и стопами гитарных струн. Это вам не сено у деревенских воровать!

— Магия — это жизнь, — сказал я нравоучительно, отбив последний аккорд, — настоящее волшебство в музыке.

— А про что песня была? — спросила Аиша.

— Про наглые синие глаза, — указал я на некоторое сходство принцессы с композицией. И не дав продолжить расспросы бодро взялся за следующую, слегка адаптированную под этот мир.

— Говорят, что нам не повезло, время всех Создателей прошло, что исчезли смелость и отвага. Безнаказанно вокруг гуляет зло, застоялись кони под седлом, ржавчиной покрылись меч и шпага.

Потом мы дружно прыгнули через костёр, прокричав «За короля!», я глотнул красенького на ночь, отбил от их цепких лапок, многозначительно сказав, что завтра в поход и всем надо набраться сил.

— Хорошие девочки попадают в команду Создателей, а очень хорошие — куда захотят. — веско произнес я. — А кто плохо себя ведет, пропустит возвышение!

Напускная суровость от обслюнявленных щёчек меня не спасла, но хотя бы ночью меня мазать сливками или еще чем — они не ходили. «И то, хлеб», — подумал, уже засыпая, — «я же как пчёлка жужжу, с утра до ночи». «Как пчёлка, — проворчал, раздраженный моей принципиальностью, внутренний голос, — прямо лучшее от них взял: скоро размножаться без партнера научишься.»

Я вломился в спальню к девочкам с непринужденностью бонгурунгу. Да, той самой свиньи со скверным характером. Размахивая фолиантом в руке, я подступил к ошарашенным девчулям, устроившимся в одной кровати. Они еще находились в той стадии утра, когда одно неловкое движение — и ты снова посапываешь носом. Риса, к этой стадии опаздывала, спала словно котейка у батареек зимой. Такого, кроме еды, ничем не пронять.

Конечно, Рису куда не выгнали, еще вечером я распорядился для нее из второй комнаты притащить кроватку поменьше. Комната большая — места хватило всем.

— Вот, — торжественно заявил я Аише, — подписывай!

— Эй, мы же голые! — ужаснулась Кая.

Аха, как винца выпили, так насели на меня как коллекторы на должника, а как утро — так в кусты. И ничего не голые, в симпатичном утреннем белье.

— Чего подписывать? — тоже испугалась Аиша, в прозрачной сорочке, кутаясь в одеяло.

— Контракт брачный, блин, — отважно шутканул я, — это первая гостевая книга континента, а ты станешь первой в мире путешественницей, которая напишет городу пару ласковых.

— Я сейчас напишу, что здесь по утрам в спальню вламываются, — обиделась она. — без цветов и поцелуев. Явное неуважение к королевской фамилии.

Видать досадно ей стало, что не контракт.

Жестом фокусника я извлек из-за спины вторую руку с двумя букетиками полевых фиалок. Джерк умный! Джерк подготовился!

— Не казнь страшна, а ваша немилость! Простите меня многогрешного, — скорчил я умильное личико и добавил непреклонно, — поцелуй только после записи в книге.

— В голову ничего не лезет, — задумалась Аиша, с любопытством примериваясь к солидному фолианту.

— Не важно кто ты, главное, что ты в Самуре, — предложил я.

Аиша воззрилась на меня со сложным чувством на лице. От принцессы просить такое слишком сложно.

— Хорошо, — решил я, — может что-нибудь поэтичное? Перчатки в пыль, в накидке дырки, хромаю, ноги волочу, лицо горит, в белье снежинки — самурских гор не разлюблю.

— Почему ты надо мной издеваешься с утра? — посетовала принцесса.

— Люблю потому что, — простодушно признался я, — и остановить меня никто не может, вы же в бельишке, вставать трусите.

Кая зевнула, потянулась и встала с кровати. Розовая пижамка натянула все выпуклости и мне поплохело.

— Это нечестная игра, — запротестовал я, закрывая глаза — если у меня хлынет кровь из носа, здесь будет как на тритикамской скотобойне!

Я почувствовал влажные губки Каи на пару мгновений, прикоснувшиеся ко мне, и приоткрыл один глазик. Принцесса уже тоже вставала, и сорочка на утреннем солнце предательски всё выдала. Пришлось снова закрывать глаза и стоять столб столбом, пока принцесса не использует меня как манекен для поцелуя, а чьи-то ловкие ручки не возьмут букетики и фолиант. Потом меня повернули лицом к двери и напутственно шлепнули

пониже спины.

— Я уйду, — угрожающе сказал напоследок, — но знайте, я вернусь! Под покровом ночи злодейски подкрадусь и оставлю отпечатки своих губ на всех ваших выдающихся и не очень местах.

— И, Кая, покорми как следует Аишу! Это важно для защиты! — уже закрывая дверь, попросил я.

— Какой-такой защиты? — подозрительно спросил Аишин голос за дверью

— Мало весящих людей легче похитить, — объяснил я, — ради своей же безопасности — ешь больше!

Спустившись на первый этаж, я раскрыл гостевую книгу на первой странице.

«Счастье рождается в Самуре. Здесь я нашла себя, титул и свое предназначение. Её высочество Аиша Выдающаяся.»

— Ути, ты ж моя хорошая, — восхитился надписью, — всё по делу и лаконично.

Здесь я еще вспомнил о вчерашней лекции и открыл таблицу с умениями. Рисе упал интеллект, а вот Кае на этот раз ловкость. «Рандомное выпадение?», — подумал я. «Так им по достижению уровня, так и падает, случайно», — высказался внутренний голос. «А чему учит история Бертрана? — возразил я. — здесь каждый своё видит, Кая знает, что лучшая сейчас, очень востребована в Самуре. День за днем со мной ей нравится, истерик, как после разгрома слаженной группы, нет. Вот и ловкость, после осмысления истории в положительном ключе, на следующий день упала.» «А чему учит история императора Герогайна?» — спросил внутренний голос. «Используй всё возможное и прими результат с честью» — предположил я. «Смотри на мир в объеме и доверяй фактам» — внутренний голос задумался, — «подтекстов всегда много, со стороны субъекта истории, со стороны наблюдателя. Мы, без тестов с однозначными выводами, так не разберемся. В следующий раз, выбирай истории попроще».

Согласившись со своим «вторым я» — я настоящий, бодро выкатился наружу, отшлепал квартал до ратуши, где встретил Нергахара Кексотлола. Васоверский купец выглядел бледновато, но был полон желания отправиться в путь. Понимаю, родные и коллеги волнуются, дела расстраиваются, золотые уходят мимо.

Я сунул ему фолиант, сказав, что принцесса свой долг перед городом исполнила и сейчас его очередь. Он прочитал написанное ею, брови его взлетели в стратосферу. Примостился на ступеньки, положил на колени фолиант и, — немного подрагивающими, от мысли что пишет вторым после принцессы, ручками — нацарапал искомое. С поклоном, двумя руками передал мне.

«Видят Создатели — нет в мире города прекраснее Самура. Наместник его, будто выкованный из ридия герой, который освободил меня от разбойничьих оков, не взяв ни монетки. Посещу Самур вновь на ярмарку, с достойным подарком для его милости!»

— Про меня лишнее, — поморщился я, — это просто моя работа. Книга не для славословий: ты пишешь о достоинствах и недостатках города. Сейчас ты не успел ничего увидеть, но приезжай через месяц: ткани, красители дешевые — дорогие у нас есть, шерсть, вино, сахар — на всё спрос потихоньку растет. Расторгуешься, осмотришься, сделаешь выводы. Договорились?

Мы забились, он ушел к крестьянской телеге, что шла до соседнего графства. Я — в ратушу, где оставил фолиант у Дэнри Теннира архивариуса, ответственного за бумажки. Зашел к Вельгу, узнать как дела. Бульжником уже начали второстепенные улицы мостить,

площадь я еще надеялся успеть заасфальтировать, а не получится, так она еще прилично выглядит даже со старым. На улицах обычные деревянные мостки, гравий, где-то просто грязь комками. Благо, что город южный, всё быстро сохнет, распутица недолгая.

Но я такого видеть больше не хочу. Насколько я помню по земному средневековью, городам не посчастливилось жить под римлянами, в грязюке только так утопали. После них тоже слегка было не до дорог, еще лет так пятьсот-восемьсот-тысячу. Объясняли это по-разному, очень смешным было замечание от одного автора «нерешительность коммунальных властей». Да ты хоть алкоголем для храбрости залейся — нет полномочий и денег, сам что ли пойдешь дорогу мостить? А если завтра феодальный сеньор сменится?

Лесорубы плохо справлялись, Мелам Тектос почил, заменить его мощь второй маг воздуха Кидам Акротис был не в силах. Он вообще был прорвавшимся полударом: уж не знаю, как он медитировал — змеев воздушных запуская, одуванчики сдувал, но в братство одаренных влился всего года два назад. Даже по заданиям серьезным не успел походить.

Реальность всегда бьет радужные мечты. Тут выбор либо мага воздуха в столице контрактировать, когда туда с принцессой поеду, либо Рису быстро прокачать. Маги воздуха славны своими режущими заклинаниями, что-нибудь, да упадет ей из этого арсенала.

В темпе начали с Вельге решать по мельницам, а Самуру принадлежало несколько по берегам Эрайны, две из них по моему приказу переделали в камнедробилочные, когда подошел Джиро с подкреплением, привезенным принцессой по моей страстной просьбе: кузнец в помощь Исхиросу, портной, часовой подмастерье, живописец. За ними в кабинет ввинтился Лэдри Каролинг, ему было назначено. Я мысленно чертыхнулся: ничего не успеваю. Ладно, у меня есть Вельг. Мужик рубил топором от безмолвных камней до очень шумных орков, лепил снадобья из подорожника и посуду на продажу из глины, чтобы выжить, строил дома и подонков в наёмнических отрядах. А вот если не он, чтобы я делал?

— Камия подошла? — спросил я Джиро.

— Стоит, ждет у дверей, — исполнительно доложил мой адъютант, — я попросил проходить, но она вот так, запросто, боится.

Я печально вздохнул, рывком поднял свое тельце из кресла, захватив кое-какие важные бумажульки, выглянул в коридор и увидел печальную блонду, ровно стоящую у стеночки.

— А чего ждем? — ласково спросил я, — кабинет ритуальных услуг Самура городской ратуши закрыт из-за отсутствия спроса.

— Ритуальных услуг? — испугалась она. — я не язычница!

«Рукоблудница», — хотел я пошутить, но смущать не стал, итак, за вчерашнее переживает.

— Даже знать не хочу про твои извращения, — махнул я рукой, — стоишь грустная, будто у тебя фикус засох. Радоваться надо! Сегодня твой первый день счастливой жизни в качестве управляющего домом высокой моды.

Она непонимающе моргала зазывными, длинными ресничками, мой внутренний голос было ожил, восторженно, засуетился, открыл рот, но я, не меняя лица, двинул ему локтем поддых.

— Вот, — сунул я ей бумажку, — компания на паях с гильдией ткачей Самура. Консультант Арвадур Исеадорский. Ты — главная. Поздравляю!

С этими словами я притянул её несопротивляющуюся тушку к себе и по-братски чмокнул в лобик.

— Арвадур Исеадорский!

«Ты смотри-ка, какому-то портняжке она больше удивилась, чем моему чмоку в лобик», — вознегодовал внутренний недобиток.

— Это же королевский портной! — с придыханием, сказала порозовевшая Камия.

— Один из, — уточнил я. — обслуживает принцессу. У принца, например, уже другой.

Но она мыслями уже унеслась в маньячные дали: где режут, полосуют и закалывают. Режут ткани, полосуют на бахрому или кружева и закалывают это великолепие всякими острыми предметами, вроде булавок.

— Я что, королевским портным буду управлять, — внезапно затрясла Камия головой, — вот я???

— Ты сильно то не зверей с ним, — пришлось мне озаботиться границами дозволенного, — к извозчикам за пирожками не посылай, обидится мастер. Он мне за солидную денежку достался, по благу.

Она еще некоторое время бестолково тарасилась на меня, но время поджимало, и я сыграл в быструю.

— Вот здесь пара эскизов, во что надо одеть меня, Каю, принцессу. Пара предметов нижнего белья. Сейчас заходим в кабинет познакомлю с Арвадуром и главой ткачей Лэдри Каролингом. Все думают, что ты подставная фигура, а заправаю и получаю всю прибыль от дома я. Поддерживаешь их уверенность, на всякие хитрые вопросы отвечаешь: мне надо посоветоваться с шефом. Но в творчестве я тебя не ограничиваю: делай свои эскизы, платья — моделей на двадцать можешь смело рассчитывать. На ярмарке состоится показ всего, что успеете воплотить в жизнь. Соберитесь, девочка, — ты хочешь достойного будущего для себя и Верлиты?

Всегда знаю на что надавить. Как услышала про дочку, зубы стиснула и походкой от бедра ворвалась в кабинет чуть ли не раньше меня.

Там я её представил, сказал, что она — это практически королевский наместник, только без грамоты и не стриженная. Чутка пошутковал с народом, люблю это дело и выгнал в гильдию: отбирать ткани, смотреть эскизы, искать моделей, творить.

Просто так Камия, к сожалению, не ушла — отмочила фокус. Встала, поклонилась чуть ли не в ноги, срывающимся голосом сказала, что оправдает великую честь, понесла пургу, цитирую «видят Создатели, в мире не было справедливости, пока не появился...» Я её сразу обнял, вжал её ротик посильнее в свое плечо, чтобы ни звука не вырывалось, не люблю такие славословия, на ушко шепнул, что владею тридцатью приемами закрывания рта у молодых особ и большинство из них неприличные.

— Эй, просто будь собой, Камия. Некоторые женщины — огонь, а все остальные дерево.

Она отстранилась, взглянула хитро, сразу стало понятно: неприличные способы она знает. Некоторые из них точно.

— Почту за величайшую честь, когда такой учитель будет наставлять Верлиту.

С этими словами она упорхнула, оставив внутренний голос скулить как побитую собачонку.

Оставшись с кузнецом, живописцем и часовщиком наедине я хрустнул костяшками пальцев, дурацкая, неизжитая, земная привычка. Двое из них — главный номер перфоманса, даже не ярмарка и, тем более, не показ модных штанишек и белья. Это всё красиво, эстетично, прибыльно. Но главное изобретение человечества после денег и бумаги — печатный станок Гутенберга. Только обмен знаниями, возможность его массового распространения готовят предпосылки научно-технической революции.

Роли были мной распределены. Исхирос по моему чертежу уже собрал печатный пресс для станка. Сейчас он отливал литеры из свинца, столичный кузнец займется формовочными рамами, вместе общей сборкой. Живописец поможет с заготовкой форм рисунков для книги, а часовой подмастерье соберет мне часы. Первые в мире маятниковые часы. Все материалы Исхирос подготовил в первые дни моего наместничества.

Я это задание ему как тест выдавал: стоит с ним сотрудничать или другого подобрать.

На самом деле, часами здесь не удивить. Солнечными. Они даже на дорогах стояли в Шайне. От королевской резиденции до дворца в столице путь был, например, был размечен для удобства гранитными столбами с гномоном. У всех команд авантюристов были походные варианты гномонов.

Но башенные часы были редкостью, считались вещью неимоверно крутой, были безумно дороги. А еще могли запросто ошибаться на часик так, в день. В земном мире, в Европе такие часы называли шпиндельным часовым механизмом, у нас часами с билянцем.

Я вспомнил как хвалебно летописец в 1404 году описывал установку первых таких часов в Москве: «человековидно, самозвонно и самодвижно, страннолепно, некако сотворено есть человеческой хитростью, преизмечтанно и преухищренно».

Мне эта ваша страннолепность здесь не нужна! И ни некако и ни како. Нормальные часы в Самуре будут. Все короли сгрызут свои кружевные манжеты на камзолах.

— Зиг Бердан, ты соберешь первые в мире часы на другом принципе хода. Об секрете ты будешь обязан молчать пять лет. Даже в своей гильдии, если мы с твоим главой не договоримся. Если заставят уйти, приму к себе с такой же оплатой.

— Адри Соред, — обратился я к живописцу, — если пойдешь со мной, ты увидишь удивительную машину, поможешь с рисунком для неё и будешь молчать пять лет о том, что узрел. Еще нарисуешь пару картин Аиши Выдающейся, но об этом условии ты уже знаешь.

— Ты, Марий Паликан, — эти слова я произнес для кузнеца, — тоже прикоснешься к большой тайне, тоже будешь обязан молчать о секретах. Хотя, возможно, тебе настолько понравится, что ты даже слегка поменяешь профиль своей профессии.

— Ваш труд будет достойно оплачен, — сказал им всем, — но дороже всего знание. Оно останется с вами. Вы подпишете контракт или вольны уехать сейчас же, и вам подберут замену.

Аха, замену — они как клещи вцепились в бумагу и чуть не передрались кто первый подпишет.

Я с отеческой любовью наблюдал за их грызней. Королевская власть, важные секреты и большие деньги. Вот это я называю — мотивация, а не эти ваши «у нас в офисе кулер с бесплатной водой стоит!», «а у нас до дома маршрутку всем заказывают, если переработка!».

На этом прекрасном моменте самолюбования, моё прогрессорство было прервано девчоночьей бандой, возглавляемой принцессой. Четыре девчули вторглись в кабинет и в нём сразу стало как в метро: куда не повернись, кто-то прижмется. Какая-то женская, секретная техника сжимания пространства.

Риса уселась на правую коленку, Верлита на левую, Кая прижалась сзади, а принцесса никого не стесняясь, практически возлегла боком на стол, снизу-вверх заглядывая на меня. Под словом никого, я имею в виду нашу команду. Мастера сразу ушуршали в коридор, как увидели принцессу, а она им просто кинула многозначительный взгляд.

— У меня дела! — слабо запротестовал я. — для вас же стараюсь! Мне много не надо: кулёк печенья и власть над миром.

— Хм, если у меня будешь ты, — сделала вывод Аиша, — значит, будет власть над миром.

— Половинка мира, — муркнула Кая, — другая моя.

Я кинул взгляд на Саитану, потом на маленькую Тайлид. Они-то меня чем удивят?

— А я просто поиграть хочу, — хитро сказала Риса, — и новых знаний.

— Мне власти не надо, — согласилась с ней Верлита, — хочу лучшего от этого мира — наставника Джерка!

Котиков объединяет март, а умных и красивых девчуль Джерк.

— Довольно слов! Хорошие авантюристы ждут чудищ и возвышения! — воинственно заявила Аиша.

— А плохие — королевскую амнистию, — проворчал я, поднимаясь с кресла. — Раз пришли слишком рано, прогуляетесь со мной до кузнеца. Только потом выдвинемся на монстров.

— С тобой хоть на котурны, — выразилась Кая и все остальные одобрительно поддержали её.

Котурны были обувью бродячих и гильдейских актеров, игравших роли Создателей на площадях в самодеятельных постановках. Выступать в таких представлениях благородным было заподло. Лъстиво и доверчиво мне давали карт-бланш на все действия.

Я оглядел своё милое женское войско. Всю эту патоку надо срочно сбивать своим суровым непредсказуемым юморком. Иначе потеку, как воск на свече.

— Однажды, в обычной крестьянской семье появился мальчик. И был он таким страшным, прямо очень страшным, так что, когда он родился, повитуха подбросила его к потолку и сказала удивленной матери: — Если это прилипнет к потолку, значит опухоль, а если полетит — это авантюрист!

— Так вперед, — провозгласил я, — пусть монстры боятся нас!

В мастерской Исхироса было темно, пыльно и жарко. Аиша, вошедшая первой, чихнула, ругнулась и только потом заметила кузнеца, ошалело взирающего на свою натурщицу. Он ведь, всё статую мечтал для принцессы замастачить. А тут она, в блеске юности. Ни с кем другой не спутать хотя бы потому что у нее медальон, заодно артефакт, королевской власти на груди висит.

— Ты кто? — спросила Аиша и снова чихнула.

Но кузнец только что-то восторженно мычал и тряс головой.

— Это слесарь, токарь, резчик по металлу, — пришлось вступить в дело мне, — всё высшего разряда, достойнейший Исхирос Самурский. Увы, говорить он не может. С ним приключилась неприятная история. Однажды, он ловил рыбу в Эрайне, когда в реку из моря заплыла русалка, спасаясь от стаи осьмокрабов. По чистой и благоприятной случайности, у доблестного Исхироса с собой оказалась трехлитровая бутылка самогона, коим облив свою одежду и намотав на весло, он поджег. Размахивая сим горящим орудием, он отогнал осьмокрабов от бедняжки.

Принцесса с уважением посмотрела на кузнеца. Кузнец преданно вращал глазами в напряженной стойке: руки по швам, грудь колесом.

— Увы, при виде голого мужчины, — продолжал я, — у русалки включилась защитная аура. Исхирос онемел и окаменел. Однако, русалка его не бросила и дотянула лодку с ним до берега. Окаменение, спустя некоторое время прошло, а онемение осталось.

— А потом? — жадно спросила принцесса.

— Она уплыла, но обещала вернуться, — ответил я. Лень стало дальше придумывать. Говорил же уже: Аиша, как дитя маленькое и любопытное, то расскажи, это покажи, здесь научи.

— Ты, давай, ведай всё, — сурово вмешалась Кая, — ни одной девуле не нужен парень, который не умеет работать язычком.

— Да, когда-когда она вернется? — заголосили Риса с Верлитой, проникнувшиеся грустной историей любви.

— Когда на шпагат сядет, — с каменным лицом сказал я. — Исхирос каждое воскресенье ждет её на своем месте рыбалки. Но видать пока у неё не получается.

— Наверно красивая русалка была, — вздохнула Аиша.

— Аха, — согласился я, — по словам знатоков, только они могут привлекать парней, не раздвигая ног.

После этих слов чихнула Кая. Эпидемия носовой аллергии охватила женскую часть команда и она постыдно сбежала из мастерской. Я участливо похлопал Исхироса по плечу.

— Ничего не говори, друже. Удивительное сочетание холодности, высокомерия, красоты и девичьей наивности. Тоже в первый раз, когда увидел принцессу долго не мог сказать ни слова.

— Неожиданно вышло, — стыдливо прошептал Исхирос, не обращая внимания на мои нелестные слова, — оборачиваюсь, а моя статуя стоит перед глазами как живая.

Вот же чертов извращенец. Это хорошо на каучук здесь спроса нет пока. Зная наших «умельцев», страшно представить, что они из резины сотворят.

— Ты не забудь, — сказал строго, — свою статую в свободное от работы время вырезать

будешь. Иначе эти три кубометра мрамора, которые я тебе обещал, не придут.

Мне до жути интересно, что у него получится, но делать статую принцессы в ущерб интересам города, я не позволю. Микеланджело высекал Пьету больше года в натуральный рост. У Исхироса три кубометра обработать года четыре уйдет. Хотя, что я могу знать — он же не Микеланджело. Может лет десять?

Я с сомнением посмотрел на него.

Макет из талькового сланца у него уже стоит, очертания фигуры видны. Это за свободную неделю, он соорудил. Мне, кстати, для той глыбы пришлось каменщиков тревожить и лошадей из конюшни городской выделять, чтобы привезти расколотую заготовку за десять километров из карьера до Самура. Кузнец — человек нужный и как мастер очень хорош. Мне не жалко, да и посмотреть на нового Микеланджело интересно. Искусство — вечно. Но насколько же он хорош? Поделок у него полно: из дерева, алебаstra, талька. Но не в три метра же громадины. Там один вес такой скульптуры тонн за двенадцать выйдет.

— Знакомься, Зиг Бердан, — представил я новичков, скромно стоявших рядом и, не промолвивших ни слова, перед лицом королевской крови, — Марий Паликан, Адри Соред. Часовщик, кузнец и живописец. Все будут работать с тобой, бумаги подписаны, о секретах они в курсе.

— Вес гири ты уже подобрал? — спросил я его рассматривая наш прототип на стене.

Циферблат часов у нас вышел три на три метра, весь механизм был из железа, только анкерная вилка была со стальными зубцами. Дешево и сердито. Проще даже чем солсберийские часы, выставленные в одноименном соборе — они не отбивали время. Нафиг, такое счастье, мой кабинет прямо под ними будет — я оглохну через неделю. Вот циферблат был, вернее будет, роскошным, его сам Адри Соред распишет светлыми красками под герб Шайна.

Самой гири, которой запускала ход часов, еще не было. Мы с кузнецом подбирали её вес, подвесив большую бочку с водой, из которой кузнец потихоньку отливал воду. Исхирос химичил с весом и ходом часов без меня, дело нехитрое, и я надеялся, он уже справился.

— Еще не уверен, — ответил Исхирос, — но больше ста килограмм выходит.

Для поднятия груза на прежнюю высоту у нас была система с крутящимся колесом, но будущий часовщик, в любом случае, станет бодибилдером.

— Всё, — решил я, — дальше разбираешься сам. Иначе то меня Аиша меня замочит. Или заморозит. Ну вы знаете, парни, что девчули могут учудить, если им покажется что их не уважают и заставляют ждать.

Они знали, потому безропотно промолчали. Обсуждать вероятные действия принцессы моветон.

— Ах, да, — вспомнил я, — подбери Джиро доспех, щит и меч, сегодня он с нами на возвышение едет.

Вышеупомянутый персонаж удивился, но исполнительно возник перед кузнецом. Нравится мне он: глупых вопросов не задает и всегда скоблит обувь о декроттуар перед моим домом. И вообще, мы в ответе за тех, кого приручили.

— Догонишь нас, Джиро, — бросил ему уходя, — южная дорога одна, после пляжа налево и через канатный мост.

Я выкатился навстречу пронизывающему ветру и такому же взору своих девчуль. Мы прикатили в кузницу на карете, с королевской охраной, потому зеваки, хотя и не собирались

в кучу, но делая вид, что ищут потерянную монету на дороге или рассматривают свежую трещину на старом доме потихоньку собирались молчаливой фанатской группой. Толпой я бы даже выразился.

Аиша почему-то не очень такое любит. За собой вести на штурм ратуши или монстров, всегда пожалуйста. Но когда она не контролирует ресурс и использовать его не может — подбешивается. Или просто не любит, когда на неё глазают.

Я еще разберу её сложный характер на атомы под своим душевным микроскопом. Попозже.

— Ваше высочество! — громко выкрикнул я, — ревизия мастерских показала, что преданность королю выросла на сто сорок шесть процентов! Слава королю и принцессе!

Толпа дружно меня поддержала, и Аиша смягчилась.

— Залезай уже в карету, королевский угодник, — проворчала она.

— Ого, — восхитился я, карабкаясь к ней, — да меня никак опять повысили?

— Я тебе еще пульс повышу, — пошутила Аиша, приходя в хорошее настроение, оттого что я наконец разместился между двумя красавицами, и карета тронулась в путь.

— Приготовишь бенто? — невинно спросил я, — получишь новый титул Пышногрудая, откроешь закон королевской силы?

— Джерк Хилл, ты злой! — надулась за сеструлю Кая.

— Это я злой, — вознегодовал, — да я самый добрый! Даже если кто найдется в мире добрее — убью его и снова стану самым добрым.

Аиша, собиравшаяся обидеться, передумала.

— Какой закон королевской силы? Сила короля в своих одаренных. — сказала она.

— Эти одаренные живут же на что-то, покупают оружие, имеют время на тренировки, монеты на артефакты, способности к быстрому и качественному возвышению, возможности собрать ополчение в случае войны.

— Разумеется, у них есть земли, жалованные королем, — фыркнула она, но потом поняла, — то есть, сила короля — это сила одаренных вместе с крестьянами?

— Если очень просто, — ответил я, — но следует называть это модулем силы. Потому что при отрицательной любви одаренных или крестьян, придется вычитать. Еще мы не учитываем развивающийся класс ремесленников, порождающий производственные силы, сферу услуг, ну эта практически незаметна в нашей аграрной стране, интеллигенцию — её тоже нет. Пока. Кое-кто считает её прослойкой, кто-то статусным классом.

— А чему равна сила Самура? — поинтересовалась Кая, сегодня сидевшая справа от меня.

— Сила Самура равна королевской силе, умноженной на коэффициент принцессовского трения с королевским наместником города, — пошутил я.

Аиша покраснела, но не отодвинулась.

— Как увеличить королевскую силу? — поинтересовалась она.

Риса и Верлита, попавшие в столь высокое общество тихо молчали, но судя по глазам даже им было интересно.

— Развитие производственных и общественных отношений, научные инновации, ослабление тесных рамок сословности, социальные лифты и вменяемое законодательство, культурный взрыв и экспансия, легкая грамотная пропаганда и — хоба-на — на геополитическую арену вступает император Южного Неста. — я подмигнул Аише. Правда умолчал, что в таком раскладе титул императора ненадолго. Народ за богатством поумнеет,

захочет социальных гарантий, кусочка власти. Имеет полное право, да и республики, вполне себе, могут быть гигантскими счастливыми империями, неважно как твой титул называется.

— Я мало что поняла, — насупилась принцесса.

— Хорошо, — терпеливо согласился с ней, — расскажу всё по порядку.

Вот так, за умными разговорами мы прикатили к своим импам. Здесь я рассчитывал быстрехонько возвысить Рису и Верлиту, пока взвод королевской охраны исследует новую территорию. Аиша о плане знала и капитана Нира Грегорна подготовила. У каждого взвода королевской охраны есть свой разведчик в составе. Но поскольку два взвода выезжали как одно подразделение, капитан забрал в поход одного, но достойного экземпляра, разведчика шестнадцатого уровня. На место второго, Нир Грегорн взял, как усиление, еще одного танчика. Вполне грамотное решение. ДПС с принцессой не нужен — она одна столько урона нанесет, что один маг или лучник ничего не решает. Маги в составе охраны тоже были: тьмы, огня и света.

Я им оценку сделал еще при первой встрече вчера: все трое семнадцатого уровня. Вывод из этого один: принцессу любят, к охране относятся ответственно, похищать её надо серьезным отрядом, который просто так, по землям феодалов, без шума не пройдет, и в случае штурма потери понесет серьезные.

Да Аиша одна, каст выдаст критический — квадрат двадцать на двадцать полностью зачистит. Я на память прикинул по формуле Джейкобса: если толпа разреженная, там один человек на квадратный метр. Люди стоят на расстоянии вытянутой руки. Плечом к плечу — четыре человека на метре умещаются. То есть, плюс-минус лапоть, от четырехсот до полутора тысяч простых и низкоуровневых персонажей при идеальном, критическом уроне принцесса положит. Такого, конечно, не случится. В среднем, при AoE по толпе критурон срабатывает в одном из десяти-двадцати случаев. Зависит от обвеса мага и его силы. Но Аиша в секунду — два заклинания волны воды выдает.

Местное РСЗО, бьет недалеко, но быстро и мобильное.

Потому воюют тут феодальные армии одаренных. Последнее массовое сражение было как раз при Арише, лет триста назад, когда Южная Каталия за армией одаренных послала набор ополчения, рассчитывая измотать в сражении между одаренными Шайн, а потом кинуть на добивание кавалерию и простых воинов. Теоретически, вариант проходной. Маг без маны — никто, усталый маг, с упавшей концентрацией, фейлит заклы. По черепушке дал глубиной, пока он там пересохшими губами что-то бормочет и нет супермена.

Практически, хотя одаренных у Южной Каталии оказалось больше, сражение между ними закончилось вничью. Да, Шайн отступил, но и измотанные южнокаталийцы преследовать их были не в состоянии. Когда в наступление двинулась кавалерия и пехота в бой вступил шайнский резерв в виде прабабули Аиши. Шторморожденная утопила всех, до кого дотянулась ультимейт-заклинанием, благо там болотце было рядом, как источник воды волшебу сильно усилил. Больше идиотов собирать массовую армию не было.

— В меру мил, с вами Джерк Хилл, — поздоровался я с импами, выписывая им старую надежную погибель.

В этот раз на выходе из пещер их было больше. У знакомой, старой кучки камней толпилось штук двадцать. Может потому что мы пришли не так рано, как в прошлый раз. Или это так, потому что нас в команде не двое, а шестеро — Джиро догнал нас уже у пляжа. Я заметил его через маленькое оконце в двери и пригласил внутрь на церемонию клятвы. Верлиту свою клятву еще в кабинете заместника протараторила.

Первый взвод остался у канатного моста, второй вышел на разведку к деревне гоблинов, а мы остались у пещер. Кая старательно пуляла по недобиткам из лука, принцесса лупила со всей дури своими заклинаниями, Джиро со щитом прикрывал Верлиту и Рису. Непонятно от кого, импы пару прыжков сделать не успевали, но так надо.

Я смотрел на всё это со сложным чувством: словно подкупленный судья футбольного матча, где ангажированная команда громит, без всяких ухищрений, соперника. Понятное дело, без меня им опыта раз десять меньше упадет, но неужели, кроме роли свадебного генерала, мне больше ничего не светит? Выкачал девчуль и ни на что теперь негоден, пригорюнился я.

— Шааайнааамореееее, — азартно закричала Аиша, вынося одним кастом, приведенную из пещеры толпу штук в тридцать импов.

Я вздохнул, что за нелепый боевой клич у королевства? Похож на название сигарет.

«Ты просто завидуешь её умениям, — мудро заметил внутренний голос, — твои на порядок пока медленнее.»

С другой стороны, может это искаженное «Шайн аморе». Хоть какой-то смысл. Что я знаю о боевом кличе, это вообще в период до Создателей было. О нём ничего неизвестно, так, расплывчатое предание: жили племена дикарей, но пришло сто Создателей и зажгли свет в умах людей.

Бетатестеры какие-то, в общем.

Импы кончились за полчаса. Вот все, из четырёх пещер.

— Дядь Джерк, — спросила Риса, — а чем мы тут занимаемся?

— Фигней страдаем, кисуль, — откликнулся я.

— Нет, они ладно, а мы сами?

— Мы самозанятые и занимаемся фигней, — упрямо гнул я свою линию, — но это недолго. У тебя уже седьмой, у Верлиты пятый. Пара часиков, разведка доложит результаты и будет жаркий бой. Но это не точно.

Потные Кая и Аиша забили друг другу пятюни, обнимашкнулись и закурили, в смысле, заговорили о чем-то своём боевом, пока няня с помощником охраняли их детишек у коляски. Няня с помощником — это я с Джиро. Вот так боевое братство рушится!

— Джиро, мы с тобой бесполезные реликты прошлых тактических построений, — грустно поведал я адъютанту.

— Но я чувствую как вырос, — осмелился он мне возразить, — стал сильнее, появилось ощущение знания новых навыков.

Я посмотрел его таблицу: блок щитом, базовая стойка, хм, оглушающий крик. Очень полезное умение: и каст можно сбить, и в оглушение ввести.

— Давай, когда Кая новую кучу импов выведет, набросишься и протестируем, — предложил ему.

Я подошел к боевым подругам.

— Такие жаркие девчули, — осуждающе высказался я, — а мы тут мерзнем.

— Давай с нами, Джерк, — пригласила благодушно Кая, обнимая спереди. Сзади меня в объятия заключила Аиша, согласно угукая. Не, если боевое братство сменяется на шведскую семью, я ни разу не против.

— Я супергерой, — сказал гордо, — для появления в проходной сцене мне нужны спецэффекты, обтягивающий костюм и камера. Но вы можете помочь тому малышу, — я показал пальцем на Джиро, — стать чуть-чуть в себе увереннее.

В общем, вытащила Кая штук десять импов, минут через десять после возрождения. Джиро с воплем набросился на них, но оглушение прошло только на двух.

«Тоже неплохо», — подумал я, отхиливая, объятую пламенем фигурку, которая что-то истошно орала. Аиша, забив импов, спешно заливала Джиро водой. В ответку на его крик от недобитых импов прилетело несколько огненных шаров. — «Монстрики всё же двенадцатые, а он всего четвертый уровень. Но Рисе тестить свои умения на импах я пока не дам».

Зрелище задорно горящего Джиро с надлежащим звуковым сопровождением, оказало соответствующее впечатление на молодую поросль авантюристов. Риса с Верлитой сразу как-то притихли, посуровели, поняли, что бесшабашность — пролог печального финала.

На самом деле, больше выглядело серьезно, Джиро отделался легким испугом. Ну погорел секунды три, пока его Аиша не затушила, так горел под хилом. Здоровья не убывало, а неприятные ощущения оставляют только действенные зарубки на память. Типа, геройствовать по приказу. А то почувствовал он в себе силушку богатырскую, вырос он из детской пижамы.

— Джиро, ты зачем щит после крика опустил?

— Посмотреть сколько импов оглушил, — пролепетал он.

— Все мои ученики будут жить долго и счастливо, — заявил я, — и умрут от старости. Ты прямо сильно решил срезать этот путь. Запомни, жить надо долго и так, чтобы тебя помнили даже враги.

Он потупился. Груз вины давил сильнее меня, но эй, я сам не ожидал такого фортеля от Джиро. Все же в гильдию авантюристов он посещал вечерами и когда был свободен от службы, Кая его натаскивала. Должны быть зачатки знаний или рефлексов.

— Хорошо, — принял решение я, — надо с тобой защиту отработать побольше. Килтилу я донесу. Продолжаем возвышение!

И мы принялись с удвоенной силой импоцидить местность.

Хотя кому я вру? Взяв Рису и Верлиту, удобно развалившись на камне, который до меня использовали как импровизированный лежак монстрики, поставив загоревшего, безбрового Джиро на стреме, два с половиной часа я травил байки из конспектов по истории Шайна, незаметно получив четырнадцатый, на который и внимания особого не обратил. Риса взяла одиннадцатый, ей выпала левитация, Верлита стала девятой с забавным умением «Сила Земли». На определенном участке маг земли этим умением увеличивает гравитацию. Казалось бы, ну и что? А представьте вы, внезапно, не восемьдесят килограмм весите, а сто шестьдесят — плющить вас начнет похлеще наркомана в передозе.

Пусть не туннелирование, на которое я надеялся, но очень полезное умение. Были еще навыки, но я был увлечен рассказом, глянул мельком, со всеми умениями еще разберемся и проточим на отдыхе, основательно подойдя к делу.

Работницы годы исправно пахали, Джиринина спина выражала слезливое раскаяние, мелкие замороженно внимали мне — приключения, разделенные с друзьями, становятся вдвойне ценнее.

— Овир Теодорин был лодочником на реке Лайн. — начал я последнюю байку. — Как вы все знаете, наша великая река Шайна Трит, у столицы распадается на несколько меньших: Эрайн, что идет по землям Самура, Гирайн и Лайн — последняя огибает Тритикам с севера.

— Так вот, Овир был лодочником на реке Лайн. Скопил немалое состояние, перевозя людей туда-сюда, присваивая потерянные пассажирами вещи, ссужая деньги под проценты, подбирая под себя все речные перевозки на Лайне, добившись создания речной гильдии. И был этот тип закоренелым скрягой.

— Когда я так говорю, следует понимать, что слова бессильны описать его настоящую

сущность! — Я развел руками. — Даже всего мира, не хватило бы удовлетворить его жадность.

— Когда город запросил список лодок для отчетности, он писал его при свете пламени свечи его соседей, подкравшись к окошку их дома, на подобии бумаги из отбитой собственноручно коре из идоги. Вот настолько он был долбанутый. Крысы и мыши обходили его дом стороной, на хлебные крошки он приманивал птиц в собственноручно изготовленные ловушки и рыбачил на Лайне. Воришка, однажды решивший поживиться его деньгами, выполз из его дома без ног и без одежды. Овир Теодорин снял с бедолаги одежду, затем заставил его вычистить свинарник, а из его ног приготовил ботвинью на крови для своих хрюшек. Далеко он не уполз, Овир, отвлекшийся на кормежку, выбежал за ним и уволок страдальца обратно. После этого случая его соседи долго еще избегали покупать свинину на рынке. А на его доме написали охрой: жадность отняла его у нас раньше, чем смерть.

Я отпил из фляжки водички с соком.

— Но что случается с жадной гусеницей в яблоке? — коварно спросил я своих малолетних слушателей.

— Давится косточками? — предположила Риса.

— Она становится толстой и неповоротливой, её птичка съедает! — выпалила Верлита.

Да в общем-то, даже проворной гусенице ловкость не поможет избежать клюва, но не буду расстраивать девочку, попытка подумать «как гусеница» сама по себе милая.

— Нет, — поднял я вверх указательный палец. — у эльфов на эту тему есть поговорка: жадная гусеница запутывается в выгрызенных проходах, вцепляется в свой зад и пожирает сама себя.

— Овир Теодорин придумал способ есть за счет соседей. Покойников всегда сжигают, но перед этим устраивают поминки, приносят еду и тепло вспоминают покойного. В один, прекрасный для соседей день, Теодорин умер. Обрадованные соседи нанесли еды и было устроили тризну рядом с трупом, как Овир ожил, сказал, что Создатели дали ему еще немного времени и набросился на принесенную соседями еду. Раз он так попиrowал за счет соседей, два. На третий раз соседи побежали к магу из гильдии авантюристов и поделились своими подозрениями, что вроде их знакомый умер, но втихомолку ворочается и глухо урчит. Недолго думая, прибывший к дому Овира маг огня, жажнул по «труп» заклинанием фаербола. Когда «восставший» Овир, завывая кинулся к воде, волшебник перепугавшись выдал кольцо огня, так что выжгло всё: и дом, и свинарник, и разумеется, заклинание превратило Теодорина в пепел. На пепелище нашли солидный шмат расплавленного золота. Жену Овир выгнал, по его словам, «жрала много». Сыновья ушли от него сами. Так что всё накопленное золото досталось короне. И какой из этой истории следует вывод? — поучительно спросил я.

— Золото к Создателям не забрать? — предположила «спина Джиро», — надо жить полной жизнью.

— Выбирать соседей, — мудро решила Верлита.

— Стать королем! — схитрила Риса.

— Любить надо не золото, — возвестил я им прописную истину, — а «золотых» девчуль. Даже королям.

Подошедшие Кая и Аиша заулыбались, приняли выгодные позы. Аиша встала на носочки, визуальнo удлиняя свои красивые ножки. Кая набрала побольше воздуха.

— Ах, если б камни могли говорить, — притворно вздохнул я.

— Тогда что? — не сдержала любопытство Аиша.

— Мы бы оглохли от их воплей, — честно сказал им, — одни просились бы к вам в почки, другие, хотя бы за пазуху.

— Даже твой гранитный камушек? — намекнула Аиша.

— Температура плавления гранита снижается почти вдвое в присутствии воды, — нравоучительно просветил я венценосную невежду, беря её и руку Каи и прикладывая к своему сердцу, — нету там никакого камушка уже: пустое сердце бьется ровно, в штанах не дрогнет пистолет.

— Пистолет? — подняла бровь Кая, — как ты странно его называешь.

Аиша залилась румянцем и отдернула руку.

— Ой, всё, — чувствуя, что проигрываю эту дуэль, засуетился я, — вы там не устали, может вам плечи размять?

Они милостиво согласились. Риса разлила из большой фляги ипокрас — это вино, настоящее на пряностях и ценных травах с сахаром. Она вручила две большие кружки Кае и Аише, а Верлита поднесла бенто. Я пристроился сзади и принялся наминать плечи Кае. Волосы она хитрой заколкой подняла повыше, чтобы не мешались. Тело лисодевочки обдавало жаром, зажав в руках её плечи и пропустив волной усилие — от кончиков пальцев до ладони, я вызвал легкое подрагивание милых ушек.

— Хорошо, — мечтательно сказала Кая, щурясь на пещеру, — нам, кстати, камень Тафирима выпал.

— У меня скоро уровень, — поделилась Аиша, — слегка покалывающее ощущение приближающей силы.

Я глянул её табличку в своем окне: три процента до пятнадцатого. Глянул как у Каи — ба, да она уже взяла четырнадцатый и молчит.

— А че скрываем возвышение? — сварливо сказал ей, — боишься проставляться тортиком заставим?

— Ой, — спохватилась она, — даже не заметила, контролила монстров. Одного-второго упустишь, он уже стреляет в Аишу. Ура меня?

— Урааа, — покричали мы, а я сразу прокачал её «легкую поступь» и «обнаружение» на следующую ступень.

— Теперь ты, твое высочество, — скрывая напускной грубостью легкое смущение, обратился к принцессе. Всё же королевская кровь, а тут сейчас как сожму эти тощие плечи, как бы не закричала от стра... или ха, или сти — кто её знает? Взвод, оставшийся на охране, у канатного моста нет-нет, да проявлял себя чьей-то головой раз в полчаса исправно чекая, как там у нас дела.

Вот она тут закричит, они же что-нибудь глупое удумают, а потом всех их убивать что-ли?

— Чур, не кричать, — честно предупредил я, — будет больно с непривычки!

— Я ходила босиком по наколдованному льду, сбегая в первый раз из дворца, — высокомерно бросила она, — да что ты знаешь о боли, Джерк Хилл?

«Главное на этом льду жизни не подскользнуться» — философски подумал я. Вслух пообещал ей придумать коньки и откатать с ней произвольную фигурную программу.

Потряся пальчиками, я возложил их Аише на правое плечо. Заколки у принцессы не было, потому я просто собрал её волосы и переложил налево. Разомну правое плечо двумя

руками, сделаю тоже самое с левым плечом.

Беззащитная шейка принцессы покраснела. Аиша засопела, запыхтела, захотела что-то сказать, но мои пальцы уже всюду наматывали ньютоны на её косточках.

«Не правда ли, какой парадокс?» — возник не вовремя чертов внутренний маньяк. Я чуть не застонал от досады, но всё же спросил: «где парадокс?»

«Когда невинность толкает на преступление» — сказал внутренний голос с довольной ухмылкой.

«Ты просто деконструируешь дружеские отношения» — неуверенно отбивался я, — «это чистая помощь, три часа убивания монстриков, как тренер я должен сделать всё для учениц!»

«Тренер! — захохотал внутренний демон, — поцелуй эту шейку, посмотри, что думает об этом она».

«Лянь, почему во всех наших фентази, почти во всех, — поправился я, — всё очень просто, а у меня психодичь какая-то творится?»

«Титаны слова и магии потому что пишут, бесстрашные профессионалы глубоких отношений — лениво изрек он, — некогда им сложный, богатый, внутренний мир пациента разглядывать. Рецепт литкомпота очень прост: щедро раскидываешь по страницам красавиц в стиле барокко, а потом используешь. Голодный пёс верит в кость. Нарисуют этих костей, а потом обсасывают, гавкая на тех, кто покусился.» — и зашептал коварно. — «давай же, она маг воды, но волшебство начинается в её изящной шейке, припади губами к искусству».

«Боец, которым управляет страсть, всегда терпит поражение», — срезал я его. «Мальшку на миллион» он тоже помнил, потому не сразу нашелся с ответом, а дальше стало не до него.

— Так норм? — жмякая в последний раз, левое принцесскино плечо, спросил я.

Ответа мы услышать не успели. Из-за поворота выбежал разведчик отряда, ушедшего в рейд, Верлита выронила бенто: кто-то умело пытался снять с него скальп и почти преуспел, выглядел он жутковато. Свисающий на правый глаз кусок кожи, обильно испятнанное кровью рубаха — ни накидки, ни оружия, рука не в свободном положении, а странно засунутая за пояс.

— Нашествие! — крикнул он, захлебнулся от недостатка воздуха, и упал прямо там у поворота.

Я сделал одновременно три вещи: хильнул бедолагу, оглушительно свистнул и вздернул перед носом Рисы руку жестом вверх.

Риса прекрасно поняла меня без лишних слов: она взлетела вверх, я, поменяв раскладку уже с рельсотроном смотрел на поворот, но пока было тихо. Джиро примостился слева с щитом. Он тоже взял девятый, и его блок щитом я на десяточку вкинул, впечатленный его зажигательными танцами.

Риса огибала гору слева, когда на тропинке показался бегущий первый взвод, с Ниром во главе.

— Километр на запад, водные Муэрто, примерная численность тысяча, — прокричала она срывающимся, от волнения, голосом.

Водные Муэрто — те ещё мрази. Здоровые, гуманоидные ящеры со своей тактикой, разделением по специализации и главарем. То есть среди них есть отряды магов, милишников и лучников. При этом считаются монстрами, хотя мне кажется, они даже разумнее орков. Жили обычно рядом с водой и что они делают среди гор — непонятно.

Разброс уровня у них колебался от двадцатого до двадцать пятого.

«Как и огненные великаны», — сказал внутренний голос. — «тебе не кажется, что-то их всех выживает с запада и заставляет двигаться на восток?»

Риса подлетела ближе, глаза странно сверкали. «Словно пытается не заплакать», — уточнил внутренний голос.

— Там второй взвод пытается на перешеек, ведущий к нам, подняться, — сказала она мне, — но они не успеют.

В моей голове примерно уже сложился расклад. Пускать племя Муэрто дальше нельзя. Они не рукожопы, пусть лапками, но мост наладить могут, здесь такие лианы растут в долине — слона выдержат. Это значит пару деревушек точно слопают пока помощь подойдет. В бою на открытой местности точно кто-нибудь из наших поляжет. А здесь шайнские Фермопилы, с поправкой на мои способности и остальных.

— За нами Самур и его жители, — сказал я, поворачиваясь к команде, — мы примем бой.

— Но её высочество в этом участвовать не будет, — решительно выразился Нир Грегорн.

И тотчас взлетел в водовороте вверх на шесть метров, корчась от боли.

— Воины, — звонко выдала Аиша, — я буду биться с вами в одном строю не потому что принцесса Шайна, не потому что маг четырнадцатого уровня, не потому что во мне нет страха или есть желание доказать вам какая я на самом деле. Всё просто: либо мы умрем вместе, либо убьем их всех. Сжатый кулак сильнее мощи всех пальцев! В любом случае нам не о чем будет жалеть!

— Джиро поймал кэпа? — вполголоса спросил я адъютанта, пока сраженные харизмой своей серебряноволосой принцессы, бойцы первого взвода орали неистово что-то хвалебное. Получив утвердительный кивок, я попросил Аишу отменить заклинание и сразу бросил хил в кэпа.

Джиро как-то странно его поймал — щитом, но вроде тот себе ничего не сломал.

— За мной, — бросил я, на бегу остальным.

Добежав до перешейка, я вынул из инвентаря, — надеюсь это было скрыто моей внушительной спиной, — раскладные сошки, сделанные еще в первый день наместничества, под заказ Исхиросом.

Прилаживая сошки в начале перешейка с нашей стороны, я краем глаз видел, как второй взвод в начале насыпи отбивается от передового дозора монстров, как падает первый боец с края, его сразу пытаются утащить за спину сомкнутого строя, оцетинившегося щитами, но не получается и павшему втыкает копьё в спину монстр, хватают, тащат и прямо в нескольких метрах от сражающегося взвода, рвут на части.

Кто-то увидевший это рядом со мной — блюет, все же воины королевской стражи не авантюристы. Повидали всякого говна, но как жрут товарища на твоих глазах немного не из этой оперы. Только надеюсь, мелкие не видели этого. Оборачиваюсь, Риса — бледная как полотно, но держится. Верлита стоит за мной, её глаза накрыла рука Каи. Аисаки не показывает внешних эмоций, но, по ощущениям, разъярена и готова к бою. Аиша невозмутима, постукивает магпалочкой, по своему кожаному полусапожку. Джиро сосредоточен, страха нет.

— Двое с щитами перекрывают перешеек, еще двое приготовьтесь сменить раненого или павшего товарища. Верлита, на десять метров вперед готовишь «силу земли». Маги

выбирают цели сами. — команду я и выпускаю импульс.

Болванка летит, в мгновение преодолевает путь до сражающихся, и взрывается там ошметками тел, горящих частиц земли, пыли и камней. Второй взвод накрывает ударной волной на излете, кто-то из них падает, но быстро встает.

— Риса, колебание воздуха! Она послушно исполняет, и я громко ору оставшимся в живых: «быстрее к нам, черепахи позорные, кто последний — тот проставляется остальным в таверне!»

Они ковыляют изо всех сил, сзади накатывает волна основной части монстров и трудно понять: успеют ли они или бухать придется за счет лута с монстров. Я выпускаю вторую болванку в орду Муэрто. Она собирает обильную жатву, но на миг остановившаяся масса лишь иступленно взывает, и этот яростный рёв эхом проносится в горах, заставляя дрогнуть сердца.

Битва за перевал началась.

Они успели.

Еще один из взвода оступился, полетел вниз по насыпи, успел вытащить нож и засадить какому-то чучелу из ящеров в бочину, но следом бойца сразу порвали. Смерть его не оказалась напрасной, задержала на несколько секунд передовой дозор врага внизу, а дальше преследовать было напрасно.

До них это тоже дошло, и они остались внизу, поджидая своих товарищей.

Я разглядел среди бежавших Дахама с выпученными глазами и на сердце чуть отлегло. Не то чтобы друг закадычный, просто знаю лучше остальных.

Впереди со щитом встал Нир Грегорн, уже оклемавшийся, извинившийся перед принцессой за попытку увести от места схватки, но пообещавший, что Шайреду Четвертому он доложит всю правду. Аиша на это только нагло хмыкнула, а у меня в голове на эту сцену попросились титры «Directed by Robert B. Waide». Доиграешься ты, кэп, с принцессой.

С собой Нир поставил какого-то невзрачного мужика, сказав, что со щитом тот лучший. Я не спорил: кэп знает что делать.

Расположившись за ним, сбоку, где перевал на нашей стороне уже расширялся, переходя в плато, я наблюдал за тем, как поведут себя ящеры. Добежавший второй взвод, ввалился в раздавшийся строй и упал на землю, тяжело дыша. Я ожидал, что они хотя бы щиты отбросят, убегая, но те их на спину повесили. Так и бежали в полной амуниции, видимо, даже не ждали спасения, отправив разведчика донести о нашествии, сами остались прикрывать и умирать. Хорошо хотя бы в разведку ушли с магом света, без его лечения даже до перевала могли не дойти.

Ящеры между тем чего-то ждали, беснуясь внизу. Среди серо-зеленокожих хвостатых выделялся мощный тип с красной кожей, с кучей здоровых ящеров похожей окраски по бокам и парой суетливых прихлебателей. Сделав вывод, что это главный и разложить его на атомы при атаке будет главной задачей, я пытался оценить их количество — больше тысячи явно, Риса видела только часть. Тысяч пять, прикинул я всё по той же формуле Джейкобса, учитывая, что мощный хвост ящеров метра в полтора и данные для обычных людей надо на два поделить. Очень много для двадцати трёх, пусть необычных, но людей с оружием. Но двадцать четвертый — Джерк Хилл переворачивает игру.

Я встал с краю плато и снял с себя ремень. Глаза Аиши широко распахнулись, невозможность сменилась легкой паникой. Кая скорчила гримасу:

— Ты же не прыгнешь сейчас в озеро и не поплывешь лупить их ремнем?

— Не такой я упоротый, — отверг её инсинуации, — мой кавайный ремешок сделан только для милашек. Кинь-ка мне свой рюкзачок.

Попросив Рису повторить эффект усиления, я эгегейкнул, привлекая их внимание, и показал ящерам средний палец

— Я из твоей мамки ремень ношу! — прокричал их главному, краснокожему мутанту, размахивая кожаным аксессуаром. — А из папашки твоего — сапоги!

Я продемонстрировал ему свои крепкие, коричневатые, модные сапожки.

— А из тебя, убогий, выйдет отличный походный ранец, — показал ему рюкзак Кай, потом на него.

Не знаю владеют ли они общекоонтинентальным, но эффект был наглядный. Главный аж

взвыл от обиды, жабры или складки у него по бокам раздулись, он заверещал, зашипел словно маслице на сковородке и плюнул в мою сторону. Харчок его пролетел метров двадцать и упал в озеро, испаряясь с темным дымком. Ну ок, так и запишем в похоронке: главарь плюется ядом вблизи и на средних дистанциях.

— Лошара, а в беретик попадешь? — крикнул я какому-то ящеру с луком. Быстро взял у Рисы головной убор и запустил по диагонали в сторону. Ящер покрутил головой на меня — на своего босса, поднял лук и выстрелил.

— Миссисипи один, миссисипи два, — мерно начал считать я, на восьмой миссисипи промахнувшаяся стрела булькнула в воду, ящеру отвесили мощный поджопник, а берет приводнился в озеро.

— Итак, друзья, — повернувшись к своей команде довольно сообщил я, — эмпирическим путем было выяснено, что скорость полёта стрелы ящера Муэрто составляет 40–50 метров в секунду. Плохонькие у них луки.

Краснорожий, отвесивший пинок своему подчиненному, помотал башкой, что-то проскрипел своим, дайте угадаю, вроде «живьем брать, демона!» и вздел свою лапку в мою сторону.

И понеслась сила басурманская, задрожала земля под весом ящериц, потемнело солнце от стрел полчищ иноземных — нет. Я такую драму только в театре самурском поставлю, когда построю. Они долго карабкались вверх, помогая себе хвостами, строились на площадке перед перешейком, со своей стороны. А вот потом, довольно резво, бросились на нас. При этом большая часть, подавляюще большая часть процентов в девяносто пять, осталась внизу, наблюдая за боем. Против нас вышло ящеров двести.

Я так понимаю, эти рептилоиды как крокодилы: на коротких дистанциях стайеры, а потом выдыхаются и тихоходы. Заодно краснорожий выяснял, будет ли далее подобное колдовство: когда под соточку ящеров стирает с поверхности одномоментно — взрывом, огнём и давлением. Штук пять из них плавало, не подавая признаков жизни в озере, куда их закинуло ударной волной, искалеченные что-то жалко шипели, догорающий крохотными огоньками, выжженный кратер метров двадцати в диаметре намекал на размер проблемы.

— Верлита, — ласково сказал я серьезной и хмурой девочке, — ты наша большая умница и не подведешь друзей. В пять лет надо сидеть дома с куклами, но ты всегда хотела помочь маме. Чтобы она не плакала ночью, думая, что ты не видишь. Ты хотела уважения, чтобы никто не помыкал твоей мамой, указывая как, когда и сколько ей работать. Ты не хотела больше видеть её истыканных в кровь пальцев, как она старается быть веселой ради тебя, запирая внутри всю горечь разочарования. Вот так развернуто, может ты и не думала, просто — вырасту и помогу, а время пришло сейчас.

— Эй, через три секунды твоя мечта сбудется, улыбнись!

Она попыталась, но улыбка криповатой вышла и в этом нет никакой вины девочки. Вон, мужиков здоровых потряхивает, все видели, как их товарища на ходу жрут. Твари как на подбор рослые и звероватые: морда вытянутая, ноги слегка согнуты, плечи широкие, в четырехпалой кисти здоровая железяка или копьё. Ящеры с луками неторопливо выстраивались внизу, на площадку не поднимались. Думаю, когда мы будем увлечены боем, постараются подобраться, втесаться в толпу и начать расстреливать.

Речь мотивировочную Верлите я сказал, на ушки ей шапчонку поплотнее напялили, чтобы рёв ящеров концентрацию не сбивал, Джиро я поставил с щитом перед ней, заодно и Рисе приказал с Верлитой быть. Когда ящеры побежали в атаку я пальцами «раз, два, три»

отбил перед её глазами, словно рефери перед боксером в нокауте, косясь за плечо Нира, а потом она «силушку земли» кастанула, не глядя даже.

Примерно представляю: вот ты бежишь спринт, судья с секундомером совсем рядом, и вдруг на твои плечи, такого же веса как ты, товарищ сваливается. Даже хуже ощущения: руки у тебя свободны, когда кто-то на спину сваливается, а здесь тяжесть везде. Не имею понятия сколько джи выдала Верлита, я на десяточку прокнул кармой ее силу земли, как только осмотрел позицию. Маги такой редкой специализации как земля, в битвах участвуют нечасто, данные по ним скудные, само умение как у Аишы форма льда, забирает тридцать квадратных метров перед собой. На них сила тяжести меняется.

Полторы джи, это чувство взлета на реактивном лайнере. Вдавливает в кресло, но ничего страшного. Хотя не сиди пассажир в кресле — с ног свалится. На двух джи, у человека начинает свисать лицо, пузо, движения очень вязкие, кровь течет медленнее, давление повышается, кислорода в тканях начинает не хватать, трудно дышать.

Бегущую дорожку из ящеров длиной метров в сорок мгновенно расплющило, большинство попадало, кто-то выронил меч, кто-то копье. Поплохело всем: задние ряды, не попавшие под заклинание, наткнулись на передние, слетая в пропасть — вниз налево в озеро, вниз направо — на камни вниз. Только два ящера впереди не попали под заклинание, но их сразу приняла на свой гидробласт Аиша, маг огня на фаербол, Кая и лучник из первого взвода воткнули по стреле.

Аиша мгновенно перенесла удары дальше, расстреливая вяло копошащихся ящеров. Будто мухи в киселе они гребли к нам, но принцесса, словно заправская домохозяйка с кухонной поварёшкой, своей магией пару раз черпнула и всё. Кучки серебра, сапожки, пара щитов, тесаки, короче говоря, от ящеров остался только лут. Что сразу вызвало нездоровый ажиотаж у охраны.

Одно дело раз в год видеть выпадение с монстров предмета и никогда — монет. А здесь такое богатство сразу.

— Разговорчики! — мгновенно вскипел, поворачиваясь Нир Грегорн и Аише, — прошу простить ваше высочество, виновные будут найдены и наказаны.

Я незаметно отрицательно качнул головой. Аиша сказала, что никого наказывать не надо, но все разговоры следует начинать после битвы. Ящеры, тем временем перегруппировались и попытались атаковать снова.

Повторно, вторично, вдругорядь, изнова: бессмысленное бросание рептилоидов на «магический пулемёт» Аиши через «ряды с проволокой» от Верлиты продолжалось часа два.

Я так и представлял себе: изматывает краснокожий, измором берет. Но одно — читать как французы и немцы себя калечат бессмысленно у «Горы смерти», толпясь на проволочных заграждениях, не в силах тридцать метров в гору влезть или смотреть на экране как напوماженный, запирсингованный Ксеркс, в комиксе «Триста спартанцев», кусая губки, смотрит побивание своей гвардии вышеупомянутыми суровыми мужчинами совместно с другими эллинскими комбатантами. Ксеркс, между прочим, там не со спартанцами даже сражался — с временем. Не пройдешь Фермопилы — будешь не на битву смотреть издалека, а на то как твои чуваки друг друга жрут из-за недостатка еды.

Видать у краснокожего рептилоида похожие проблемы. Сзади верная смерть, а здесь шанс у кучки людей вырвать перевал, когда те устанут. Верлита — уже выдохлась.

Я посмотрел на неё, лицо какое-то серенькое и потное. Надо ей дать отдыха.

— Верлита всё, полчаса отдыхает, — объявил я.

— Но я могу еще, — пролепетала она, борясь с желанием лечь прямо на месте и тупо смотреть вверх, не моргая.

— Парню своему так скажешь, — непреклонно отмел я все возражения, — когда восемнадцать стукнет. Лежать — отдыхать. Это приказ.

Краснорожий Муэрто стал подгонять своих стрелков, понукающе шипя и зигуя четырехпалой лапкой вверх. По моим оценкам, где-то под тысячу милишников мы уже уработали, ящеров еще оставалось очень много: тысячи две с половиной пехоты, под тысячу лукарей. Хотя называть их так с примитивными плоскими луками и стрелами из костяных наконечников — как если бы окрестить чувака с затинной пищалью испанским аркебузиром. Еще было пару сотен непонятных рептилоидов с оттенком ближе к красному, вроде личной гвардии главаря.

Первый отряд лучников вскарабкались к нам, пошипел, разогревая себя, потом ринулся к нам, но не доходя до зоны контроля, где они, как думали, их встретит заклинание силы земли — вздели луки и... попадали от волны воды, фаербола, ледяного болта. Парочка успела выпустить стрелы, что тупо воткнулись в щиты. Так себе луки, вроде индейских в реале, чисто на ближний бой, а вступать в такой против магов на узкой полоске земли шириной метра два-три самоубийственно. Они и кастуют быстро, и заклинание само по себе мощнее в разы: все стрелы испепеляет, сбивает, отклоняет.

Так повторялось еще раза три, когда я заметил, что фактор усталости начинает играть не в нашу пользу. Нир и невзрачный мужичок с щитами сменились уже как полчаса, отдыхали, а новые воины оказались не столь хороши. Выдохлись быстрее, реакция была хуже. Вместе с лукарями краснорожий начал запускать своих метателей копей, и вторая пара быстро словила ранения в конечности. На них сабатыны, но то ли дрянные, то ли копьа настолько удачно вошли. Я их мгновенно подлечил, увы, пока не бойцы. Строй разомкнулся, выпуская новых двоих щитовиков, но ящеры, почувствовав слабость, — удвоили усилия.

Щиты королевской охраны были похожи на франкские, треугольной формы. Продвинутый вариант каплевидных, с тремя креплениями из кожи по центру. Всаднику так легче, высвободив кисть, отпуская третий ремень, держать поводья. Размерами они меньше, более маневренны, но когда боец устает, когда щит клонит под тяжестью засевших стрел, меньшая область защиты дает о себе знать. Начинаются пропуски стрел и копий.

Новые бойцы тоже долго не продержались. Один вообще стрелу словил челюстью. Всё потому, что он был облачен в открытый потхелм. Королевская охрана, должна быть унифицирована по идее оружейно, но Нир и его товарищ были в топфхелме — закрытом шлеме, конусовидном, узкими щелями для глаз, а эти носили доспехи попроще. Нет, он не умрет: от стрел и в реальном средневековье не умирали сразу, если только сердце не пробивала или в мозг. Бойцы умирали от потери крови, болевого шока, заражения. В музее Готланда можно полюбоваться на череп бедолаги из которого торчат три наконечника. Но умер он не от этого. Его добила попозже, раскроив череп.

Раненого я отлечил, остановив кровотечение, мэтр Лорадан челюсть ему соберет в Самуре, ну или пластину вставит — сам разберется. Звончок просто тревожный — шоу пора уже заканчивать. Аиша взяла двадцатый, подустала, но глазки воинственно сверкают, клич «Шайноморе» звучит так же звонко. Кая лихо свистит, запугивая ящеров ультразвуком, стреляет она метко и далеко, пусть и без спецумений. Когда друга, рядом стоящего, с которым ты не один килограмм водорослей под улитками в пиве схомячил вместе, навyleт прошивает за сто метров бронебойной стрелой и дальше еще кого-то ранит — становится

грустно и мокро в районе хвоста.

Глянул таблицу у Аиши: о, вот и «Цунами» выпало. Я и один плазмощоу могу устроить, но болванки у меня не бесконечные. Кто знает от какого врага убежали ящеры.

— Бабуля смотрит на тебя сверху и гордится, — сладко прошептал я принцессе на ушко. Она вздрогнула, отвлеклась, посмотрела непонимающе.

— Массовый призыв воды тебе выпал, — проинформировал её, — у меня есть план, замаскированное твоё умение, сейчас кармы хватает на +16. Устроишь цунами на озере внизу и выплеснешь на врагов, пока я буду долбить их своим супероружием.

— А я только разошлась, — сказала Аиша разочарованно. — но ты прав умение надо затестить.

Алле, я просто хочу бой закончить, а не тестить насколько ты крутая, подружка! Вслух я льстиво позволил выразить надежду, что зрелище запомнится всем выжившим навечно.

— Да нет, — грустно и самокритично выразила она своё отношение, — тут столько монет и предметов валяется, такое даже легендарным бабулькиным штормом не перебить.

Это правда, основная масса выпавшего лута заполнила перешеек, мешала ящерам бросаться в атаки, и новый предмет или монеты, после очередного массового самоубийства монстров, уже падали со звяканьем вниз.

— Я начинаю, готовься, — пропустил мимо ушей эту жалобу, прокая её умение на шестнадцать.

Она чуть отошла под щиты кого-то из охраны, после выноса очередной волны ящеров, встала с края обрыва.

Стоя за первым рядом, вспотевших, нервных мужиков с щитами, напряженно следящими за врагом, я позволил себе слабость вспомнить Хилэра Беллока. Чтобы он написал сейчас? Не будет в Шайне больше бед, отныне — испокон, на всё готов один ответ, любимый рельсотрон.

— Шаны, быстро за меня! — скомандовал им.

Не задавая глупых вопросов, они юркнули за меня, и я с сошки в упор выпустил болванку в собирающуюся толпу. Долбануло знатненько: в упор, метров со ста в гору. В гору, потому что считать препятствием для болванки соточку ящеров — наивно. Там всё заволочило мгновенно пылью, дымом, полетели осколки камней, мне кажется, даже гора протестующе вздрогнула. Я сразу перенес огонь вниз, выцеливая краснокожего главаря. Бежать он никуда не собирался, возможно, думал просто моё умение откатило. Да и не успел он бы никуда убежать. Следующим выстрелом я похоронил его вместе с гвардией. Пульнул еще раз, когда до них дошло — это конец. Они брызнули в разные стороны, кто-то даже в озеро, но Аиша заюзала цунами и огромная, метров тридцать в высоту, волна с рёвом вынеслась из берегов и захлестнула недобитую орду. Через некоторое время, — не считал сколько, замороженно смотря на буйство стихии, — она спала, отхлынула и перед нами возникла куча мусора. Трупы, экипировка, грязь, ил, водоросли, камни — все вперемешку ровным слоем покрыли место, где жалкие три тысячи недобитых ящеров полминуты назад, громко шумели, бряцали оружием и вели себя неподобающе по отношению к её высочеству.

— Ох, не того человека назвали Акваменом, — сокрушенно сказал я, — думал тебе аквариум с рыбками подарить на день рождения, сейчас что-то страхово стало.

Аиша стояла с таким умиротворенным видом будто дакимакуру неделю выбирала, две недели ждала, привезли, а там автограф от Тацуюки Нагаи на «Карманном тигре». Подошел, приобнял за плечи, говорит: «какие чувства после спасения округи от Нашествия?»

Аиша Подавляющая отбивает Нашествие Водных Муэрто на округ Самура королевства Шайн. Благое деяние повышает преданность жителей королевства.

Кая пошла и приобняла принцесску слева.

— Я прямо такая преданная тебе стала, — сообщила она Аише, — хочешь свистеть громко научу?

— Эй, да ничего бы без вас не было, — возмутилась она. Чмокнула лисодевочку в щечку, облизнула мою левую сторону лица. — что с тобой Джерк?

Моё хорошее настроение стремительно ухнуло вниз. Во рту появился кислый привкус, голова враз потяжелела под грузом печальных мыслей, живот скрутило.

Принцесса перевела свой взгляд с меня на то, куда смотрел я.

Из-за поворота горы, на то место, где недавно буянили ящеры, выходила армия Нового времени. Копейщики, мушкетеры — все в красных кафтанах, в желтом — чувак с барабаном, мерно отбивающий ритм, офицер в синем плаще, с широкополой шляпой на голове, выезжал на лошади.

«Первый контакт, — прокомментировал внутренний голос, — можешь представить себе, что чувствовали индейцы из племени гуанакани при встрече с Колумбом.»

Поскольку никто меня в жизни не бесил сильнее чем внутренний голос, я быстро пришел в себя.

«Да с чего ты взял, — обратился я, к своему «второму я», — что в данной ситуации они испанцы, а мы индейцы? Может, мы протоиспанцы, а это арабы из Омейядского халифата. Выкуси это!

«Реконкисту даже в таком раскладе ты уже не увидишь», — размазал голос по мне помётом.

— Что за наглые типы, — мгновенно сориентировалась принцесса, — вошли военным отрядом на территорию Шайна и не приветствуют меня, королевскую власть, подобающе, стоя на коленях? Утоплю их!

Она вздела руку, но я осторожно и ласково перехватил её.

— Дорогуша, — проворковал я, — зачем так сразу? Нам не нужны плохие отзывы о королевстве и Самуре. За такое в черный список сервисов доставки еды вносят. Может они подарки на Новый год тебе принесли?

Скомандовал Рисе, стоящей за нашими спинами и не видной непонятному отряду: «Передай, всем не подходить к обрыву и не засвечиваться — это приказ принцессы. Мы будем вести переговоры».

Пока она это делала, я увидел, как офицер на лошади достает притороченный продолговатый предмет и что-то вытаскивает из него, прикладывая к лицу.

«Подзорная труба, — прокомментировал внутренний голос. «Да ты шо? — деланно изумился я, — а я думал базука. Смотри какая здоровая.»

«Размеры внушают осторожный оптимизм, — продолжил внутренний голос, — по крайней мере не восемнадцатый у них век.» «Мое почтение, Севилла Трелони, — восхитился я, — давно не виделись! Пока аркебузы не рассмотрим ближе — не понять. Может они не на порохе вообще работают. Вывод пока один: раз у них огнестрел их армия в разы больше феодального сброда одаренных и более смертоносна, в принципе. Одаренных тоже больше. Уровень только не понять.»

— Аиша, — проговорил я быстро, — это военный отряд прибыл из какого-то королевства нового материка. Их технологии выше наших. Из тех предметов, что в руках солдат, вылетает свинцовый шарик массой от 40 и выше грамм, со скоростью около четырехсот метров в секунду. Пробивает хороший доспех с 40–50 метров.

Аиша удивленно посмотрела на меня.

— Доверься мне, — успокаивающе сжал её руку, — я проведу переговоры. Если они вообще владеют общекионтинентальным.

— Риса, давай усиление, — попросил девочку.

Офицер, тем временем, всмотрелся через примитивную оптику в нашу девичью банду под моим продюсерством и, держу пари, удивился. Он со своей армией гоняется за этими хвостатыми чингачгуками, а тут какие-то три девчули (Верлита как прилегла, так и уснула сразу) плюс непонятный тип всех уработали. Что это за супермаги опасные?

— Я Джерк Хилл, королевский наместник этих земель, государства Шайн. Кто вы такие и что делаете на земле королевства? — наехал я сразу на него.

Так-то реально свинство, они прошли через дереvушку. Видели стелу, на ней надпись

«Чудесная долина, королевство Шайн».

Офицер, приняв решение, спрыгнул с коняши, подозвал мужика в мантии и с бородой, подмел землю шляпой и тоже через усиление ответил.

— Я, Фодель Григор, по прозвищу «Гончая короля», полковник егерского полка его святейшего величества короля Кевина Левиса Сорок Седьмого, единственного законного потомка Создателя и Благодетеля Левиса Сотрясающего Небеса, который...

Дальше пошло перечисление подвигов этого Создателя и титулование. Эти славословия я благополучно пропустил мимо ушей, занятый обдумыванием одной мысли. У них типа что, культ одного Создателя? Других в их истории не было?

— ... из страны Гродал приветствую королевского наместника Шайна, — закончил полковник. — мы преследовали ящеров, дабы они не успели причинить ни малейшего вреда славным жителям королевства Шайн. Прошу провести переговоры по установлению дипломатических отношений.

— Хорошо, полковник Григор, — величественно согласился я, — позвольте в знак уважения нашей первой встречи произвести салют в вашу честь, согласно обычаям королевства Шайн.

— Эм, да, наместник, — несколько недоуменно согласился он.

Я повернулся, полуприкрытый фигурами девчуль, и долбанул из рельсотрона в многострадальную гору. Эффект от выстрела в гору я уже описывал, но здесь часть скалы, тонн в тридцать, не выдержала, подломилась и с грохотом свалилась сначала на плато конца перешейка, потом дальше вниз в пропасть. То, что надо для начала переговоров.

— Риса, используй левитацию для собирания монет внизу пропасти слева, — попросил я. С правой стороны перешейка было озеро и монеты, упавшие туда я списал со счета. — С меня три беретика взамен твоего, пошедшего на опыты.

— Нир, накрытие Рисы выделишь бойца.

— Джиро, дуй в Самур, срочно привози бригаду каменщиков и за канатным мостом начинайте строить, хотя бы небольшую охранную башню.

— Ваше высочество, — здесь я глянул её таблицу и приятно удивился «похоронным баллам» за ящеров. Она почти взяла двадцать пятый. Выпали град льда, водяная буря и, в перспективе, на следующем уровне будет шторм. Она же мегазаточенная няшка-убивашка, по-другому никак.

— Аиша, зачисти с Грегорном пещеры импов и разрушь кристаллы. За нас с Каей не волнуйся. Мне нужно часа четыре для оценки ситуации, задерживаться не буду. Но если я не вернусь, вызывай магов, держите канатный мост, во что бы то ни стало. Иначе Шайну — конец.

— Так реально надо, — сказал я заметив её колебания, — выполню любую твою просьбу, но сейчас ты с нами не пойдешь.

Я достал из инвентаря, то есть из кармана перьевую ручку, лист бумаги и в три росчерка накатал схему аркебузы с пояснениями; состав пороха, рецепты его у стран разные, выбрал каноничный 75-15-10 селитры, серы и древесного угля; и схему фитильного замка. Он на самом деле простой, как три рубля, дома сделать можно. Замочная доска, пороховая полка, щиток, который защищает глаза стрелка от вспышки, крышка пороховой полки, спусковой рычаг, пружина, три винта, которые фиксируют всё это, серпентин, серьга, устанавливаемая на квадратной части серпентина, шпилька для серьги. Девять деталек, три винта. Школьник соберет, если захочет, но я это вам не говорил.

«Ты ключ забыл, — снисходительно напомним внутренний голос, — которым ручки серпентина подкручивают, для фиксации фитиля.

Я упоминал, как он бесит?

«Смолой закляят, откляят», — буркнул ему недовольно. Но добавил и его, и пыж, и пробирку для порохового заряда.

На заре зарождения огнестрела всякие шайтан-трубы за оружие не считали, использовали при осадах на стенах. А прошло время и аркебуза вытеснила лук, хотя вроде бы: сколько выстрелов сделает лучник за минуту и сколько аркебузир. Ну да, лучника надо готовить полжизни, с младенчества. Но отчего же арбалеты не распространились тогда? Пробивная сила ого-го, а стрелять может любой мужик. Даже ребенок взвести сможет. Правда не факт, что поднимет.

«Дорогой потому что арбалет, — заметил внутренний голос, — аркебуза выходила дешевле. Потом с развитием ребенок получал Дар лучника, и навыки помогали пробивать монстров и низкоуровневого одоспешенного противника. Зачем ему арбалет? Он к стрельбе не готов сразу, во взведенном состоянии долго не выдержишь. Лучше тридцать луков, чем один арбалет.»

«А зачем тогда аркебуза этим гродальцам?» — возразил я, — «как все, тренились бы на профу лучника. Но нет, пошли своим путем».

«Так аркебуза сколько джоулей цели передаст, — строго сказал внутренний голос, — ты под дурика не коси. Там основатель королевской династии — Создатель, по их словам. В приказном порядке внедрил огнестрел. Те распробовали, им понравилось. Лучника лет десять-пятнадцать готовить. А тут полдня на задротство с заряданием и пошел с аркебузой на охоту. Галькой забил, жахнул по кучке слизняков, типа роштийских — всё. Все сдулись, лежат, истекают ядом. Стрелок ковыряется в останках прутиком, высматривая жемчуг. Одна жемчужина — пороха на тыщ пять выстрелов окупает.»

«Да, когда англичане «Мэри Роуз» подняли и луки утонувших реконструировали, — вспомнил я, — там, в лучшем случае, выходило 120 Джоулей при выстреле и 45 у цели в ста метрах, семидесятиграммовой стрелы.»

«Видишь, — нравоучительно пробурчал внутренний голос, — а здесь тысячи полторы будет у куска свинца. Но конечно не на ста метрах. Не попадет. Но убойность дикая, у одаренного, даже с навыком — такой не будет. Вот и весь расклад.»

— Вот, — передал я лист бумаги принцессе, — здесь основное. Да ты не хмурься! — строго сказал я, — сейчас сбегая, раскручу их на подарки для тебя, нормально всё будет!

— Посмей только пропасть, — пригрозила Аиша, — уехать в эту Гродалию, завести детишек с ихней принцессой...

Я закрыл ей рот поцелуем. Жестокие времена требуют суровых решений. Хотя бы секунд на пять.

— Кая, последи за ним, — сказала убоготоренная принцесса, — мы еще дома с тобой поговорим, кто в семье главный.

— Главный, кто сверху, — прищурился я, — рано тебе о таком думать.

И, не дав сказать ни слова полыхнувшей принцессе, ушел, топчя кучки серебра по дороге, с Каей по перешейку.

Спешка дикая, только на ходу глянул свои умения и уровень Каи. Она чуть отстала от Аиши, потому что изначально была уровнями меньше. В выигрыше только профессиональные халявщики вроде меня. Зато я много думаю и рефлексирую. Вон уже

волосинки седые на руках. А не, вру, пепел какой-то от сгоревших ящеров.

Я стряхнул руки.

— Умыться бы нам, Кая. Мы же дипломатические представители государства на переговорах.

— Пара поцелуев и будешь блеснуть как отчеканенная монетка! — предложила она беззаботно.

Серьезные дела решаем, а она только о приятностях думает. Скатившись с насыпи, я в пару пригоршней ладоней воды очистил личико, взглянул на Каю — эта особа сияет свежестью и выглядит, что не подумает о трехчасовом бое с рептилиями. О гонках на велике, фестивале электронной музыки, косплее, походах на море, такойки из осьминога на качельках под закат и стрекоте цикад. Вот о чем думается при взгляде на неё. Ну и всякие милые пошлости, конечно.

— Чем больше работаешь с людьми, — поднял я вверх указательный палец.

— Тем больше хочется отдохнуть? — предположила она.

— Это как музыка, которая стихла, но ты продолжаешь танцевать по инерции, — признался я, — просто хочу жить мирно, снимать фильмы про любовь, а не вот это вот всё.

— Ты бы еще что такое фильмы рассказал, — проворчала она. — устала делать вид, что тебя понимаю.

Она всяко ворчала потому, что Аишу поцеловал, а её нет, мелькнула догадка и это положение дел я сразу исправил.

— Хороший фильм, — сказал я отдышавшись, — очень необычная история, которая захватывает любого человека, познакомившегося с ней.

— Значит, про нас будет фильм? — робко предположила она, пока мы топали к иноземцам.

— Эпичный блокбастер! — подтвердил я, — даже как пародию позже переснимут. — и добавил задумчиво, — уверен и порно будет.

— А что такое... — начала было она, но я вскричал преувеличенно-радостно — полковник! Вблизи вы выглядите на целого генерала!

Фодель Григор криво улыбнулся. Не поверил ни капельки в мою лесть. Нет, я мог прямо сказать: «да вы, сударь, на дезертира смахиваете, что шестой год в самоволочке. Где ваша грамота?»

Открою вам секрет: если собираетесь ограбить человека, сделайте это с благородством, с внутренним чувством собственной правоты, тонкой похвалой и оставьте достойные рекомендации. Грабить иначе — пошло и не по правилам хорошего общества. В конце концов, с таким подходом можно даже потом открыть свой консультативный бизнес.

«Грабь Гродал, пока не устал», — подсказал слоган внутренний голос.

И вправду, не я же залез с полком на территорию суверенного государства. Это казус белли вообще-то.

— Это моя невеста, Кая Аисаки, — представил я полковнику свою подружку.

— Даруй вам Левис свое благословение, — проговорил он с легкой заминкой.

Строил брачные планы с участием своей дочки на королевского наместника или у них там по-другому относятся к людям с примесью нечеловеческой крови?

— Я и от джинс не отказался бы, — бодро выдал ему, шутка им не распозналась, сопоставив с возможным контекстом, он принял единственное решение.

— Позвольте проводить вас в свою палатку. Но прежде, прошу вас об одной просьбе.

Я насторожился. Вломились в дом, не сняв тапочки у входа и сразу одолжения просят. Ну что за соседи такие невоспитанные?

— Разрешите мои молодцы соберут для вас все выпавшие монеты и предметы, — предложил Фодель, — в знак уважения и симпатии к первому встреченному шайнцу. Прошу только вашего согласия на всяческие аппетитные места с ящеров. А-ля гути, так сказать. Вы же не съедите всех, — он даже хохотнул от такого вздорного предположения.

Я сначала сильно удивился, демонстрируя внешне полный покерфейс. Но не ящероедству, может гродальцы мстили таким образом: хвост за ногу, так сказать. Удивился французскому выражению «а-ля гути». Ладно, по факту разберемся.

— Да, полковник, почту за одолжение, — ласково согласился я.

Мы начали заходить за гору, где я сумел составить впечатление о размерах отряда и его техническом оснащении.

Это был полк, потрепанный полк, из чего я заключил, что база снабжения далеко. Это вам не на кораблике по воде шлепать: может он километров тысячу прошагал от своего королевства в поисках новых земель. Такой Фодель Сибирякович, бета-версия Ермака.

Камзольник его поизносился, брился полковник в последний раз с неделю назад, но дисциплина и выучка у полка имелась, несмотря на бродяжнический вид. Аркебузы у его бойцов были всё же с фитильными замками, хотя на лошадке у него по две перевязи слева и справа с пистолями. Вот на них был уже колесцовой механизм воспламенения. Сделав оценку, я обнаружил 12–15 уровни у «стрелков» и некоторое время шел, переваривая информацию. Возвышаются они так же плохо. Но это тысяча мужиков, с профой «стрелок», «копейщик»!

— Неплохие пистолы, полковник, — похвалил я его.

Видимо из уважения к нам он спешился и шел рядом.

— Работы мастера Диспатера, — с гордостью откликнулся он, повернулся назад, где его денщик, слуга, волонтер, раб — не знаю чина, вел под уздцы коня. Вынув из перевязи пистолет, он передал его мне.

С золоченой гравировкой на замочной стали, длинный и тяжелее даже, чем можно было судить по размерам, калибром «такие не делают», миллиметров в 14. Та еще дура. Там для неё шарик грамм сто весит что ли? Таким и слонопотама морского свалить можно.

— Масляное золочение или на ртутной основе? — уйдя в свои мысли, механически спросил я.

Он заморгал, вид его, итак, нелепый до крайности, — с дырами в потертом камзоле, щетиной, выглядел полковник типичным забулдыгой, толкающим мобильник в подземном переходе, — приобрел гротескные черты.

— Ох, простите, полковник, — спохватился я, — это мне по долгу службы интересно стало. Вам в таких тонкостях разбираться не нужно. Наши мастера и на чесноке умеют, мне интереснее как работают ваши, но не суть.

— На чесноке? — удивился он.

Да это везде умеют, просто ему-то откуда знать.

— На касторовом масле, на тюлении, вернее на его жире — способов дофига. — честно признался ему. — Но у вас же сталь как основа. Мне интересно стало. Ключик-то для завода на шею носите или другой способ придумали?

Без ключа сей убийственный агрегат можно было выкидывать. Сам колесцовый замок стоил дороже всего остального: ствола, рукоятки с девизом, тоже золотом, палисандрового

ложу, отлакированного и выглядевшего благородно и неприступно. Да сам замок колесцовый как три аркебузы стоил, вот просто замок, невесть какой сложности. Исключительно из-за того, что работа и допуски для неё, сложноваты в это время. А полковник еще понтовое золочение запросил.

Полковник достал из-под обшлага правого рукава ключик на цепочке. Охрененный хайтек — Буратино плачет от зависти. Продать ему что ли пару техпроцессов попроще за миллионы, миллиарды евро!

«Это же не полковник из твоей прошлой жизни, — остудил меня внутренний голос, — откуда у него миллиарды, последнее небось на пистолет потратил».

«Да, остальные пистолы попроще, — согласился я, — по ложе видно и отсутствию золочения.»

— Прошу вас, — повел рукой полковник на вход в шатер, а поднырнувший денщик задрал ткань. Мы вступили в его тканевые палаты, неплохие надо отметить, в таких и походную часовню не стыдно сделать. Он же верующий в этого своего святого Левиса.

— Вроштак, тащи нам лучшее вино из моего личного корма и стул, — приказал полковник денщику\слуге.

— Прошу вас располагаться на софе, — пригласил полковник, — если это не оскорбит ваши чувства.

Мы с лисодевочкой чинно воссели на месте ночлега полковника и оглядели обстановку.

Шатер полковника был хорош: просторный, уютный. Снаружи, мне показалось, он из овцебычей шерсти. Это не монстр, но и не типичный полутораметровой комок шерсти из нашего мира. Здешние — ростом с носорога. Пух земного овцебыка в восемь раз теплее овечьего, но только на подшерстке. Нестийский овцебык весь из подшерстка и состоит — этакий колобочек волосяной. Хотя и туповат, но не всякий монстр рискует с ними связываться: дураков дразнить носорога даже в дикой природе мало, а эти еще и стадами передвигаются.

Так вот, коричневатый покррой намекал на овцебыка, но внутри второй слой шатра был из неизвестного мне животного. В палатке стоял одинокий стул, на него водрузился Фодель, белый столик из кости, на котором валялись карты, книга, листы бумаги, писчие принадлежности. Вдобавок туда полковник положил тубус с подзорной трубой. Над столом нависал гобелен с мужчиной в мантии, что зыркал исподлобья с грозным видом. На полу лежал ковер. Скуповато, не шатер герцога Филиппа Бургундского с деревянными башенками и помещением на три тысячи персон, но для полковника-колонизатора даже роскошно.

Лагерь их, расположенный в спешке, за поворотом горы, в километровой отрезке, где дальше шел второй поворот на бывшую деревню гоблинов, был огорожен рогатками, солдаты копали ров — обустроивались они надолго. И очень зря. Я их выгонять буду. Но это не точно, зависит от размера инвестиций полковника Фоделя в городской фонд строительства и развития жилых территорий Самура. Плюс подарки Аише, по мелочи королю, королеве. Большой беды я не видел в недолгой аренде. Они сами без наших припасов вымрут, раз уже ящеров разделявают на мясо. Штурмовать канатный мост, так себе удовольствие. Нет, пару пушчонок я видел и допускал даже, что плацдарм расчистить они могут, для начала засыпания пропасти камнями. Или постройки деревянного, если там, где-то в долине растут деревья. Только один каст шторма с моря и чуваками в темпе заинтересуются какие-нибудь осьмокрабы. Боезапас, уверен, у них ограничен. Даже не будь меня и возникни у них соблазн, при виде отсутствия огнестрела у местных, захватить королевство — невозможно. Две тысячи одаренных на тысячу, отсутствие поддержки местных. Бойня та бы еще вышла, захватили бы Самур, может выиграла бы первое сражение, а потом всё. Пороха нет, вокруг злые шайнцы, тысяч пять чисто лучников, даже неодаренных, на постоянный обстрел — пришлых сточат за три дня.

А содрать за припасы с них можно всё, что они нахапали за время пути.

«Семь-десять грамм навеска пороха на выстрел, — оживился внутренний голос, — допустим брали исходя на тысячу выстрелов на бойца, а еще пушки. Тонн двадцать только пороха в обозе тащить. Не верю!»

«Дружественные племена помогали, по реке сплавливались, — возразил я, — вообще, Божьявленский писал, что служивым в Сибири 17 века на год 2 фунта пороха и свинца выделяли. Меньше килограмма. И откуда ты знаешь какая там местность, мы даже долину не видели. Может там автобан типа римского. Может они остроги ставили по цепочке как Российская империя. Обоза мы не видели, значит он еще подходит.»

«Не, колья и шанцевый инструмент у них есть, — рассудил внутренний голос, — значит какой-то обоз шел в авангарде. Просто сразу ушел обратно, помогать тащить основной.»

В шатер вошел денщик полковника, втащил стул, сумку. Быстро накрыл белый столик,

подтащив его к дивану. Из сумки достал бутылку «Наслаждение Левиса» с глиняной печатью, кубки, тарелку, в которую высыпал какие-то орешки. Следом показалась тарелка с ломтиками вяленого мяса — боюсь предположить из кого. Достал он туесок с фруктами: были апельсины, неизвестный мне, белый, с красноватыми прожилками, овальный плод и бананы.

Полковник разлил нам винца, я сразу взял бутылку и глянул: оу, королевская винодельня, год 888 от Сошествия Левиса.

— За новых друзей! — провозгласил Фодель и жадно хлопнул полкубка.

Мы откликнулись, пригубили, а дальше я стал наклонять полковника в позицию «чего изволите». То бишь, высказав дань уважения великому путешественнику, о котором еще напишут много книг, мягко осведомился — оспаривает ли Гродал право Шайна на Чудесную долину?

— Эм, нет, конечно, — торопливо открестился Фодель, — Гродал с уважением относится к суверенитету Шайна и готов к подписанию разграничения и оформления государственных границ между двумя дружественными, очень надеюсь на это, странами.

— Находясь военным отрядом, да что там — целым полком на территории Шайна? — скептически спросил я.

— Ваша милость! — с надрывом проговорил Фодель.

— Да, ваша светлость? — в тон ему отозвался я. По пути, парой предложений, он рассказал о своем происхождении, а я о службе у короля. — у вас, кстати, полковой контракт с его величеством Кевином Левисом Сорок Седьмым?

Он промолчал, соображая, как мне ответить.

— Я не к тому, что вы его купили, а не за выслугу получили, — успокаивающе обратился к нему, — раз я вижу вас здесь, вы достойный представитель своей страны. Но как бы вы поступили сами на моем месте? Мой король прошлого наместника жестоко казнил: подвесил на специальном стуле над рекой, на длинной жерди и окунал в воду. Температуру чувствуете? Говорят, под конец суток бывший наместник стал сходить с ума, раскачал стул, сделал солнышко и с размаху впечатался лбом в жердь. Но сразу не умер, полчаса еще ногой дергал.

— Но вы же даже не используете долину, — с отчаянием вцепился он в последний аргумент, — нет ни поселений, ни разработок месторождений.

Аха, тут значит есть какие-то месторождения. Будем знать.

— Здесь Горный Палач шастал, — отбил я его попытку, — недавно лично его упокоил. Голова в столице сейчас на исследовании, пятьдесят восьмой был, скотина.

Он не поверил, окинул меня взглядом, в котором явно читалось сомнение: а что он выдаст после второго бокала? На того ли человека я трачу свой дефицитный нектар?

— В мёд его положили, для сохранности, — добавил я, — на празднование города попрошу короля в Самур привезти ненадолго. Может и вас пригласим, будет на то воля короля, там увидите.

— Что же мне делать? — совсем пал он духом, — у нас нет ни хлеба, ни запасов еды, чтобы дойти до нашей крепости.

— Далеко ли она? — вкрадчиво спросил я. — сколько вам провизии надо?

— Не близко, — уклончиво сказал он, — у меня осталось семьсот бойцов, весь скот уже забили пока шли до вас. Кто обозы потащит обратно, как мы дойдем, вы же нас медленно убиваете!

— Да я вам ящеров на пару недель еды поднес на блюдечке! — вознегодовал я, — гуманнее меня в королевстве только Кая!

Кая, попивавшая вино под нарезанный ей собственноручно, «драконий боб» (белый плод с красноватыми прожилками) и листавшая «Сказание о святом Левисе», ту самую книгу со столика полковника, поперхнулась и оросила меня сладковатыми брызгами.

— Ну ладно, — нехотя признал я, вытирая свою лисодевочку платочком, — вероятно Кая не самая гуманная и может из одного бандита сделать сразу отбивную, нарезку и холодец. Но я точно гуманист, зуб даю!

— А что такое гуманист? — с интересом спросил он.

— Это человек, — подмигнул я ему, — который может войти в ваше положение.

Он воспрял духом и подлил мне еще вина. Я благодарно отпил и незаметно кинул лечение на себя и Аисаки, снимая алкогольные эффекты.

— А вы знаете, как нам гуманистам нынче трудно? — начал жаловаться я — того посади, этого ограбь, другому медальку на шею повесь. А он может людоед натуральный! Про народ вообще молчу. Возьми и десять одаренных сделай за год из ста. Вот приводят эти сто организмов: а там убогий на убогом и убогими погоняет. Портят своим видом мою тонкую душевную организацию, сквернословят, хлестают самогон, мажутся навозом.

— А навозом-то зачем? — удивился полковник.

— Это их самооценку повышает, — махнул я рукой, — да и пахнуть начинают одинаково. Сплачивает!

— Не думал, что ваш король настолько суров, — попытался вбить он клин, — наше величество Кевин Левис не требует невозможного от своих подданных.

— Да это бояре всё, — понизил я голос, — то есть советники королевские. Крутят стариканом как хотят. Так-то он добрый у нас. Дитям собачек дарит, взрослым — чувство величия.

Фодель Григор мою «пьяную информацию» о короле честно попытался осмыслить, но было это трудно.

— А насколько богато и велико ваше королевство?

— Не, — сказал я твердо, — ваша очередь, гро Фодель.

Думаю, раз я уже «бухой», можно и без всяких милостей и светлостей, по-простому говорить.

— Вы говорили, что Гродал создал Создатель, не поясните?

— Да, шан Джерк, — он гордо расправил плечи и начал вещать, — В час великих испытаний, в месяц железень-травы...

— Не, не, не гро Фодель, — всем своим выражением лица показал ему, что надо попроще быть, — меня на работе уже ждут. Опоздаю, шпионы докладную на меня королю настрочат. Кто тогда ваши интересы в Шайне будет лоббировать?

Он наморщил лоб, устаканил немного вина из бутылки, буйный рой своих мыслей и выдал краткую версию появления, воцарения и прогрессорства Кевина Левиса у дикого народишка на таинственном втором материке этого мира. Рассказываю.

Стоял теплый тихий летний вечер, когда племя гродов собиралось у священной сакуры и вкушало шашлык из бонгурунгу. Как их предки, как предки их предков. В общем, стабильность и процветание. Даже когда бонгурунгу не попадалась — жареные кузнечики скрашивали вечернее рандеву племени и звезд. В тот раз было, как обычно, но вместо звезд с неба на гродов свалился Создатель. Был он могуч, небрит и сильно голоден. Прибил вождя и

половину местной элиты. Захватил власть, и твердой рукой повел племя по пути военного феодализма. Основал столицу, захватил местные племена. Женился, раз, другой — видимо понравилось, основал гарем. Из-за чего после его пропажи Гродал долго резался во гражданской войне, часть территорий отложилась, экспансию пришлось начинать заново.

— Как свалился? — проявил я внимание к деталям. — просто упал из воздуха?

— На шаре воздуха появился, — уже заплетающим языком изрек Фодель. Денщик открыл вторую бутылку, я кинул повторно на себя и Каю лечение, так что пьяным в нашей компании был только полковник.

— Такой шар, — очертил Фодель круг своим бокалом, — а под ним Создатель стоял, как истинный бог во всей своей неземной святости и благолепии.

Походу наш загадочный дружище свалил с континента на воздушном шаре.

— Первые его слова по прибытии были «Бордельдемерд». Со временем он стал девизом нашего королевства, — вещал припитый полковник. — С ним мы завоевали материк, открыли новые земли, ведем наш Гродал к мировой геге... — здесь он осекся и уже намного спокойнее продолжил, — к миру во всем мире.

— Мир — это хорошо, — сочувственно поддержал я его слова, — но и о себе забывать не надо.

Слова мои упали на чернозём боли полковника.

— Ах, шан Джерк, — стал он жаловаться мне, — да вы знаете как дорога жизнь в столице, сколько стоит построить свой дом и содержать его. А какие у нас налоги на недвижимость! А какие цены на королевские скачки! Дороже только билеты на бои песчаного синенсиса, но там их вообще покупают за год. Благо мой доблестный предок граф Пусторийский, сто с лишним лет назад, этого самого синенсиса и поймал при зачистке пустыни еще маленьким. Теперь у моего рода вечный абонемент на бои монстра.

— За графа Пусторийского! — вознес я бокалы, и мы чокнулись.

— С кем он дерется-то синенсис ваш? — поинтересовался я.

— С мятежниками, — признался уже налившийся нездоровой краснотой Фодель, — каждые полгода собираем недобитков, смутьянов со всего королевства и кидаем ему в яму, следом скидываем оружие. Яма не простая. Наш славный архитектор Белами Монферат Гродалийский залил большую яму специальным раствором. Когда раствор застыл, в нем выдолбили чашу, засыпали песком, края чаши покрыли лаком, воткнули высокие, опорные сваи на которых вознеслось невиданное здание. Сваи покрыты острыми лезвиями, дабы песчаный синенсис не вылез по ним из своей обители. Это величайшее в мире архитектурное произведение названо Синареной.

— Эпичное зрелище, завидую вам, гро Фодель, — польстил ему, подливая всем нам вина уже из третьей бутылки, — наверно со всех концов королевства и соседних стран на такое посмотреть приезжают?

— Да, сейчас только из Весталии, — махнул он рукой, — с Неварией столкновения на всей границе. Но это ненадолго, мы освободим неварийцев от власти еретиков и заживем дружно в одной империи.

— Да сгинут еретики! — воздел я руку с бокалом.

Он отозвался, мы продолжили пить, а я осторожные расспросы. Было интересно, с чего это и как исчез их Создатель. Но успел я только услышать, что Левис на девятой ежегодной церемонии провозглашения королевства произносил речь на площади, и вдруг растворился в воздухе, снова появился через секунду, успел выдать своё «Бордельдемерд» и исчез навсегда.

Денщик его, старавшийся привлечь внимание полковника своими ужимками, в конце отчаялся и произнес громко: «Ваше высокородие, мэтр Риссини просит вашего срочного внимания!»

Полковник повернул к нему побагровевшую морду, я пожалел бедолагу, но до Фоделя что-то дошло, словно переключили режим стиральной машины на деликатную стирку. Он вскочил, торопливо извинившись и выбежал из шатра.

Кая посмотрела на меня.

— А ты знаешь, что такое «Бордельдемерд», — констатировала она.

От лисодевочки ничего не скрыть. Безнадежное дело.

— Полный писец, — улыбнулся я, — на одном из языков Создателей. Бордель де мёёрд, — выдал я, грассируя. — Ля мур, кувре тут ле фут.

— Ля мур, — затрясла она головой, — мур, мур, какой смешной язык!

В её глазах зажглись опасные огоньки безрассудства: мягкий диванчик увеличивал притяжение двух сердец в несколько раз и, кто знает, чтобы случилось, но Фодель Григор всё испортил. И мне, и Кае, и королевству Шайн. Эта вошедшая сволочь была трезва и настроена решительно.

— Позвольте мне один вопрос, шан Джерк, — впился он в меня взглядом, — я достаточно много вам рассказал, и вы мне должны.

Рассказал он. Ловушку алкогольную подготовил. Вздумал напоить нас, потом быстро протрезветь самому с помощью этого мэтра Россини и дальше накачивать нас алкоголем, выдаивая секреты. Но на своем лице я изобразил полное внимание, и желание сотрудничать.

— Почему с ящеров выпали монеты? Ведь они падали только Создателю!

— Да не, — укоризненно сказал я, — есть еще один случай выпадения монет.

— По квесту? — изумился он, — но ведь это только в случае племенного антагонизма!

Здесь полковник взглянул на мою мантию с гербом Шайна и до него доперло. На гербе водяной орел и нет для него врага злее Муэрто. Другое дело, квестовый лут еще во времена племен закончился. Об этом даже на спецкурсе говорят двумя строчками: знаний нет и дела до них никому особо нет. Даже о генерации квестов во времена Создателей мнение аборигенов выглядело примерно так: во время большой беды Создатель обязательно поможет. Котик потерялся? Создатель принесет, только посмотри на него ласково и скажи в конце доброе слово.

— Да сам не ожидал Муэрто увидеть, — сказал я, — а вы так удачно их с воды на нас выгнали. Глупо упускать такой шанс. Всем жителям Шайна с них монеты падают. Если у вас пленные образцы есть, Кая убьет с удовольствием.

Он посопел печально носом, подумал.

— Если шанья Кая не против?

Аисаки пожалала индифферентно плечами: «да легко».

— Получается наш Создатель жил у вас, — прямо спросил Фодель, — но зачем он вас тогда покинул и прилетел к нам?

— Создателей было несколько тысяч, гро Фодель, — просветил я его, — они жили во всех королевствах нашего материка. И стран здесь довольно много по вашим меркам. Они исчезли вместе с вашим Левисом, который появился у вас только в силу природной склонности к путешествиям. Но большего, уж извините, я ничего не скажу пока мы не договоримся. Возможно нам не удастся найти взаимопонимание, король прикажет применить все средства для изгнания с нашей территории чужих военных отрядов. Тогда,

увы, при следующей встрече нам придется скрестить шпаги, ружья, пушки.

В глаза его после осознания факта, что Создателей было несколько тысяч поселилось ошеломление, после моего блефа пришел страх. Спорю на сушеную лапу Муэрто, при этом, его посетило воспоминание, как я вынес кусок скалы каким-то мощным заклинанием.

— Тысячу золотых, гро Фодель, — мягко сказал я, видя невысказанный вопрос у него на языке, — только из уважения к вашему высокому роду и заслугам. Меньшего просить не могу, мои высокие покровители заберут большую часть этой суммы.

Сумма его окончательно добила. Он сел на свой стул и уставился на меня безумным взглядом человека, вместо булочной, попавшего на сатанинскую вечеринку.

«А происхождение его остается по сей день загадкой. Хотя детство и всю молодость рос он в Самуре, но говорит он странно, слишком чисто и непонятно для простого искателя приключений. Злые языки говорят, что в прошлом году имел он связь с замужней женщиной, так что, когда семью ейную аванки порешили, забрал он её дочку, единственную выжившую из семьи и пристроил в таверну к местной жительнице Марте, а затем взял к себе.»

Дэнри Теннир дописал строчку и вздрогнул. Почудился ему в оконном проеме своего кабинета строгий лик наместника и злое: «ах ты щучий сын, коррупционер не люстрированный, так ты еще и шпион вдобавок! Расстрелять из крепостного арбалета!»

Он торопливо дописал: «слухи эти ничем не обоснованы, моей источник сообщает, что она простая служанка в его доме». А потом, противореча себе же и, озираясь после каждой запятой, добавил: «однако, не далее, чем день назад, в ратушу пришли Мойнас Лулир, владелец городских бань Самура и семья Ноккурет, которых наместник спас от барона Недлира-младшего. Семейство выкупило городские термы за сто сорок золотых, причем одну пятую пая записало на Рису Саитану.»

Дэнри Теннир дописал эти жутко секретные сведения и подумал, что ничего не понимает.

Зачем скрывать, что владеешь паем городских терм? Зачем какое-то подставное лицо? Если только...

«По моему разумению, наместник избегает слухов о своей заинтересованности и личном участии в городском бизнесе из желания хорошо смотреться перед принцессой и выглядеть более героически, чем есть на самом деле. Поскольку её высочество весьма равнодушны к золоту и прельщаются только великими свершениями и высокими тайнствами магии. Об отношениях наместника и принцессы судить не могу, но её высочество лично посещали сегодня городскую ратушу, вместе с Каей Аисаки, Рисой Саитаной и дочкой Камии Тайлид, тоже спасенной от барона. Последнюю зовут Верлита, ей всего пять лет, говорят наместник лично инициировал её в маги земли с помощью тайного средства, именуемого «попкорень». На Камию Тайлид сегодня в ратуше была оформлена компания «Дом высокой моды Самура».

Последнее, что могу отметить. Когда её высочество прибыли в Самур вчера, они остановились в доме наместника, как самом лучшем доме города. Вечером во дворе горел костер и слышались песни, прославляющие синие глаза. Слышался звонкий девичий смех, звуки...», — здесь рука Дэнри Теннира дрогнула, ну напишет он «сочных поцелуев», как скоро ему язык раскаленными клещами вырвут? В том, что вырвут он не сомневался. Просто так принцессы к понравившимся парням не приезжают, а понравившиеся им парни, в свою очередь, быстро исчезают с жизненного пути всяких коронованных девчуль.

«...и крики «За короля!». — дописал он твердо.

Аиша Подавляющая отбивает Нашествие Водных Муэрто на округ Самура королевства Шайн. Благое деяние повышает преданность жителей королевства.

«Источник из охраны принцессы в таверне, подвыпив, шептался с сослуживцами, — продолжил он без капли сомнений, недавно обуревавших его, — что были слышны звуки поцелуев, но утверждать чьи они, решительно невозможно. Но будь на то воля принцессы, ежели этот наместник вдруг обидит её, мы тогда его в бараний рог скрутим всеми жителями

города. Не извольте сомневаться.

Засим остаюсь верным слугой престола, всей душой преданным королевству и его величеству Шайреду Четвертому.»

Шилнагаил Молниеносный с отвращением разминал руку. Пропущенный удар довольно неприятно задел руку. Пусть и в кольчужной перчатке, но было ощутимо больно, хотя лекарь сразу залечил травму.

Болезненнее всего было признать, что форму он растерял.

Пусть спецудары шли всё так же сильно, никуда не делись владение мечом и парирование, отвод, блок щитом. Но мышление и реакция отзывались хуже, чем было полгода назад, когда в первый раз он пропустил утреннюю тренировку. Мышцы не устали, но отзывались несколько удивленно, словно раздумывали: а тебе точно этого нужно, хозяин?

Шил сжал зубы. Даже сегодня, решив начать новый этап в своей жизни, утром тренировку он проспал. Пришел после обеда, размялся с капитаном стражи, с сержантом, устроил бой с обоими, но результатом остался недоволен. Двадцатый уровень он взял в свои двадцать лет и это несмотря на то, что убивать монстриков стал не в четыре как сестра, а на два года позже. Несмотря на то, что массовых умений на урон у воинов нет. Из-за чего монотонно колупая какого-нибудь грута или тунситуна, монстра с повышенной живучестью и резистами к магическому урону (кроме огня), но с уязвимостью к режуще-колющему оружию, принц люто завидовал своей сестре.

Почему он не волшебник?

Как-то он задал этот вопрос отцу, получив в ответ жестокую отповедь.

— Ты мне эту ересь больше не неси, не волшебник он, — разозлился Шайред, — ты хоть раз в бою настоящем бывал? Там этих волшебников пачками укладывают. Локтем случайно заденешь — и нет мага. Все они стекляшки, что блестят только под защитой. И ты эту защиту должен предоставить! Вот твоя миссия: дать выжить своим магам. Смекаешь?

Принц сделал вид понятливого и исполнительного бойца, но обида затаилась. Почему вся слава вечно этим чудикам в мантиях? Большинство сказаний про них, баллады о них, возвышаться легче им, а если про парня в доспехах и с мечом хорошее напишут — только на заборе. Типа «эта надпись не портит забор, а ты — да» и рисунок человека с кастрюлькой на голове и щитом.

Хорошо, форму он восстановит, как ему возвышаться? Какой пример ему показывать своей сестре? Она уже с титулом от Создателей, завоевала территории, просто сбежав из дворца, за пару дней приключений на какой-то глухой окраине королевства. Где чертова справедливость?

Он полгода сидел в Кургане гноллов, после двадцатого уровня, убивая этих тупых упырей и хоть бы один признак близкого возвышения. Нет, всё тоже гнетущее чувство большого пути к двадцать первому. Да хоть бы знак какой судьба подала: принц был согласен на сон с Риас Гремори, жаркой Создательницей, известный по сказаниям и картиной неизвестного живописца в королевской галерее искусств, в главной роли. Подростком, Шил часто, фантазировал на картину розоволосой красавицы.

Но в Кургане ему снилось одно и тоже: как очередной псоглавец оборачивается Великим Вожаком гноллов, и когда принц с огромным трудом убивает его — из его трупа появляется Лорд Гноллов. Дальше во сне шел такой дикий, кровавый треш с расчлененкой

его отряда цепом Лорда, что Шил, выдержал неделю и понял: двадцатый его предел. После спешного возвращения, жизнь его раскрасилась вкусом вина, вечеринками и горячими объятиями знатных красавиц. Но за бокалом вина, охотой и дичью, за ночами страсти, увеселительными поездками, оставаясь наедине, он чувствовал в своем сердце холодную пустоту.

Аиша Подавляющая отбивает Нашествие Водных Муэрто на округ Самура королевства Шайн. Благое деяние повышает преданность жителей королевства.

Шилнагаил вздрогнул. Капитан и сержант королевской стражи победно вскинули руки с радостным кличем. Рука мгновенно прошла, эмоции, сразу взятые под контроль, замерзли вместе с натянутой улыбкой. Но было то, над чем он не был властен.

Холодная пустота в его душе замещалась злобой.

— Иногда самое красивое зрелище в театре, — изрекла Найзирия Рошгийская, — это его пожар. Согласны со мной граф?

Шайред Четвертый, сидевший во главе стола совсем даже не по-королевски хрюкнул. Обожал он свою жену вот такой: надменной, холодной, гордой. Одним предложением, убивавшей всякоежелание сопротивляться, оспаривать сказанное, подвергать сомнению.

— Да, ваше величество, — жалко пролепетал граф Сентента, — мудрость ваша, словно солнце озаряет всех подданных, вечное сияние королевской власти в нашем прекрасном государстве...

— Ты мне это брось, — стукнул Шайред кулаком по столу, — говори нормально. Знаешь я такого не люблю!

— Да, ваше величество, — испугался еще больше граф Сентента, — какой театр мне поджечь?

— А в чем театре играл этот казненный Гортам Затарийский? — коварно спросила Найзария.

Королевская чета сидела в кабинете короля за столом, вкушая яства, а перед ними потел, краснел, извивался, бегал глазами, стоя навтыжку, главный королевский советник. А может уже бывший главный советник. Кто знает, что решила царственная парочка.

Граф Сентента упал на колени, стал тихонько биться о паркетный пол, завывая тоненько: «ни сном, ни духом не ведаю, ваши величества, нет на мне вины, не пригревал я этой гадюки у себя на сердце, сама влезла!»

Их величества сделали вид, что никакого графа-истерички в кабинете нет.

— Кормари в брусничном соусе чудо как хороши сегодня, — делилась Найзирия с мужем.

— Мэтр Дамиш превзошел самого себя, — соглашался с ней Шайред, — велю ему отсыпать десять золотых наградных сегодня же. Такого искусного повара нет во всех близлежащих королевствах.

— Разумно, мой дорогой властитель, — одобряла Найзирия, — хотя расходы эти непредусмотренные... опять же дочку скоро замуж выдавать.

Граф Сентента увидел в этом свой шанс.

— Ваши величества! — чуть более сильным голосом, решил он обратить на себя внимание, — позвольте помочь вашему верноподданному советнику с расходами на свадьбу!

Их величества оторвались от свинины в остром соусе и синхронно посмотрели на

провинившегося.

«Демоны подземного мира», — подумал с отчаянием граф, — «придется расставаться с самым дорогим активом, иначе меня не поймут. Но жизнь дороже.»

— Я прошу вас, мои дорогие величества принять в подарок соляные копи Бахняры, вместе с одноименной деревней, как подарок на свадьбу принцессы, — с мученическим видом, выжал из себя граф Сентента.

Подарок был королевским, соляные копи выдавали около тысячи золотых дохода в год. Найзирия спрятала улыбку за бокалом вина. Вот Шайред скрыть довольство не смог. Ослабился, поиграл серебряной вилкой.

— Сукин ты сын, Сентента, — отметил он небрежно, — но шайнский сукин сын. Мы уже думали тебя Аише выдать, а ты знаешь, как она тебя недолюбливает. Говорит, вид у тебя паучий и улыбка подлая, — хохотнул Шайред, — больше так не ошибайся. Смерть Гортама покажется тебе милостью. Сам же скульптуру Текена Кладдена выносил вместе с начальником тайной стражи. Забыл про тот случай?

История исчезновения Текена Кладдена, искусного живописца из северных королевств, скрытого педофила и мастера кисти давно превратилась в миф. Кто-то видел его проезжающим рошгийскую заставу, кто в южнокаталийском Блайтербурге: факт состоял в том, что мэтр портретов исчез. И только пять человек знали, что случилось на самом деле. Король, королева, королевский советник, начальник тайной стражи и капитан охраны. За Аишу поручиться было сложно. Не исключено, что принцесса давным-давно забыла тот случай.

Но граф помнил. Мэтр портретов, собравшийся порисовать принцессу ребенком, оставшийся с ней наедине, через пять минут взвыл с такой силой, что через три секунды в детской спальне принцессы была вся семья и причастные лица. Схватывающееся инеем, лицо Текена графу Сентенте врезалось кошмаром навсегда.

Последний вздох, крик уже стынет на синих губах и жуткий страх смерти, в покрывающихся льдом, глазах несостоявшегося развратителя. Аиша с серьезным лицом: «я сказала ему не трогать меня, он не послушал». Принцессу быстро увела побледневшая Найзирия. А Шайред Четвертый плюнул на образовавшуюся скульптуру и сказал, что Текен еще легко отделался. Так что, когда принцесса ему потные руки приморозила на балу, граф вообразил, что пришел его конец и кричал как в последний раз.

— Всё помню, ваше величество, — схватился за сердце граф, — надеюсь теперь её высочество не будет сомневаться в моей преданности?

— Через пару лет беспорочной службы, вернемся к этому вопросу, — пообещал Шайред Четвертый, — это же Аиша, на неё не подавишь.

Аиша Подавляющая отбивает Нашествие Водных Муэрто на округ Самура королевства Шайн. Благое деяние повышает преданность жителей королевства.

— Она сама кого хочешь задавит, — ошеломленно закончил король и не сдержал эмоций, — вот засранка! Где она такие приключения только находит!

— Муэрто, — охнула Найзирия, — они же специализированные и социальные монстры. Да что она о себе вообразила!

Здесь королева спохватилась и подала знак рукой графу. Его можно было трактовать и как «проваливай» и «пока-пока», но зная Найзирию, можно было не сомневаться, что секунды промедления над попыткой расценить это как милость или наказание еще более отразятся на бюджете графа.

Уже уходя граф расслышал удивительное «Джерк Хилл определенно хорош, Аиша бы одна не справилась. В стае Муэрто от трехсот до пятисот особей с вожаком».

— Вроде неплохо, — почесал внушительное пузо Исхирос, — вот мне, с непривычки, такие буквы, трудно было отливать, зеркальный шрифт, понимаешь.

Раскрасневшийся Марий Паликан со священным трепетом внимал самурскому гению, окунув брусок с литерой в специальный раствор.

— А почему брусок с буквой такой длинный? — робко спросил он, — это же лишний расход материала.

— Потому, — сказал Исхирос, — что все эти буквы мы в специальную раму заложим. Ты же не думал, что мы литеры, вот так на обычном столе выложим, краской проведем, бумажулечку сверху шлепнем и готова страница?

Он посмотрел на Мария. Марий жалобно посмотрел в ответ.

— Так-то да, — признал Исхирос, — когда наместник пришел ко мне, рассказал, что и как надо делать, показал план, составы брусков, краски — да что там, даже специального приспособления для размазывания краски, что валиком печатным называется, схему станка, ящичков для шрифтов, наборную раму, тисочки для наборной рамы. Я тоже, в этот момент, вообще ничего не понял, кроме того, что их милость больно ударился головой. Потом посидел, подумал, прикинул — да он феномен! Это сработает! Книги можно будет печатать тысячами экземпляров, продавать в сто раз дешевле и всё равно озолотится. Потом Джерк сказал, что первая книга будет про Аишу, тут уж я все сомнения отбросил — Самур для принцессы всё сделает!

Исхирос потряс мускулистыми руками, как бы показывая, тот кто не всё сделает — познакомится с его ручищами в теплой и мегапаскальной атмосфере, как пошутил однажды наместник.

— А про что книга будет, — наивно спросил Марий, — про любовь, романтику у принцессы и наместника?

— Ха, — выразил свое отношение к сказанном Исхирос, — это будет суровый боевик, полный ужасов и трагедии, залитый до краёв болью монстров и наполненный кровищью. Но про любовь принцесса тоже выразится, — довольно признал он, — её высочество признается как обожает Самур и всех его жителей.

— Так что арбайтен, нубы! — использовал Исхирос заимствованное у наместника выражение, обращаясь к старательно греющим уши живописцу и часовщику. Последний рылся в механизме и прилаживал стрелки, а Адри Соред с кистью малевал циферблат.

— Как книга начинается, мастер, — умоляюще попросил Марий, — ну хоть самое начало, расскажи!

На его беду в мастерскую так не вовремя вошел подмастерье и доложил, что от лесорубов пришли две бочки сока пихты. Потому следующий час Исхирос работал вне мастерской, а пришибленные, открывшимся знаниями и рассказами гения о величайшей работе в мире, той самой, над которой они между прочим тоже трудятся, трое будущих великих мастеров Неста провели в тишине и усердной деятельности.

От вернувшегося через час Исхироса несло эфирным маслом и дымом.

— Краску печатную мастерил, — признался он в ответ на умоляющие и ждущие глаза, — вот вы думаете, узнали, что по вершкам, то сами смогёте книгу сделать? Да

печатный станок — это фигня, любой кузнец смастерит, вот краску печатную из вас кто осилит? Там состав охренительно сложный, а без краски — этот станок, тьфу! Масло, канифоль, сажа нужная, а не просто печная, растеньице одно важное. Краска должна легко смываться с валика, — впал в поучительный раж Исхирос, — и, на минуточку, сам валик печатный по секретной технологии сделан! Это сколько открытий наместник сделал, пока придумывал всё!

Хотя сам Исхирос умом понимал, что ничего подобного наместник и не делал. Создатель какой во сне пришел и продиктовал Джерку рецепты. И не одну ночь приходил.

— Да мы про книгу, мастер, — загудели все они разом, умоляюще, — что печатать будем, как начинается она? Страсть как интересно!

— Хм, — опешил Исхирос, — так на листе прочтаете, да вам к тому же, наместник по экземпляру подарит с росписью от принцессы, за хорошую работу, куда торопитесь?

Но единодушный стон, вырвавшийся из груди трех мастеров, растрогал бы даже бесчувственного голема. Тайна манила своей разгадкой. Как, какой-то пацан-авантюрист впечатлил гения королевства? Такое вообще бывает? В чем разгадка секрета: быть может, она таится в начале этой книги?

— Ладно, чертяки, — сдался Исхирос, — что помню, могу рассказать и мерно загудел: «Книга о потрясающей, гениальной и изумительной принцессе, равной коей нет во всем мире и именуемой гордо Аишей Выдающейся. Подвиг первый: растворение огненных великанов и спасение Самура. Глава первая: встреча с гением королевства.

Дева с горящими лазурью очами, вскричала неистово: Ты! Не! Пройдешь! За мной мирный Самур! Со словами этими, она обрушила град волн воды на чудовище, но не поддался ей великан огненный. Достал посох огненный, да как вжарил по ней метеоритом. Но не проста была сия дева, щелкнула пальчиками, взмахнула волшебной палочкой и упал метеорит в озеро гладкое.

Такой была моя первая встреча с её удивительным высочеством. Приготовься, о мудрый читатель, вкусить эту историю великого подвига.»

К сожалению для всех присутствующих, дальше первых строчек книги Исхирос поведать не смог.

Аиша Подавляющая отбивает Нашествие Водных Муэрто на округ Самура королевства Шайн. Благое деяние повышает преданность жителей королевства.

Кузнец побледнел, покраснел, надулся, выдохнул, засверкал глазами, вскричал бешено: «Арбайтен, нубы!» и убежал в соседнюю дверь.

Мастера переглянулись, посмотрели на не прикрывшуюся до конца дверь, потом на Мария.

Марий Паликан прикусил губу. Осторожно подкрался к двери, припал к щели, посмотрел недолго, охнул, оторвался и сказал им: «объяснить я не смогу, это надо видеть.»

Часовщик и живописец сорвались на цыпочках с места и, в мгновение ока, добрались до запретной щелочки.

В большом зале, под потоком света из артефакта, друг против друга стояли двое.

Маленькая, по сравнению с огромной глыбой камня, фигурка лохматого кузнеца, с долотом в руке и кистью во второй, бесстрашно нападала на неё. Брызгала кистью, смоченной в рядом стоящем ведре, прислушивалась к чему-то, хватала молоток, приставляла долото и наносила точный удар в цель. Слышался глухой стук, летели отщепы, а из глыбы камня рождалось прекрасное, строгое лицо. Лицо их принцессы.

— У меня столько нет, — хрипло и потрясенно вымолвил он наконец, — в казне полковой всего шестьдесят восемь золотых.

Я с деланным сочувствием смотрел на Фоделя Григора. Давай уже, рожай систему бартера. Монстров по пути набили же, раз ты треть отряда где-то посеял. Должны, по статистике на тысячу человек трофеев, хотя бы, пару десятков собрать. Еще мне были интересны цифры потерь, для оценки трудности пути, осмотреть пару аркебуз, посчитать пушки, узнать навеску пороха, глянуть на их взаимодействие, выполнение команд. Но это надо профессионального шпиона к ним засылать, под видом связного, фуражира, точно не моя работа, пусть Шайред Четвертый и его службы решают.

Он еще подумал минуты три, пялясь на меня умоляющими глазами. Но я и не в такие гляделки играл со своими девчулями. Ни одна бэйби, даже с глазами Бэмби, мою черствую душонку не растрогает. Куда там полковнику.

— По пути мы сражались с монстрами, — решил он задачу с конвертации плюшек в золотые, — среди выпавших трофеев есть оружие, защитная амуниция, очень хорошего качества. Некоторые экземпляры тянут на сотни золотых! — добавил он с убежденностью продавца, горящему по плану в конце года.

Я слегка скривился, слегка — тут главное не переигрывать.

— На Муэрто тысяч семь серебряных монет мы набили, — поразмышлял я вслух, — но это меньше полтысячи золотых, к тому же я обязан разделить их на свою команду. Попробуем взглянуть на ваши сокровища, гро Фодель.

Он ожил, перестав изображать актера одной, большой, драматической роли.

— Позвольте со мной, дорогие гости, — простер он дружески руку, — заглянем в полковой корм. Обозы уже подошли.

Мы покинули палатку, где состоялись первые дипломатические контакты стран двух материков, в результате которых один умный человек стал потенциально богаче, а второй — богатый, чуть умнее. Станет со временем. Когда поймет, как его надули.

«Рановато торжествовать, — охладил мой пыл внутренний голос, — судить будем по итогам».

Лагерь гродальцев раскинулся между местом моей «артиллерийской позиции», с которой я расстрелял гоблинов и деревушкой. В самой деревне, судя по фигуркам, копошившимся на месте побоища, шла уборка трупов.

«Интересно куда ведет река, — подумал внутренний голос, — гродальцы же, судя по подходившему обозу, заходят немного с другой стороны».

Я отвечать не стал, мог бы себя клонировать — давно бы раскопировал. Тогда и в экспедицию можно уйти, и монстров зачистить, и порядок в округе навести. Чего толку сожалеть об упущенных знаниях.

Обоз гродальцев тащили слонобуи. Помесь буйвола и слона. Не такая здоровая скотина как слон, но все же покрупнее индийского буйвола из реальной земли. Да и характер не такой паскудный. Индийский буйвол — туповатый гопник, которому если покажется, что ты враг, то всё: только пуля в голову остановит. Африканский потрусливее, но упороться под Халка для него тоже не проблема. Эти слонобуи, заточенные на перевозку животного, которым в принципе в голову никакие мысли не приходят. Кормят? Отлично, берем и везем

что надо. Не кормят? Тупо идем и везем, что надо, по пути сжирая растущую зелень. Скорость передвижения падает только раза в два-три.

Так вот, слобобуев было под пятьдесят голов, тащили они кроме повозок еще... четыре серпантины, видимо? Этих средневековых пушек была чертова уйма. Фанат-реконструктор сказал бы точнее, но мне точный ответ не нужен, характеристики важнее.

Пока мы шли к обозу, вставшему на прикол у лагеря, я всё всматривался в пушчонки. Артиллерия начинала решать с 14 века в Европе, хотя валлийские лучники возмутились бы этим высказыванием. Но дайте мне пару-тройку вменяемых батарей и возмущаться было бы некому.

Были две новости: одна плохая, другая странная. Три из них были с простым деревянным клином на основании лафета, на оси ствола внизу пушки. Его вбивали глубже или вытягивали, позволяя менять угол возвышения стрельбы. И то, что вообще лафет был и был на колесах, свидетельствовал об эволюции артиллерийского дела. Одна пушка была с дуговыми цапфами. Рамами с дырками, куда втыкались цапфы, загогулины на стволе, приподнимающие или опускающие ствол пушки. Значит ли это, что она тестируется вот в таких полевых испытаниях? Наводку по вертикали это сильно упрощало, мне такое не сильно понравилось. Нормальный пушкарь с цапфами уже примерно понимает куда полетит ядро или картечь, потому что может пристреляться. С другой стороны, прошло девятьсот лет — что, весь прогресс в сооружение лафета и примитивной вертикальной наводке? Они что, китайцы какие-то? Те изобрели компас, бумагу, порох, огнестрел. Но нагибали их всякие навозные жуки. Правда с хорошими луками и топовым полководцем, зацикленным на мести.

Я посмотрел на Фоделя: да не, не похож на китайца.

— Эх, — изобразил я грусть, — сам святой Левис бы гордился вашим отрядом. Девятьсот лет прошли не зря, пушки уже с дуговыми цапфами появились!

— Да, — машинально ответил полковник, — но не девятьсот, пушки только лет двести назад по чертежам... Тут он заткнулся и подозрительно на меня взглянул.

— Вы поразительно хорошо осведомлены о новых конструктивных решениях в артиллерии.

— Гро Фодель, — мягко сказал я ему, — понимаю у вас есть свои секреты. Что для меня, по-честному, секретами вообще не являются. Вам хочется вначале узнать наши достижения, нам интересны ваши. Засядем после официального заключения договора о мире и дружбе с бутылочкой винца в городских термах и поговорим о жизни. Идет?

Мнительность в его глазах приутихла, а вот мечтательность возросла. Он бани нормальной сколько уже не встречал?

— Был бы рад, — почти искренне ответил он, — огоньков цивилизации не видел уже почти год.

Интересно, значит ли этот образ что-то большее, чем уличные фонари в столице? По идее артефакты света не такие дорогие, улицы в хорошем районе можно облагородить. Только повыше поставить и патрулировать улицу стражей постоянно.

— Но, как я вижу, — пронизательно заметил, — зря вы обмолвились об убытке скота, слобобуев еще хватает на целый обоз.

— Да какой там, — поморщился Фодель, — половину были вынуждены бросить. Шан Джерк, не заставляйте меня выдавать государственные военные секреты!

Я начал было размышлять — это как, в смысле бросить? Всё же, что нажито непосильным трудом? «Да, поставил острог на пути, оставил стрелков, может пару

пушек, — предположил внутренний голос, — слобуев на пожрать гарнизону, разгрузился от тяжелых трофеев, быть может, монет и — в последний бросок, к морю. У стрелецких полков шесть пушек было на полк, а у него четыре. В европейских армиях по-разному, в целом побольше. Не бросил же он недостающие пушки монстрам?»

К нам подошел гродальский офицер и, сняв широкополую шляпу, подмел травку.

— Лейтенант Лестри Драниш, — представил Фодель его мне, — достойный храбрый офицер, порядочный сын благородных родителей.

Я ему козырнул по-анимешному, сказав, что у нас воинский ритуал приветствия давно сократили. И в бою удобнее, и красивше выглядит. Они заинтересовались, так что я выдумал очередную историю с Аришей Шторморожденный в главной роли. Когда ослепленные её красотой вражеские войска заслоняли глаза ладошкой, она их милостиво брала в плен. А ежели те, недоумки, ладошку не поднимали в знак восхищения её красотой, тут уж она буйствовала по-полной, по-королевски.

— Я еще Аише говорил потом, — заливался мой персонаж соловьем, — когда она жаловалась про постоянные сравнения со своей бабулей. Жила бы ты в одно время с ней, всегда оставалась в её тени. Это намного хуже.

— Так вы значит с принцессой на короткой ноге? — поймал меня Фодель.

Я осекся, виновато взглянул на Каю. Она скорчила гримаску: дескать, эти мужчины в шпионской работе дубы — дубами, ни одной тайны не сохраняют.

— Поймали вы меня, полковник, — принужденно улыбнулся я, — в детский садик вместе ходили. Мне это заведение сразу не понравилось: в первый день оттуда сбежал, забор перелазил, она меня схватила за ноги, я упал на неё сверху, она радостно заревела, а я обмочился. После такого обмена жидкостями ничего не оставалось как подружиться на всю жизнь.

Всё по секретным американским техникам заведения друзей среди соперников. Пусть всегда будет вин-вин. Поддайтесь сопернику в мелочи.

Фодель Григор торжествующе оскалился было, но потом недоуменно спросил: «а что такое детский сад?»

— Место воспитания элитных одаренных, — не моргнув глазом, ответил я, — собирают группу талантливых людей с Даром и бросают их к маленьким детям. Считается что те, кто справится с уходом за мелкими и сохранит душевное здоровье и ясность ума в течении, хотя бы, года — достоин высоких чинов и должностей.

— Охренеть, какая гениальная задумка! — восхитился Фодель, — сегодня же напишу...

Настала его очередь словесного спотыкания, но он достойно выкрутился сразу спросив, чего ради, собственно к нам лейтенант Драниш подошел.

— Собрали все выпавшее с монстров, — исполнительно доложил офицер, — 77 золотых и килограмм девяносто серебряными монетами. Щиты, фляги, пучки водорослей, рецепты ядовитой звезды, сапоги, палицы, копы не считали: барахла на две полные повозки. Сундук босса.

— Позже подойду, гро Даниш, — благодарно сказал ему, — вместе с вашим непосредственным начальством уладим последние формальности, потом к вам.

Он козырнул, попробовав как у меня, двумя пальцами к глазику и вопросительно уставился на полковника. Тот кивком головы отпустил, наказав для гимнастических упражнений шаньи Каи подыскать подходящего ящера.

— Хорошо, что вы ладите с принцессой, — вполголоса обратился ко мне Фодель, у

повозки с трофеями, отпустив дежурящих на посту около неё бойцов, — но за тысячу золотых я рассчитываю на два месяца задержки.

— Не могу обещать, — ровно ответил ему, — можно попробовать вызволить короля на охоту, подстроить интригу с ужасным и опасным монстром. Его величества любит таких резать самолично. Потом поводить в поисках монстра некоторое время. Можно подложить новую фаворитку, зная его вкусы и пристрастия. Но гарантировать два месяца решительно невозможно: две-три недели точно, месяц — очень может быть, два месяца очень ненадежный срок... Вы смогли бы увлечь своего короля на два месяца каким-либо делом? Так, чтобы потом ему доложить: мы докладывали, писали рапорта о неизвестном и дружественном, открытом нами королевстве и установлении дипломатических отношений. Но вам, ваше величество слегка не до того было. Беспокоить по такому пустяку, столь занятого монарха, врываясь с докладом в спальню или на охотничью делянку — идиотов не нашлось.

Судя по морщинам на лбу полковника такая безумная мысль ему и в голову не приходила.

— Постарайтесь на пару месяцев, — жалостливо попросил он, — с меня лично будет роскошный подарок.

— О чем речь, полковник, — согласился я, — мы, шайнцы, славимся своей пунктуальностью: даже ошибаемся всегда вовремя.

Он тяжело и слезно вздохнул, понимаю: мне тоже наедине с собой иногда бывает утомительно. Залез в повозку и приглашающим жестом раскинул ткань.

Кая осталась присматриваться к гродальцам, а я вступил в повозку и, надеюсь, в тесные экономические взаимоотношения с соседним государством, огляделся. Была она заполнена всяким оружейным и бронезащитным хламом, качеством чуть повыше, набитого мной и принцессой на ящерах. Но среди этого мусора выделялся сундук, к которому направился полковник. Что-то пошептал, где-то нажал: двухфакторная аутентификация всегда модно, раскрыл сундук и начал расхваливать свой товар.

Согласен, у него было много прикольных вещиц. Ювелирный набор инструментов с бонусами для работы по драгоценным и твердым камням, металлам. Серебряный свисток, в виде ухмыляющегося гнома, накладывает на вражин в радиусе тридцати метров глухоту. Пара красных коньков-трансформеров, значительно увеличивающих скорость передвижения по льду или снегу. Серебряный медальон со снежным барсом, прибавляет магические статьи на троечку. Богато выглядящий ковер из тонкой ткани с вышитым водным орлом, позволяет плавать с невысокой скоростью. Лазурные шелковые перчатки, прибавляют к ловкости. Черная маска, повышающая скрытность. Шкатулка с набором регенеративных склянок высокого качества. Сокрушитель сумрака — копьё испускающее свет, выглядит как короткая дубинка, но раскладывается.

Но это всё баловство, где крутые артефакты или оружие? Да сет хотя бы профовый. За Сокрушитель можно было еще золотых пятьдесят выручить, всё же удобно с ним по ночам грабить. Вышел этаким средневековым гаишником на большую дорогу и стоишь, помахивая им. Кто навстречу из неударённых попадет — со страху обделаются и монеты отдадут с причитаниями.

А вот если маг нормальный попадется, он тебе эту дубинку, не торопясь, засунет в известное интимное место.

Я было совсем приуныл: даже если все вещицы эти заберу у него... трудно сказать, но

на аукционной ярмарке, может, золотых на триста-четыреста расторгуюсь ими. Так ему и передал, без упоминания ярмарки. А тысячи золотых у меня и самого нет, так что высокие покровители терпеть такое непотребство не станут и короля пинками среди ночи поднимут, чтобы рассказать о гро Фоделе и его отряде.

Он ожидаемо насупился, испытывающе глядя на меня. Я пожал плечами.

— Всего хорошего, гро Фодель, думаю мы уже вряд ли встретимся, был рад знакомству.

— Подождите, — через силу выговорил он, — есть у меня сетовый предмет. Его величество мечтал порадовать.

Я насторожил уши, королю фуфло не всучишь, неужто козыря засветит?

Он пошарился в сундуке и вытянул оттуда сверток, развернул и достал из него супергеройский костюм, о котором я так давно мечтал. Женский супергеройский костюм. Из нейлона, в смысле, расветного шелкопряда. Шортики розовые, топик белый, чулочки красные. «Сет игривого гепарда» — подсказала мне оценка. Уворот, скорость передвижения, ловкость — всё, о чем вы мечтали, собирая вечерами паровозы мобов на корейских фермеров, нонстопящих на боте.

Ну прелесть же. Самое то для декабря месяца.

«Эй, — возмутился немедленно внутренний голос, — тебе могли просто красную шапочку предложить, будь благодарен за то, что есть! На Кае смотреться будет очень женственно.»

«Сука, — сказал я ему, — это же мне, теперь, а не тебе со стояком вечным раскасты давать или с рельсотрона пулять! Мы так быстро обратно попадем к неведомым Сущностям.»

«Типа что, поверх нельзя натянуть нормальный прикид, — ехидно спросил он, — религия запрещает?»

«Да, мы же не в игре, почему нет», — подумал я, — «надо попробовать предложить примерить Кае».

Полковник Фодель в это время лил слёзы, рассказывая, как хотел подъехать к королю через его фаворитку, одарив ту этим развратным одеянием. Ну а вы думали, как генералами становятся?

— Стопе, полковник, — остановил я, — а с чего вы взяли, что ей сет понравится? Может у неё ноги кривоваты или белый её полнит? Вы хоть раз выбирали одежду вместе с девушкой? Она же как раненый зверёк мечется, пытаюсь выбрать между респектабельностью леди и шлюховатостью куртизанки. Лучшая одежда для женщины объятия любящего мужчины. Давайте так, есть у меня модная знакомая, шьёт белье кружевное для королевского дома. Такие у неё вещи есть — закачаешься. Уверен, любовница короля оценит. Готов сотню золотых на спор поставить. Рост, вес, цвет глаз, волос, размер бюста сейчас мне запишите на бумаге, сделаем, что сможем.

— Но это же будут простые вещи, — уныло возразил он, — без повышающих показателей.

— На харизму точно сделаем, — пообещал ему. В крайнем случае, всегда можно артефактную ювелирку на белье присобачить. — Это для фаворитки нужнее уворота. Желаете промахнуться его величеству в любовных играх в нужный момент?

Он грустно посмеялся над шуткой, не особо поверил, но выхода у него не было. Сказать сколько стоит сет было трудно: и двести, и пятьсот золотых, в таком диапазоне можно спокойно оценить. Главное, был бы покупатель, на такие непростые вещи. Поскольку

простые люди такие вещи не покупают, а непростые — золото на покупку найдут. Но я у него еще пару камней Тафирима выцыганил. Чисто, чтобы скилочек обувания заграничных туристов безвизовых не потерять. Кому сейчас легко?

После всей этой взяточщипательной истории настало самое трудное испытание.

— Гро Фодель, надеюсь вы оставите меня наедине с невестой? — попросил я, — сейчас мне предстоит нелегкое объяснение, почему вместо полновесных золотых, ей придется носить этот сетовый наряд. Результат немного непредсказуем.

Он поёжился, видимо, вспоминая что-то личное.

— Конечно, шан Джерк, — торопливо согласился он, вылезая наружу — я сейчас же сообщу шанье Кае.

— Я всё слышала, — заявила залезшая в повозку Кая, пока я спешно растягивал купол тьмы, гасящий звуки, — где это развратное одеяныце, мне срочно нужно его померить!

— Я не назову это даже одеяныцем, — проворчал, передавая ей свёрток, — это же шелкопрядная поэма похоти!

У неё пуще прежнего разгорелись глаза, а я захлопнул свою вякалку. Надо понимать: еще пару недель назад Кая влачила обычное существование лоу-авантюриста. Жила в каморке у тёти Марты, пределом мечтаний было тупо выжить и скопить на домик. Любила этого недотёпу Джерка, который фантазировал на стерву Суру, а домике и своем месте на жизненной карте Шайна\Неста даже не задумывался. Носили авантюристы обычные шмотки, счастливики — выбитые с монстров. О сочетании «крепких башмаков бородатого шакала» с коттой из «когтистой летучей мыши» говорить было странно. Дает защиту: будешь носить хоть вырвиглазной расцветки панаму в мороз.

А здесь сет, который «ночной королеве» соседнего государства хотели задарить. Да еще и пикантный: крыша у любой девчули съедет.

Она схватила сверток, споро начала разоблачаться, я отвернулся. Спустя минуту раздалось довольное: «повернись».

Я нехотя выполнил требуемое. Что сказать: опасность кровоизлияния в нос существенно прибавила даже не при виде Аисаки в шортах и топике, а её горящих глаз и покрасневшейся мордашки.

— Возьми еще это, — передал ей перчатки и маску.

Она ловко натянула поданную амуницию и замерла на пару секунд, оценивая изменения.

— Жесть, — прошептала Кая, — чувствую себя невероятно прибавившей в силе. Трудно объяснить: будто всё по плечу. Могу раскидать взвод королевской охраны, взобраться по отвесной скале, пробежать под водопадом избегая воды, поймать голыми руками летающего амакири.

— Амакири не летает, он планирует, — уточнил дотошно я, — надень сверху свою обычную одежду.

— Да я даже себя не видела, — возмутилась Кая, — есть зеркальце?

— Ха-ха, — информативно ответил на это я.

Сначала зеркальце. Потом косметичка. Через месяц обозы со сборным бассейном, личным зверинцем и духовым оркестром в поход на монстров появятся. Знаю я этих гедонисток длинноволосых! Сам такой.

Кая вытащила свой фальшон, воткнула в пол повозки и уставилась, согнувшись, в кривоватое изображение, изгибаясь и пытаясь высмотреть чего-то там далекое от моего мужского понимания. Изгиб влево — хвостик виляет вправо, вправо — хвостик влево. Красота!

Мое понимание с концами выпало из мира любуясь этими стройными ножками, задорно изгибающейся в топике грудью. Даже кубики пресса, на который мужчины внимание не сильно акцентируют, словно манили меня, перекатываясь на открытом животике рыжеволосой очаровашки.

Очнулся я, стоя с протянутыми руками и капающей слюной на расстоянии нескольких

сантиметров от своей богини. А, не, это я вспотел просто, но челюсть я, на всякий случай, захлопнул.

— Нельзя, Джерк, фу, фу, — довольно смеялась Аисаки, шлепая меня по шаловливым ручкам.

— Да я впадинки хотел просто потрогать, — сделал самый честный вид, на какой был способен.

— Какие впадинки? — удивилась Кая.

— Вот эти вот впадинки, — ткнул я пальцем в кубики на животе, — которые ты прессом называешь, это же просто осевшая из-за недостатков тортиков жировая ткань!

— Говоришь так, будто внутри тебя голодное чудовище живет какое-то — трагично нахмурилась лисодевушка, — так и хочет меня съесть.

— Я его внутренним голосом называю, — поделился с ней своей болью, — но правда, надень на себя остальную одежду, мои гормоны сейчас взорвутся.

— Не знаю, о чем ты, — озаботилась Кая, смешливо засуетившись с кожаными штанами и жилетом, — но не дам тебе испачкать новый сет уже через минуту.

— Я очень гормоничен, — признался ей, прикрыв глаза, — настолько, что равновесие теряю при виде тебя так близко не вполне одетой. Как упаду сейчас в твои колени и начну слюнявить всё, до чего дотянусь.

— Извращуга, ты, — ласково сказала она, шурша одеждой, —пустишь меня по своему течению?

— Дааа, — протянул я, пытаясь сконцентрироваться на табличке её статов. — пуцу против течения, сразу найдутся эксперты, которые скажут, что раскачиваю лодку. Выход один, проторить свою реку, без всяких бревён и сучков на поверхности.

— Сучек, — мягко, но твёрдо поправила меня Аисаки.

Я согласился, это ведь именно суки превращают мужиков в козлов, а мне такого не надо. Мне понять надо: работает сет совместно с другими вещами? Штанишки кожаные с жилеткой прибавляли ей защиту, были простыми, не сетовыми вещами, но от неплохого мастера. После надетого сета гепарда — дающего кроме необходимых ей показателей, большой деф — одетые сверху штаны и жилетка ничего не прибавили, как и ожидалось. А вот сапожки работали, как обычно, прибавляя троечку защиты. С аналогичными вещами сет не складывался, но если найти сет из обуви, перчаток и головного убора получится интересное решение.

— На маленьком плоту, сквозь бури, дождь и грозы, взяв только сны и грёзы, — пропел я довольно. Открыл глаза и уставился, в мерцающие загадочно искорками, янтарные глазища. Облизал пересохшие губы.

— Спасибо, — шепнула Кая, нежно обнимая, — но не будет ли это считаться взяткой?

— Нет, конечно, — оскорбился я, — мы же поделимся с принцессой, — подумал немного, — и свисток королю подарим! Будет свистеть каждый раз, когда королева начнет разговаривать не по правилам.

Шутки шутками, но я их всех от такой бойни спас, что и десяти тысяч золотых мало для оценки труда. Да и артефакты с аукциона пойдут, пусть и мне, но вложу я их в развитие города, а не покупку ложи на Синарене Гродала. В любом случае клеветники и завистники будут, но их очень важное мнение я крутил на ху... хулахупе.

Так Аисаки и объяснил, потом попросил сделать личико поскучнее, поразочарованнее и мы, со скорбными физиономиями, вылезли на свет дня.

— Ну как? — спросил меня со скрываемой надеждой Фодель Григор, — всё ли вас устраивает шан Джерк, шанья Кая?

— Гро Фодель, мы почти друзья, — торжественно провозгласил я, — для друзей я готов работать в убыток, в надежде на совместные гешефты позже!

Они, кстати, притащили какого-то ящера из Муэрто, только повыше и покрупнее. Элитный Защитник Муэрто — показала оценка. Он лежал замотанный в цепи и что-то глухо ворчал, не пытаясь высвободиться. Силы экономил, может понял, что не просто так достали его из пыльного чуланчика, вытерли тряпочкой и попросили вести себя хорошо. Двадцать пятый, между прочим, боец на мечях. Противник не такой простой для любого топа Шайна: быстрый, умелый, с резистами на магию. В два каста не разложишь, замедлить не факт, что успеешь — быстрый и не тупой. Да, против рыцаря в доспехах он ничего не сделает, против мага вряд ли, если только тот не затупит, а против разведчика в легком защитном сете шансы у него неплохие.

— Ох, гро Фодель, — промурлыкала Кая, — вы приготовили мняу мурдарочек?

Она так издевается: Аисаки, как разведчик, может имитировать голоса всякой живности, людей и даже звуки природы. Чем иногда тролит меня и Саитану. Речевой аппарат у лисодевочек, в этом смысле, развит богаче, чем у нэко.

— Если вы не против, шанья Кая? — почти извиняюще предложил полковник, — противник очень серьезный.

Я его в этот момент простил: ну да, хочет посмотреть, чего может моя подружка, но предупредил честно.

Кая вынула фальшон, расчертила неуловимую восьмерочку и небрежно сказала, что готова.

— Слышь, скотина, — обратился Фодель к ящеру, — у тебя будет шанс в честной драке, один на один. Но если рыпнешься — тебе не сдобровать, уложим сразу!

Ящер прекратил ворчать.

— Этот вот экземпляр, троих наших почти уложил, — рассказал полковник, — умудрился пролезть за наш ряд и пока алебардой не пристукнули, успел своей сабелькой дел натворить. Двоих без руки-ноги оставил, третий отлеживается, после проникающего в брюхо. Хотел его на Синарену привезти: особь крупная, синенсису для разминки подойдет, народ разогреется.

Ящера размотали, избавили от цепей, четыре стрелка недвусмысленно застыли с аркебузами наизготовку: фитили горят, всё по-взрослому.

К ногам его бросили меч: изогнутая сабля, с острым концом, похожа на турецкий килич.

— Этой и колоть можно, — предупредил я Аисаки.

Ящер поднялся, да он высотой метра два с половиной! По лагерю ходила, большая крокодила. Даже не думай: Кая, прелестница с ушками, но точно не Чебурашка какая-то.

Я не особо боялся за Каю, но ящер по-своему прекрасный экземпляр. Вполне для зверинца начинающего коллекционера сойдет. А меня уже ворочались мыслишки в голове: театр, зверинец, аквапарк в Самуре устроить. А чего: движ мутится, монеты крутятся.

— Ты это, не увлекайся, играть с ним не надо, — предложил я лисодевочке, — просто убьешь и пойдем спокойненько домой, к фуагра с грушами и блинам с икорочкой.

Кая приподняла бровь, и я отстал от неё со своими советами. Она чудить может, поиграться вообще большая любительница, но только в мирной обстановке. В боевой:

глазищами зырк-зырк, носиком нюх-нюх, обнаружением шурх-шурх. Для окружающих незаметно, но мы же вместе живем: разницу, как носик воздух втягивает у неё, как мимика другой становится — улавливаю.

То ли после гибели команды так изменилась, то ли с поднятием уровней.

Ящер тоже покрутил свою саблю, примерился, посмотрел на Аисаки, мягко начал подходить, а потом, резко сорвался с места прыжком. Кая рванула на опережение, дальше я ничего не понял. Только фонтан зеленой крови: один, второй, третий. Ящер без ноги — руки, в которой держал саблю и головы, что мягко подскочила, ударившись о землю, — падает на землю. Золотой, падающий с тела, Аисаки ловко ловит на лету хвостиком, а об зеленую накидку, выпавшую с ящера, деловито вытирает свой фальшион.

«Тут камера нужна», — подумал я. — «и слоу-мо режим.»

Кая вложила фальшион в ножны, а перевязь передвинула так, что ножны очутились на спине.

— Силы много, ловкости мало, вложил всё в один удар, — прокомментировала она бой.

Полковник захлопнул челюсть. Аркебузиры сказали: «О-о-о». Гро Даниш рассыпался в комплиментах.

— Это вы еще не видели как она картошку чистит, — сказал я с гордостью за Аисаки.

Мы насладились немного триумфом, я договорился держать с полковником связь. Унести с ящеров все выпавшие вещи возможности не было никакой, так что я обещал завтра повозки прислать и своего адъютанта. Для меня хлам, для жителей Самура эти накидочки, сапоги, щиты, фляги, водоросли — всё в дело пойдет. Даже рецепт ядовитой звезды пригодится. С его помощью вредителей всяких полевых выживают с полей, огородов. А огороды, всякие деляночки с зеленью они и в Самуре есть. С уценкой наполовину за пару часов повозки с хламом разберут. Золотых на двадцать должно выйти.

С такими мыслями я ссыпал золотые в мешок со шмотками, Кая подняла мешок с серебряными, закинув непринужденно на плечи девяносто килограмм серебряных, и мы потопали, раскланявшись восвояси.

Сразу за поворотом, уже за скрывшей нас горой, я прикоснулся к своему мешку, перемещая шмотки в инвентарь, потом к мешку Каи, и все серебряные перетекли в мой инвентарь, к покоившимся там золотым. Они сразу конвертировались в золотой счёт, и приятная цифра почти в шестьсот золотых изрядно повысила моё, итак, неплохое настроение. Вот падай с ящеров серебро в слитках — было бы грустно. А в монетах конвертация один к двенадцати идет. Даже без всех навыков и способностей, выпавших подаренных мне Сущностями я мог спокойно стать городским менялой, потому что мог золотые из инвентаря выдавать серебряными и медными монетами. Затем первым банком в королевстве. Да, путь к вершинам занял бы существенно больше времени, был труднее и опаснее, но возможности просматривались.

— Нормально прогулялись, — довольно сказала Кая, — почему мы редко бродим по местам, заполненным такими дружелюбными людьми?

— Потому что дружелюбие обычно просыпается в людях только при виде могущественных одаренных? — предположил я, — так то, судя по оружию и тому, что полковник рассказал, Гродал — воинственное государство.

Кая легонько потролила меня насчет доверия, но я был непоколебим. Сначала монеты, затем договор о дружбе и сотрудничестве, потом немного доверия. Лет через пять.

За разговором мы поднялись на перешеек, где обнаружили уставшую Рису, полную сил

Верлиту и гвардейца из охраны. Саитана печально сидела на набитом серебром рюкзаке, в окружении художественного беспорядка из луков, палиц и другого хлама из ящеров, давясь сушеным мясом, выпавшаяся Верлита приставала к ней с расспросами, охранник бдил. Всё, как и должно быть. Охранник увидел нас первым и тотчас, шагнув вперед, исполнительно доложил, что за время его дежурства происшествий не было. Девочки были накормлены сухпайком, серебро посчитано — почти три тысячи монет, от принцессы известий не было. Подходили трое иноземцев, спросили не нужна ли помощь, но гвардеец ответил только, что приказом командира в разговоры вступать воспрещено и они отстали.

Я с восхищением потрепал печальную Рису за щечки, понятное дело, гвардеец собрал с перешейки всё серебро, но килограммов десять монет и вещей она из пропасти внизу точно подняла, вот и задолбалась.

— Риса Саитана и Верлита Тайлид, я вас люблю, — торжественно продекламировал им, — благодаря вашей помощи и усилиям был спасен Самур и мирные жители.

Верлита с разбега плюхнулась мне на руки, Риса скромно улыбнулась.

— Поэтому, в честь вашего подвига мы назовём две улицы нашего славного города, — пообещал им, — но не старые, а те что возникнут вскоре, когда наш Самур начнет расширяться.

— Шайноморе! — впищала Верлита, болтая ножками. Аиша на минималках.

— Шайноморе! — солидно пробасил гвардеец. Конкретно он, может ничего и не сделал, но пожертвовать своей жизнью за нас, любой из них был готов немедленно.

— Шайноморе! — выдала звонко Риса. Ей было страшно, но держалась молодцом, опять же воздушной косой не одного ящера распилить успела. А потом еще тяжелым физическим трудом занималась.

Я отпустил бойца вперед, до отряда принцессы. Сам осторожно сгрузил Верлиту, освободил рюкзак Рисы от серебра, рассказал, что подарки у иноземцев для нашего ублажения забрал, но там ничего интересного — покажу дома. Сказал, что каждой из них принадлежит примерно по сто золотых за рейд, более тщательно не считал, не до того было. И вообще, пора обратно в цивилизацию, отдохнуть, но не исключено, что принцессе с импами надо помочь.

— Каждый день с тобой, дядь Джерк, как подарок! — сподхалимничала Риса.

— Смотри не пожалей о своих словах, — благодушно пообещал ей, — когда я построю парк с каруселью. Приоритеты могут измениться: променяешь меня на игрушечную лошадку и даже не вспомнишь.

Я просто люблю, когда она делает большие глазки. Есть в этом что-то волшебное. Милота просачивается из девочек и в обычном состоянии, но при широко открытых глазищах, она просто прет наружу с дикой силой. Милота набрасывается на вас, растворяет всё черствое и заскорузлое: обиды, ненависть, груз ошибок и прожитых лет.

«Эй! — будто говорит тебе милота, — есть еще за что любить и ценить этот мир!»

— Вместе будем кататься, дядя Джерк! — не выдержала Верлита. — втроем на лошадке!

— Игрушечная лошадка — не я, — строго сказал им, — это очень хрупкий транспорт!

— Тогда, придется тебе самому лошадкой в парке подрабатывать, — скрывая улыбку обратилась ко мне Кая.

— Хорошо в качестве подработки у меня выходят только песни на гитаре, — подумал я вслух.

— Оу, на мой день рождения ты прокатишь меня на плечах. — поймала меня Кая, — играя на гитаре.

Я даже споткнулся от такого перфоманса. Как она только угадывает? Всю жизнь же хотел провести свободным трубадуром, ужиная черствой корочкой хлеба и ночуя на сеновалах.

— На площади Тритикама? — с надеждой спросил я, — Риса и Верлита будут ходить с беретиками, собирая монеты. А на вырученные деньги съедим по булочке, запивая её водой из фонтана Трёх принцесс. Надо только пару мешков найти из рогожи, да дырки проделать в них, чтобы в качестве платьев выступали. И на пару дней сладкого лишить, а то лица у них слишком довольные.

— Моя сестрѐнка отвалит кучу золотых за такое зрелище, — коварно сказала Кая, — заодно зрителей привлечет.

— Если твоя сестрѐнка такое увидит, — сказал скорбно, — мне придётся носить её на следующем романсе. Возможно это будет моей лебединой песней!

Так, подкалывая друг дружку, мы добрались до пещер с импами.

Мы подождали немного у пещер. Кая сказала, прокинув обнаружение, что большая группа дружественных целей двигается снизу на выход. Я тоже прочекал мини-карту: зеленая точка Аиши неумоимо помигивала. В ожидании, мне полезли в голову всякие мысли.

Я ведь немного волновался за принцессу. Знаю, что девочка умная и хитрая, но одновременно безбашенная. Как это в ней уживается, мне понять не дано. Умеет манипулировать, но может, как в омут с головой, сорваться на тупую агрессию. Вот с чего топить сразу неизвестных людей при встрече, что за решение такое? Откуда они знают, что она принцесса и должны униженно кланяться и просить прощения за приминание травы на её территории? Или она образ такой создаёт при мне? Или это импульсы безрассудства из-за кипящей в ней магической силы, при которой она чувствует себя всемогущей? Да, авангард она бы утопила, даже вместе с полковником, а потом сорвалась в атаку на улепетывающих врагов и попала бы в аккурат под пушечные выстрелы.

Была красивая принцесска, стала некрасивым трупиком — а мне потом что, выжигать потом королевский дворец этого Левиса Гродальского напалмом дотла с дирижаблями?

Так что, увидев Аишу живой и невредимой, уже двадцать пятой, выползающей из пещеры вместе со своей охраной, вместо бурной радости я сурово послал её охрану к канатному мосту. Хлопающей недоуменно глазками принцессе, как только ошарашенные гвардейцы скрылись за поворотом, скомандовал поставить ноги вместе, вытянуть руки.

— Да ты чего, семпай, — жалобно ныла она, выполняя упражнение, — я же из боя в бой, по пещерам только два часа бродили в поисках босса, ноги отвалятся счас, а тут еще приседания!

Верлита и Риса с ужасом уставились на это зрелище, робко высовываясь из-за Каиной спины.

— Излишняя самонадеянность влечет за собой печальный финал, — сообщил я ей, — смири гордыню в своем сердце, иначе вырву!

— Кого, сердце? — испугалась принцесса.

— Ты, красавица, чудовище из меня не делай, — грозно сказал ей, — это вообще из другой сказки, какого плюхофинта, ты их утопить решила, вот так сразу?

— Цунами — двухсоставное заклинание, — пропыхтела она, — сначала надо поднять волну, потом отпустить. На первом этапе, закл еще не боевой, отменить без вреда можно. Подняла бы волну как можно выше и спросила, кто они такие и что делают в моём королевстве.

Хм, то есть она не сумасшедшая. Наглая и опасная девчуля, но берега чует.

— Нельзя показывать замешательство или неуверенность перед своими людьми, надо действовать незамедлительно. — продолжила Аиша, — всё согласно учебнику Клита Длиннобородого «Капитулярый государственной мысли и управления для королей и их советников».

Какие учебники — такое и общество.

— Ладно, отставить приседания, — разрешил я.

Аиша свалилась на землю, отдуваясь.

Подошел к ней, стащил с неё сапожки, она только вяло спросила, что я делаю. За

сапожками оказались короткие чулочки или длинные носочки, их я тоже стащил безжалостно. Развалившаяся в позе морской звезды на своем рюкзаке принцесса даже не спросила уже ничего, вот настолько ей стало пофиг.

Я полил свои руки, достав бутылку с королевской Аквилегией из инвентаря и начал разминать её ступни. Кая устроилась рядом с Аишей, положила её головку к себе на колени, наминая ей плечи. Ну не авантюрист принцесса ни капельки, а тут сразу импы, Нашествие, иноземцы, боссы.

Риса и Верлита принялись шарить по карманам вытаскивая разные, заныканые сладости и предлагая их принцессе, но та только лениво отнекивалась.

— Кайфушечки, — простонала Аиша, — тебе Кая такое каждый день достается?

— Не поверишь, ты первая, — не стала скрывать правду лисодевичка, — я бы обиделась, но меня уже задобрили, как там сказал Джерк, — она возвела глазки вверх, — текстильным гимном сладострастия.

Принцесса воззрилась на меня пристальным взглядом. Я торопливо вытащил медальон, повышающий магические статусы на три и передал ей.

— Нормальная вещь, — оценила принцесса, — только с моим королевским медальоном власти не оденешь, а он еще на резисты к огню.

Я в общем догадывался. Иначе тут адепты Снуп Дога с килограммами ювелирок на груди расхаживали.

— Может его на браслет переделать, — предложил я, — статусы не изменятся?

— Смотря кто будет делать, — рассудительно выдала Аиша, — придумаем что-нибудь. Что там по иноземцам еще?

Мы рассказали ей последние события: я о своих выводах, Кая как ящерицу-переростка обкорнала во славу Шайна. Риса выдавила, что собирала серебро и ничего интересного не было. Верлита жалобно прошептала, что всё проспала.

— Я в ваши годы в дворце сиднем сидела, — ободрила их принцесса, — о таких приключениях даже не мечтала.

К золоту Аиша осталась равнодушна, на свои соточку вяло махнула рукой, сказав, пусть полежат у меня.

— Ха-ха, полежат, — выразил я свое отношение, — я же на них лесопилку построю твоего имени.

— Главное, не бордель, — серьезно отнеслась к сказанному принцесса, а у меня ладони что-то вспыхнули и принялись за работу с удвоенной страстью.

— Чего мы теперь будем делать? — отвлекла нас Кая.

— Триумфально въедем в город, — предположил я, — ты будешь шептать на ухо Аише «ты всего лишь ученица мастера», дабы она не загордилась несметными толпами крестьян и горожан, с цветами приветствующих принцессу. Аиша будет делать доброе лицо и посылать воздушные поцелуи народу.

— Доброе лицо — это как? — озадаченно спросила она. — и никаких поцелуев не будет. Просто руку подниму в жесте одобрения.

— Вот помнишь, как ты смотрела после того как всех ящеров об скалы размазала цунами? — уточнил я, — мысленно вернись в этот момент и смотри вдаль. А если не хочешь им свой поцелуй транслировать, научу тебя сердечко делать.

Показал ей как устроить сердечко из соединенных пальцев двух рук. Вроде понравилось. Начала хихикая, тренироваться с Каей. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не

магичила.

Провели минут тридцать в расслабоне и болтовне, подзарядились. Нервишки, расшатанные стрессом — восстановили и двинулись к мосту. И я, и Кая разведчика из королевской охраны заметили: я по мини-карте всех мемберов дружественного отряда, под своим руководством оказывается вижу, началось это с отсылки гвардейцев к мосту. Кая, само собой, обнаружением его подсветила. Взглядами мы обменялись, она поняла, что я в курсе, промолчала. А мне уже всё равно: ну трогаю я вашу принцессу за ноги, иди поплачь капитану, будешь один окопы рыть туалетные на следующей стоянке. Какая-то усталость от всего навалилась: монстров убей, город отстрой, принцессу спаси и сохрани, от врагов внешних страну убереги. А я может, как та ютубовская девушка из Нижневартовска, на море хочу. Оно вот рядом, но в этом мире его даже потрогать времени нет. В прошлой жизни: хочешь на море — увезут в психушку. В этой, хочешь на море — за тобой придут монстры. А там, на небесах только и говорят, что о море!

Они как-то уловили моё настроение, и Аиша прижалась справа, а Кая слева.

— Ты же больше всех устал, признавайся! — потребовала принцесса.

— Мы сделаем тебе приятное в карете! — посулила Кая.

— Леджендс невер тайд, — пропел я принцессе, а Кае строго сказал, что не стоит молчать всю дорогу, я начну нервничать, проверять их пульс.

— А чего ты спел, — спросила нисколько не обидевшаяся на подколку принцесса, — герои никогда чего?

— Не устают, — сказал я, — сферические герои в вакууме никогда не устают, всегда готовы завалить босса покрупнее и служанку в таверне. Много делают и мало думают, слова отливают в граните. Вообще не похоже на меня. Болтаю с утра до вечера: во сне и с внутренним голосом. Врагов преодолеваю легким движением импульса, да я с ленью больше борюсь чем с ними! Но вот, насчет служанок в таверне я уже задумался...

— Эй! — негодуяюще воскликнули они хором.

— ... Пора бы начать им давать чаевые, — сказал я в их раздосадованные мордашки. — и профсоюз не помешал бы, щиплют их всякие, может им неприятно, когда такое бесплатно?

— А что такое про... — начала любопытствовать Аиша, но мы подошли к мосту, а там уже встречающая делегация выстроилась в три колонны. Крестьяне с цветами, Джиро с каменщиками, Нир с охранниками. Нас увидели и разорались, кто во что горазд. Кто-то славит принцессу, кто-то орет про великий Шайн — разгалделись как чайки у выроненного куска пиццы на пирсе.

— Аиша, сделай что-нибудь со своими подданными уже, — попросил я.

Она им сердечко отрепетированное и показала.

Они на секунду примолкли, а затем с удвоенной силой начали любить свою принцессу воздушным путём. Просто сеанс массового горлового пения какой-то. И как они на таком крохотном кусочке уместились, того и гляди, свалится неудачливый рандомный бедолага из толпы в море.

— Риса, усиление, — попросил я и ласковым голосом принялся общаться с народом. Дескать, всё отныне будет замечательно: враги повержены, новых уже ищут, урожаи будут вдвое благодаря её высочеству. Но её высочество в борьбе за народное счастье слегка пострадало нежными ушками.

— Вот такой, — я развел руками, показывая, — шар огня её высочество отбило,

направленный на наш отряд. Послала волну воды и сбила. Но звук от столкнувшихся заклинаний был столь силен, что громкие звуки принцессе противопоказаны временно. Всех прошу успокоиться и вести себя тише. Всем отойти на сто метров назад, её высочество будет переправляться.

Они словно по волшебству стихли и дисциплинированно ушли с горизонта.

— Уф, — изрек я, отдуваясь, — интересно какая нас ждет встреча в Самуре?

Мы перешли мост, прошли до места, где королевские гвардейцы оставили на попечение крестьян из соседней деревни коней и карету, Аиша еще раз одарила всех сердечком, взгромоздились в карету и дальше всё как в тумане: свалился на коленки помягче, ноги вытянул на коленки пожестче, скрестил руки на груди и превратился во временно недоступного абонента.

Разбудили меня перед самым Самуром. Полчасика здорового сна пошли на пользу, я оживился, потребовал мои сапоги вернуть и коня для въезда организовать. Но не себе, а принцессе — народу нужны зрелища. Хлеб с меня, зрелища с неё, так и объяснил принцессе. Она на удивление была послушной и тихой девочкой: то ли массаж животворящий подействовал, то ли преисполнилась ответственности наконец.

В общем, въехали в Самур с принцессой, а там горожане стоят, ликуют, но шепотом. Джиро взял лошадку, как после выяснилось, проехался до города и мою речь у моста передал: шуметь нельзя, ушки принцессы под угрозой.

Люди радостные: прыгают, флагами машут, шапчонки вверх бросают. Я даже живописца нашего разглядел, Адри Соредра на крепостной стене. Он всё это дело рисовал живенько. Историческое событие!

Аиша улыбается даже скромненько, сердечком светит, народ радуется, а я думы думаю. Завтра надо с големами разобраться, а потом в столицу. Там уже будут разбираться со мной. Попробуют. У меня здесь такое творится, что на расследование моей деятельности времени не хватит. С гродальцами бы порешать. Сам факт обнаружения мощного королевства, не под боком, но сумевшего путь проторить до более отсталого королевства чреват большими напряжениями. На этом фоне я красавчик и умница. Правда, если Аиша меня сдаст по деталям, от вопросов: с чего я взял про страшное оружие и почему в нём разбираюсь — не отвертеться. Бумажулечку надо с аркебузой нарисованной отобрать, а потом выложить королю и сказать, что у иноземцов прознал. Купил за тысячу золотых все планы и расклады, окоррупционерил полковника.

Так и доехали до моего особняка: я в тяжких думах, Аиша купаясь в лучах народной любви, Кая с мелкими, маша ручками из окна кареты.

Там у наших ворот томилась Камия Тайлид. Увидела дочку, бросилась как коршун и давай её ощупывать. Где-то я это уже видел.

— Камия, ты чего, — обратился к ней, — да Верлита вообще пол-боя дрыхла. А в бою за таким огромным щитом стояла, магичила, что корову накрыть можно, а не ребёнка.

— Да я же волнуюсь, — разревелась она, — дочка у меня одна. Вдруг, что пойдет не так?! Даже её высочество задело по слухам!

Аиша, с любопытством смотревшая на эту сцену, дернула плечом и подошла ближе

— Про легкую контузию вранье, чтобы народ не кричал, мне не нравится громкий шум, — сообщила она опешившей Камии, — и Джерку не нравится. Бой был утомительный, только для создания иллюзии близкой победы ящерам. Разбегутся они по всей долине — вылавливать их проблематично. Закончить схватку мы могли в любой момент, сделали это

как представилась возможность покончить с ними одним ударом. Верлита — достойный маг, юная и отважная дева, которая займет свое место в пантеоне славы королевства.

Я близко к Камии не подходил, опять на грудь упадет, слезки ей вытирать. Да, отнял у мамки дочку фактически, но кто же знал, что Верлита так поп-корном впечатлится, что её магией шарахнет?

— Сто золотых Верлита за бой заработала, — подбодрил я Камию, — знатная добытчица в семье растет!

Мысли милфоблонды приняли несколько другое направление, и Верлита воспользовалась шансом, выпрыгнув из родительской хватки.

— Да мамка, — возмущенно сказала она, — я могучий маг, просто ростом маленькая. Хватит надо мной дрожать!

Чтобы придать вес своим словам, она взмахнула ловко вытащенной магпалочкой и что-то, за моими воротами, на территории моего особняка зашипело, задымилось, завоняло сероводородом и окатило чавкающей грязью, к счастью до нас не доставшей.

Я споро распахнул воротами и нашим глазам предстал малый гейзер, радостно шкворчащий среди клумбы с редкими цветами из Роштии. Ну, то есть там были кусты цветов когда-то. Сейчас там била невысокая струя горячей воды, шипело и лопалось с пузырьками и дымком небольшое болотце.

Я вздохнул, подшагнул, поймал падающую в обморок Камию.

Кая захихикала, Аиша неуверенно её поддержала. Принцесса предыстории просто не знает. Верлита выпучила глаза. Риса принялась.

— Итак, дорогие друзья, — обратился я ко всем, привычно взваливая блонду на плечо, — сейчас мы сделаем на этом месте первый в мире личный горячий источник и дружно пойдем все вместе купаться голыми. Спасибо Верлита!

— Урааа, — завопила она, убедившись, что ругаться и приседать её не заставят, — все на источники! А что это такое?

— Это священное место рождения фан-сервиса, — с каменным лицом сказал я, — но мы конечно стенкой поделим источник на женскую и мужскую половину. Облагородим его мрамором и цветами, водяными деревьями, заведем рыбок. Однако, ради всех Создателей — ты, когда заклинание кастовала, понимала что делаешь? Не хотелось бы как-нибудь приехать из командировки и обнаружить вместо Самура — камыши с болотом, а вместо горожан — лягушек.

— Я хотела красивый водопадик, — стыдливо прошептала она, — земля так мне подсказала.

На клумбу с цветами мне было всё равно, а вот просто так позволять раскастовываться детям нельзя. Магия — это ответственность! Объяснил Верлите как мог, показал на бесчувственное тельце на моем плече — до чего мамку довела её шалость. Но в целом, сказал, что доволен. Малый гейзер — заклинание обнаружения и открытие источника десятого уровня. Мне кажется, очнувшаяся Камия на моём плече тоже довольна. Просто на мужском плече удобнее и не так страшно в глаза мне смотреть.

— Здесь будет бассейн, — деловито показывал я, — вода в нём будет нормальная, а здесь горячая минеральная вода, что лечит все болезни опорно-двигательного аппарата, восстанавливает после ранений, снимает усталость и стресс.

— Ну чего, кидаем Камию в болотце для проверки температуры воды? — пошутил я, а она протестующе пискнула на плече, «приходя в себя».

Я сгрузил блонду с плеча.

— Всё нормально уже, расслабься! — обратился к принцессе. — Аиша, ну скажи ты ей, чтобы перестала трястись и усвоила: главное правило нашего дома — гедонизм. Горячий источник — фундамент этого правила.

— Мне прямо сейчас мяса не помешало бы усвоить, — проворчала она, но подошла и объявила краснеющий Камии свою королевскую амнистию.

— Кто последний — моет посуду! — завопил я и бросился к дверям особняка.

Ожидаемо последней к финишу пришла единственная неодаренная среди нас. Потому я послал Камию в подвал, тащить все съедобные припасы, которые она встретит. Помочь ей вызвался Джиро, материализовавшийся под конец моей пламенной речи об источнике.

Нагрузив всех ценными указаниями, я свалился на софу у разожженного камина, медитативно ворожа огонь на предмет большего выделения тепла. Вскоре, моя эзотерическая практика наглым образом была прервана Аишей. Королевственную особь работой не нагружали, она и сбежала от всех ко мне, закинув свои длинные ножки в кожаных джоггерах на меня и уместившись на подушку. Под накидкой у неё оказался двухслойный свитер с воротничком из ткани. И да, я знаю, что джоггеров в этом мире нет, но по-другому, кожаные брючки с подвязками на концах и поясочком, не понимаю как называть. Штаны звучит слишком примитивно, здесь поработал топовый мастер, облегчая текстуру, делая эластичной и дышащей.

Принцесса в дедушке джоггера и в бабушке свитера, закинула на мои колени ножки и улеглась на спинке софы, окатывая меня волнами лазури из синих глазищ. Наверно стоит так это описать.

— Хорошие ножки, — похвалил я, — длинные и сильные. Приседаний пятьдесят еще выдержат.

Она испугливо дернуло было ими, но опомнилась.

— Джееерк, признавайся откуда тебе ведомо искусство ублажения женских ножек, — потребовала она, — и я не про приседания сейчас.

— Некогда объяснять, — лениво ответил принцессе, — просто пользуйся и благодари Создателей.

Она топнула ножкой по моему бедру. Я пощекотал её сквозь тоненький носочек. Аиша высоко взвизгнула, свалилась с дивана и исчезла из поля моего зрения. Я обеспокоенно нагнулся за ней и столкнулся с ней в упор, лицом к лицу. Руки принцессы мгновенно обвили вокруг моей шеи, и я машинально, не думая ни о чем, коснулся губами её губ, провел линию выше по щеке, дотронулся изящного носика, проскользил до правого глазика.

Она приоткрыла левый глазик.

— Очень робкий Джерк Хилл, — шепнула она, — кто же так целуется?

— Это была романтическая поцелуйная прелюдия к порке ремнем, — пригрозил я.

— Фи, — сказала она нагло, — да кто же так порет, ремешок — прошлый век, сейчас модно ладошками.

Я покраснел, представив себе эту картину, Аиша победоносно улыбнулась. Пришлось осторожно, но твёрдо прикусить её за носик.

— Милая, — напомнил ей, — тебе только четырнадцать. И я смотрю ремешком тебя пороть уже поздно, а ладошками слишком рано. У тебя всё будет, не торопись.

— Я принцесса и беру всё что захочу, когда захочу, — гордо сказала она мне.

— Будешь бузить, завтра перед школотой авантюрной выступишь с лекциями, вместо шахты с големами. — предупредил я.

Аиша сморщила личико в гримаске, но руки её ослабели, высвободили мою шею, оперлись о пол. Она поджала ножки, обхватила их руками, пристроила на колени моську и своими индиговыми магнитами стала посылать на меня гипнотические волны. Но я только

презрительно прищурился в ответ. Спору нет, у нее в строчке активы одни плюсы: образована, красива и умна, опасна, двадцать тысяч золотых и отличные гены. Но в четырнадцать лет — она перспективный юниор во взрослой лиге. Играть её ставить надо осторожно: жизнь похожа на все игры сразу. Иногда — это бокс, иногда — шахматы, иногда красивый розыгрыш мяча. Вот и Аиша: бокс ту бокс — любого вынесет, не здороваясь, а в шахматах доску может перевернуть и по башке дать. В футболе — просто судью унасекомит, будет техническое поражение даже в игре со второсортным барончиком. В мире судят жизнь все зрители, а не только судья или болелы.

А так-то я её уже люблю. Одни глазки, сверкающие чего стоят, откормить только осталось. Как бы ей только это объяснить.

— Аиша, я тебя люблю, — сказал ей, — а ты меня бесишь.

Она задумалась, прикусила губку, да так комично, что я не выдержал, свесился с дивана и чмокнул в щечку.

— Ты у нас гений, — серьезно объяснил ей, — но на каждого гения, найдется свой Сальери. Твой — это возраст. Будешь торопиться не себя подведешь, а меня и остальных. Воздух заполнен прахом торопливых. Вот умрешь — назло тебе заведу гарем!

— Хорошо, семпай, — скорчила она рожицу, — но целоваться-то можно?

— Один раз в день, — поставил я строгое правило, — по полминуты. Моё сердце больше не выдержит.

Принцесса провела ладошкой над моей головой.

— Он уже не там, — проворчал я, — нимб сместился ниже, на шею и превратился в петлю после знакомства с тобой. Чуть большего позволишь — душить начинает!

Аиша печально вздохнула.

— Иногда тебя даже жалко становится, — доверчиво призналась она, — как в тебе два человека уживаются? Один скучный зануда, другой яростный перевозмогатель. Мне и зануда нравится, но выпусти перевозмогателя не в бой, а на свидание со мной!

— Так это, четырнадцать лет, — напомнил ей, — мои полномочия на этом всё.

— Шшшш, — зашипела Аиша словно василиск на Гарри Поттера, но я закрыл ей уста поцелуем, и она притихла, компенсируя свое неумение жаркой страстью. А еще говорят маги воды — холодны!

Полминуты даже не прошло как сразу нарисовались Верлита и Риса с сакраментальным: «вы чем занимаетесь?» Будто непонятно — снимаем напряжение после боя.

— Она ваш поп-корн нашла и схомячила! — «сдал» я принцессу, — остановить не успел, последний кусочек изо рта пытался вырвать!

— О, о, — открыли свой ротик девочки, с испугом глядя на «обжору».

— А кстати, что это за лакомство? — невинно осведомилось она. — мне рассказывали, но я ничего не понял.

— Могла бы и подыграть, — вздохнул я. Пробрался за их спины к кухне, подбодрил Каю и Камию с Джиро, колдующих над ужином, открыл шкафчик, запертый на маленький ключ, достал оттуда плоску, сделанных утром сладких кукурузок и вернулся к ним. Угостил, и пока Риса с Верлитой наперебой делились с принцессой своими секретиками, как правильно употреблять вкусняшки, взялся за их умения.

У принцессы был «Шторм», как и ожидалось от импов она вылезла двадцать пятой, это я еще там прочекал. Старые умения: болт, водоворот, форму льда я сразу прокрутил, как и

относительно новые вроде, «Града льда», «Водяной бури». А вот и пассивка «Сила Волшбы». Мощное умение, увеличивающая силу магии и скорость исполнения. Я её принцесске сразу на 15 воткнул. Аиша что-то почувствовала, взглянула меня, но я приложил палец к губам. Нет уж, отвлекай детишек и не путайся под ногами, семпай знает, что делает.

Следом я обнаружил «Мёрзлый взгляд». Даже посмеялся над названием — у Аиши он с рождения присутствует. Массовое АоЕшка, превращающая в ледяные скульптуры вражин в радиусе тридцати метров. Жесть, она реально уже была топовой убивашкой, куда ей столько заклинаний на массовый урон и контроль? «Поглощение воды», очень странный навык. Я перечитал еще раз описание. Позволяет вобрать в себя волшебником воду из расчета магической силы, умноженной на силу интеллекта. Восполняет ману. Я из любопытства тыкнул на плюс один: описание изменилось на 110 процентов магсилы на 110 процентов интеллекта. Хорошо, будет болота осушать в мирное время.

Что же, настало время проверки моего создания комбо. Я подумал-подумал и ткнул на шторм и взгляд, объединяя в одно заклинание. Десять тысяч кармы сразу как бонгурунгу сожрала. Вот это неприятно было. Получилось из двух заклинаний: одного с контролем, другого с диким уроном — «Штормовой взгляд». Высасывающее из врагов ману заклинание, с шансом передачи части маны исполнителю заклинания.

Я не особо впечатлился. Можешь убить своих врагов одним кастом, зачем ману воровать? Никто же часами не дерется здесь вроде, нон-стопом выбрасывая магию? На ящерах Аиша была самая дамажащая, но там пока они заберутся, соберутся, бросятся минут пять проходило, а принцесса их в два-три каста уработывала с помощью других.

Просмотрел своих мелких. Знал бы кто, что восьмилетняя Риса двадцать первая, а пятилетняя Верлита двадцатый уровень — с ума бы сошел. Да, они «стекляшки», любой удар для них смертелен, но то, что они урона могут выдать на две армии — это для любого непредставимо.

У Верлиты после дрожи земли прибавились окаменение, земляной вал, сокрытие в земле, малый гейзер, усиление земли — пассивное умение мага, единственное, что падает всем одаренным, просто по-разному называется, его я сразу в плюс пятнадцать воткнул. Фортификация первого уровня — о, вот и тоннелирование долгожданное. Я вынул «книгу Земли», ту самую из деревни отступников и протянул ей мелкой.

— Верлита, читать ты еще не умеешь, но эту книжку можно просто посмотреть.

Она отвлеклась от принцессы, взяла с недоверием фолиант, полистала. С тихим хлопком он внезапно исчез на последней странице. Верлита дернулась от испуга, а у неё в табличке возник высокоуровневый скил «Призыв земляного элементаля». Защитник для мага, но и натравить на цель можно при необходимости, только медленный. Зато здоровый и в себя кучу урона может собрать. Прямо сказка, а не девочка-волшебница получилась.

Риса выжидающе посмотрела на меня.

Я почесал бровь.

— У тебя же браслетик воздуха от Беорнингов есть.

Она запрятала его скоренько под рукав кофты и сделала печальные глазки.

— И грамота, — добавил я строго. — могу еще два наряда на кухне подарить.

Её это обещание приободрило настолько, что она живо спросила не хочет ли кто-нибудь попить и убежала за напитками для всех.

Я подумал немного и ткнул, объединяя «Строительство тоннелей» и «Окаменение цели». Вышло «Сводное тоннелирование», то есть сразу с обделкой. Очень хорошечно.

Пришла Риса с подносом и раздала всем по кружке с соком.

Взялся за неё. «Чародейская мощь», аха, пассивка магов воздуха, надо замаксить на пятнадцать. Так, стрела воздуха, парение, левитация, воздушная коса — где же там мелькало у неё что-то новенькое. Вот, «Прозрение» — приближает взгляд мага воздуха. Вроде бинокля получается. «Порыв ветра» — сбивающее вражескую цель заклинание с невысоким уроном. Я поглядел-поглядел на её умения: парение и левитацию, да это же телепорт если соединить вместе! Хотя может телепорт — это прозрение плюс парение, или левитация и прозрение.

«Левитация плюс прозрение, — сказал внутренний голос, — зуб даю!»

Я всегда с недоверием относился к его советам. Нет, он у меня нормальный, но комплексов у него — на три международных конференции психологов хватит. А тут бес попутал, решил сделать ему приятное.

«Захват Воздуха», — цель, выбранная заклинанием, перемещается вплотную к магу. И на это десять тысяч кармы? Рисе убежать от всех надо, а не врагов к себе телепортировать. Хотя... По-своему интересное заклинание и работает на дальней дистанции в ста метрах, но перемещает только на пятьдесят метров.

Нас позвали к столу, но я попросил дать мне пять минуток, пусть начинают без меня.

Попивая гранатовый сок, уставился на умения Аисаки.

У моей лисодевочки с умениями было не так поначалу хорошо: ну что там, пассивка на владения луком и холодным оружием, обнаружение, всякие прибуды, вроде сбивания цели — хотя, так она жизнь Аише и спасла один раз. Затем у неё появился «Тихий шаг», а это значит она спокойно залезет в шахту и прогуляется между големами, разузнав обстановку. Навык оглушения, полностью он назывался «Оглушение гардой», чуть подправил баланс навыков. Сейчас же, на двадцать четвертом Кае нападало и «Фокусировка урона», позволяющая критовать выстрелами или ударами оружия; «Удар в спину» — подленькое умение, выносящее с применения мгновенно доходягу вроде мага; «Вуаль Ослепления» — ввергающее цель в трехсекундную темноту. Это умение я сразу на десяточку вкинул, проходит всегда на любую цель, раз шанс не написан и теперь оно действовало на пять секунд, с откатом на двадцать пять секунд. Самое главное выпали и «Спринт», и «Уклонение», значительно повышающие скорость бега и уворот, что поднимало её ценность в бою. Вдобавок к ним упала «Невидимость», что значит она может подобраться к любой цели незамеченной и нанести коварный удар.

У меня есть топовая убивашка, няшка-убивашка, («у нас было два пакетика травы...») — поглумился внутренний голос, но я его проигнорировал) две лольки на анаболиках и «Человек Щита».

Я чекнул умения Джиро.

Пробежал стойку, блок щитом, крик. Полюбовался на «Оглушение щитом», очень неплохо и действие такое долгое. Качнул Джиро его пассивку «Величие», увеличивающую атаку и защиту. Появилось «Возглавить авангард» — когда доспешный воин, изображая из себя Джигурду, врывается в центр битвы, сбивая по пути всяких неудачников. Там, под «Усилением Защиты» можно изобразить памятник, заагрить на себя всех вражин «Всеобщей Ненавистью» и поплёвывать в перекошенные морды, пока твои союзники всех заливают кислотой, ядами, стихиями, стрелами. Правда только на полминуты. После окончания навыка усиления защиты, воин и секунды не проживет.

Вот и какое комбо ему сделать?

«Крик плюс ненависть», — предложил внутренний голос. — «что-то вроде массового агра, который будет оглушать к тому же цели.»

Я трепета никакого не испытывал, тыкая на авангард и соединяя его с усилением защиты, но некая обеспокоенность была. Десять тысяч кармы — это же на шестнадцать можно любой навык прокачать.

«Авангард Защиты» — отражение входящего урона на тридцать секунд. И всё. Нет, подозреваю, там была какая-нибудь зубодробительная формула типа: Урон = (Базовая атака * Коэффициент навыка + Бонусы — защита атакуемого) — (Мастерство атакующего — Соппротивление атакуемого) * Множитель навыка). Но мне их не писали, да и рассчитывать я такой взялся бы только с калькулятором.

Мне душевное здоровье дороже.

Но это же комбо, значит, по идее заклинание сильнее обычного. Проверим потом. Меня все ждут к столу, ругают сквозь слюни, поглядывая на сочные угощения. В такой атмосфере творить нет никакого смысла, решил я, соскочил с дивана и щедро одаряя свою банду улыбками, возглавил застольное пиршество.

— Всех поздравляю, — торжественно объявил им, — вы доказали, что необязательно умереть, чтобы о вас говорили хорошо. Но в нашей жизни, самое страшное не чудовища! Вовремя не поесть — главный враг авантюриста. С боевым крещением нашу новую авантюристку Верлиту. Кто много ест и не ходит на вписки, тому повезет и вырастут, — я посмотрел на Аишу, испытал некую неловкость и быстро закончил, — за лошадочку карусельную! За свежие тортики от Марты и Греты!

С некоторым удивлением, но они поддержали мой бессодержательный диалог и увязли челюстями в наготовленных кушаньях.

«Ты бы еще вскричал за Шайн и озвучку аниме от Дрим Каст», — упрекнул меня внутренний голос, с вожделием косясь на пунцовую принцессу.

Сегодня мы без винишка моем волевым решением, поэтому я твердо решил не реагировать ни на какие раздражители, не брать гитару в руки и не оставаться ни с кем из них наедине. Вот так расслабишься — проснешься, а в кровати ты не один, на пороге королевский палач и светит перерождение в фэндом какого-нибудь модного автора. Там, где вместо печатного станка — флюгегехаймен, а отхентаить могут, когда просто за булочкой в соседний дом пекаря вышел.

«И ничего, — возмутился внутренний голос, — и там люди живут. С гаремом и превозможанием.»

«Каким превозможанием? — грубо сказал я ему, ослепительно улыбаясь Кае и Аише, — какую девчулю на завтрак выбрать, какую на обед и с какими возлечь на ночь? Кого затащить в гарем следующей и, самое главное, — как не сдохнуть через неделю такой жизни и на хрена им это всё? Они что, без него все умрут в забвении на помойке? Эти всякие принцессы, Повелительницы Меча и Магии, да просто одинокие беззащитные тьянки, из которых главный герой делает высокопрофессиональных специалистов своего дела. Ну переспят раз-другой, выучатся и покажут герою фигу. Уйдут нормальную семью создавать, а не вот это вот всё.

«А как же любовь?» — спровоцировал он меня, я аж фуагра под смородиновым джемом подавился.

Кая с Аишей мгновенно вскочили мне на помощь. Принцесса подала мне платочек, а Кая осторожненько похлопала меня по спине.

— Ох, без вас бы умер, девчули, — вытер я подступившие слезки из-за кашля, — ел и вдруг задумался: история, она как фуагра, лучше не вглядываться как её готовят. Но с такими поварами как в нашей команде нам стесняться некого и нечего! За команду, очистим мир от чудовищ!

Они мою восторженную похвалу восприняли позитивно, и убедившись, что все с новым пылом вонзили свои зубки в еду, я обратился к глупому голосу.

«Любовь, — веско проронил я, внутреннему надоеде, — сестра ревности. Почти все бытовые преступления происходят под влиянием алкоголя и ревности. Потому с этим твоим гаремом, всё было бы прекрасно до первой попойки. А потом куча трупов и главный герой с отрезанным достоинством. Это стопроцентная вероятность, о которой, пишуший для умственно отсталых, больших детей, автор гаремников умалчивает и даже не обыгрывает. Долго себя за говно ни одна нормальная девушка держать не будет. Потому либо уйдет, либо ножом в печень: «тихо, тихо, мистер Гриб, нас здесь никто не услышит». Если ты хочешь услышать за нас: Кая принцессу сама решила спасти, за секунду, продумав все варианты действий. Сама взяла ответственность и назвала сестрой, сама придумала как её использовать, чтобы я не срывался куда-то там за Великое болото завоёвывать вольные баронства, если ты позабыл разговор в таверне. Но даже при всей видимости сестринских отношений, я ни разу не исключаю того, что кто-то из них может уйти позже.»

Оставив внутренний голос обтекать под фактами статистики убийств в прошлом мире из-за ревности, я послал «чмоки» легким движением губ Кае и Аише, хотел было уже двинуть речугу за големов, как с места сорвалась Камия Тайлид и, испросив нижайше прощения, протараторила:

— Красивых девушек любят глазами, добрых — сердцем, а умных и сильных — на расстоянии. За его милость Джерка Хилла, в котором сошлись все добродетели: остроглазого юношу, с большущим сердцем и быстрыми ножками!

«Ах ты же коварная соблазнительница», — умилился я про себя, — почему даже лесть в её исполнении выглядит так секси?

Вслух сказал, что красота, взглядом показав на счастливых Каю и Аишу, спасет мир, а я только трусики, знамя рядом подержу. Потом задвинул за завтрашний день, в который не все могут посмотреть, но я это уже сделал, про экономический фундамент счастья, которым станут открытые шахты. К концу речи, под то, как новый технологический уклад сменил примитивный ручной труд, они все стали засыпать, чего я добивался, отпустив зевающих девчуль по своим кроваткам.

Понятия не имею, что делал бы другой попаданец на моём месте этим ранним утром. Лежал в утренней постели вместе с Каей, играя с её хвостиком. Или с принцессой в палатке, на лоне природы, на пути в вольные баронства. Стал главой объединенной Ночной Лицедейской гильдии, «зажмутив» Миреса и Треску и подложив под себя всех «самурских жриц любви». Поступил в любую из двух Академий магии на континенте и косплеил Гарри Поттера на максималках на занятии по алхимии, обустроивая личную жизнь.

В общем: магия, девочки и шоколад.

Ни разу не против, даже завидую такой легкости бытия. Конкретно я сейчас в это утро, тупо стоял и скреб в затылке. Не думал, что первым официальным скульптором Самура станет не Исхирос, а Верлита.

Дело было так. Мы все улеглись спать после моих, нагоняющих сон, экономических тезисов. Камия ушла с дочкой к себе домой. И хотя разделяли два дома сто метров, патрули бдили, в квартале стояли два артефакта света — на них напал грабитель.

Я не знаю сколько надо иметь интеллекта, чтобы такое учудить. За такое всё равно поймают: город перетрясут, всех допросят, проверят все алиби, а дерзкого преступника найдут. Я это горожанам в первый день объяснил, Вельг Лекаменсгилле повторил, до глав гильдии с первыми штрафами быстро дошло — грабить в этом городе будет только королевский наместник.

Вежливо, по закону, с возвратом ранее уплаченной части налога, в определенных мною случаях. Безопасность — основная функция государства. Не справляешься — мусорный грузовичок истории шустро к тебе завернет. После публичных показов пойманных бандитов, виселиц с отступниками, демонстрации довольной дочки короля даже до последнего хлебушка вроде дошло: город я люблю, принцессу заарканил, шанс выбраться из нищеты у всех есть. Работы по обустройству города идут, рабочие руки в спросе, цены на продукты даже не выросли, хотя внутренняя миграция в город из округи заметно выросла.

Так что не понадобилась библия и теория протестанской трудовой этики: количество преступлений против личности и имущества упало до нуля. Хулиганство и драки еще случались, но тут я бессилен. Это надо принцессу на площадь выводить три раза в день, чтобы она там своим личиком жителей гипнотизировала или ждать отдачи после доступа к базовому образованию и культурных реформ.

Потому такого чудовищного посягательства на мою сладкую лолку, которая туннели, автобаны, метро будет в будущем строить по всему континенту — я не ожидал. Чудовищного и глупого.

Разбойник с ножом выпрыгнул из-за дерева у дома и... не успел даже объяснить сколько золотых ему нужно для полного счастья. Камия взвизгнула, Верлита пискнула, схватила магпалочку и кастанула «Окаменение». Хорошо, хоть не своего элементаля вызвала. Этот мини-терминатор существо туповатое: кинулся бы на преступника — тот убегать, а срезать углы элементаль не умеет, или не хочет. Вижу цель — следую кратчайшим курсом. Прошелся бы по Самуру как утюгом.

А здесь просто аккуратная каменная скульптура получилась. Верлита после всех этих ящеров немного на стрессе была, поэтому со страху ультанула магией. В этом мире ультимативное заклинание не какая-то особая волшба, а любой каст мага в состоянии

аффекта. Другое дело, что ульта получается рандомно, может сработать на любой скилл и случается с магами крайне редко. С женой поссорился, ушел бухать в подвал, сотворил шар света для освещения и всё. В подвале зашло второе солнце, можно выращивать горную лаванду или южнокаталийские сливовые кактусы. Другой — десять ран в бою получил, озлился, пена изо рта идет, кровяца из всех ран хлыщет, а ульта не выходит. Как так получается — Создатели ведают. Критические-то заклинания у всех почти одинаково получаются, если волшебник без обвеса на частоту срабатывания крита. По силе ультимативное от критического отличается в разы большей мощностью, при этом ультимативное кастуется мгновенно.

Я постучал по знакомой черепушке своей палочкой. Каменная статуя отозвалась глухим звуком. Грабителем оказался знакомый мне персонаж из несостоявшейся ночной гильдии. Единственный, которого я пожалел и отпустил.

— Его вот раньше Скрипом окликали, — вслух поделился я со стражей, — а теперь впору кличку менять на Тук-тука.

Утренний патруль из трёх стражей угодливо захихикал.

Я кинул на статую лечение, потом новоприобретенное снятие дебафов: раз, другой, но эффекта не было. Ладно, скульптура получилась художественно-образцовой, в стиле реализма, для ярмарки неплохая реклама.

На взвизг от Камии сбежались не только соседи из дома и патруль стражи, прибыло пару вояк из взвода охраны принцессы. Неудачливую статую грабителя уволокли к моему дому, дождались моего пробуждения и предъявили, как только я бодрым шагом покинул свое обиталище.

— Верлите грамоту от стражи за поимку опасного преступника, — решил я, — статую водрузить на постамент, прицепить табличку «Самый тупой в истории Шайна грабитель» и на площадь Влюбленных. Потом на аукционе продадим.

«Верлита в прошлой жизни была магом-динозавром на Земле, — ворвался на арену юмора с новой программой внутренний голос, — однажды не выпалась, пошла в супермаркет за мороженкой, а на кассе очередь из стаи кнутохвостых суперзавров длиной километров восемь. И аргентинозавр такой подходит — мне без сдачи, я только сиги куплю! Вот тут «Падение метеорита» превратилось в «Удар астероидом».»

— Он вообще живой, ваша милость? — осмелился спросить, поблескивая любопытными, овальными зрачками Джиро.

— А что с ним будет, — рассудил я, — окаменение обездвиживающий дебаф, а не какое-нибудь отравление. Может завтра, может через тысячу лет, но спадет.

— И что, он будет живой и здоровый, даже не постареет? — не поверил мне Джиро.

— Живой будет точно, — вынес я приговор, — но насколько и как долго неизвестно. Эрозия камня, особенно в нашем климате, вполне себе бойко происходит. Ухаживать за ним никто не собирается, через тысячу лет, если отойдет от дебафа, сразу рухнет с обильным кровотечением по всей поверхности кожи.

Скульптуру понесли, а я с Джиро по улице Двоих, что шла от площади Влюбленных по городу и до горы, к месту паломничества подвига двух архимагов Шайна, двинулся к заброшенным шахтам.

С утра мой верный адъютант сгонял за артефактным щитом вампиризма из деревни отступников, валяющимся в казнохранилище ратуши, потом к Исхиросу за болванками. Принес полный рюкзак: сорок штук, 120 килограмм и даже не вспотел, вот каких богатырей

профессия воина из людей делает. Ночевал он в казарме, но соточка золотых в виде добычи с ящеров уже позволяла ему купить симпатичный домик. Кстати, все они оставили свои золотые у меня, полкило золота таскать быстро надоедает, да и ограбить меня невозможно.

Мысли о своих золотых всегда приятно стимулируют. Потому Джиро сиял словно отчеканенная монета, был бодр и полон сил.

Девчули еще храпели, в среднем женщины спят на час дольше мужчин, как уверяют британские ученые. Плюс они все еще подростки, полчаса накинуть надо. Молчу об утренних священных ритуалах плескания в ванной (я уже подумывал сделать обогрев для бассейна) сушки\расчесывания\укладки волос, кофе и масочках из свежих огурцов — это может занять время от часа до вечера. Просто надеюсь совесть не позволит им всем этим наслаждаться, когда они прочитают мою лаконичную записку «С Джиро у шахты, отрабатываем взаимодействие. P.S. Аиша, подсуши болотце, скоро зайдет Вельг с каменщиками, обустроить купальню».

Заложённая камнем шахта находилась в стороне, слева от дороги Двоих, метрах в пятидесяти к югу. Камни разобрали еще вчера по моему приказу, у двери бдил часовой, которого я немедленно отпустил.

Встав сегодня утром и позавтракав, я подавил гадкий импульс с розыгрышем спящих девчуль: была мысль, летучую мышь из пары листков бумаги вырезать, склеить, закрасить чернилами (морду красными) и на верх их двери подложить. Весело наверно, когда дверь открываешь, а сверху на тебя клыкастое нечто планирует. Остановила меня вероятная цена подобной забавы. Тут как повезет: можно без двери остаться, а можно и в статус бомжа перейти.

Вызвал табличку и раскидал умения. На двадцатом четвертом у меня появился большой выбор от «Рассеивания Тьмы» до «Длани Света», но служить фонариком, даже мощным или бафать оружие тиммейтов на урон против нежити я не собирался. Умений много могу взять, а кармы мало. Шар света вполне заменит фонарь, пусть оно и менее мощное по отдаче заклинание. Умение можно купить в любой момент — прямо сейчас не горит, потому как завзятый Плюшкин я взял только снятие дебафов, что гордо звучало как «Рассеивание проклятий», «Вспышка Света» и «Массовое лечение». Вспышка хорошо слепила, действовала как аналог световой гранаты, была самым дешевым по стоимости и эффективным массовым умением. Даже на «Бурю Света» я полюбился, раз у меня есть Аиша Подавляющая, то пусть и тащит теперь всю команду на своих тощеньких плечах.

А вот у моей магии тьмы появился замечательный скил «Слепящая жажда убийства», что я взял не задумываясь. Массовый дебаф, заставляющий атаковать любую другую ближайшую цель рядом. Прожал «Вуаль Тьмы», скрывающее область в шестьдесят кубометров непроглядной чернотой. Буду как умное осьминожище отстреливаться чернилами, если что. Умение «Копье Тьмы» посомневался, но взял. Урон так себе, но замедляет и недорогое. С лозой превратит цель в медленно ковыляющего инвалида. Было из полезных умений еще «Удар тени», но закл сам по себе специфический: плюс в том, что дальнобойное, метрах на ста работает. Минус в том, что сила умения зависит от площади тени и пропорционально требует маны. Тень от человека при моем касте оживает и наносит удар на расстоянии метров двух, мощность выдаст слабенькую. Тень от горы, я даже использовать не смогу, маны не хватит. Но по идее мощность на всё мое количество маны будет потрясающая. Может даже выше чем цунами или шторм от Аиши.

«Она обвешана артами словно рождественская ёлка, — заметил внутренний голос, —

одна бабулина палочка из сплава ридия и скарлетита чего стоит. Забьюсь, если её раздеть, обнаружится что даже какие-нибудь носочки из шкуры водяного Топельца магическую атаку плюсюют.»

Пошлый голос я успешно проигнорировал, умение прожал, затем посидел, потупил над комбо. Вот что получится, если скрестить вспышку и жажду убийства? Это же две разные стихии, даже если выйдет закл какой, меня не разорвет как глупого самоуверенного хомячка при его применении? А если вуаль со вспышкой? Я даже застонал тогда: что за коварная система, так хочется слепить уникальное умение, но боюсь выйдет чушь, а карма дороже золота на порядок.

Все же решил и объединил жажду убийства с вспышкой. Знания всяко дороже всего. Так что с одной стороны я выиграл: получилось не стихийное заклинание «Джексоновский марш». С другой стороны, вот зачем мне контроль одиночной цели, пусть даже пробивающий все резисты?

«Три минуты судорог у цели, — заметил внутренний голос, — сквозь все артефакты и почти все бафы, вы эго своё подседуйте, батенька»

Так-то да, но пациента легче и гуманнее убить, чем смотреть как тот три минуты будет корчиться в спазмах, находясь в полном сознании. Натуральная пытка какая-то.

«Джексон не все симптомы описал, — опять вмешался внутренний голос, — мгновенные выключения сознания вполне возможны. Шок, дереализация, деперсонализация — там такая куча симптомов свалится вместе с неконтролируемыми подергиваниями конечностей, что психологически страшнее круциатуса выйдет.»

Зажевав печеньку, я еще посидел минут пять, осознавая, что вполне себе владею непростительным заклинанием покруче всяких там детских от Джоанны Роулинг. Затем собрался и гордо вышел навстречу приключениям, где и узнал в каменной поделке от Верлиты старого знакомого Скрипа.

— Джиро, — скомандовал я, когда мы встали с края дороги, — если мой глазомер не подводит, до входа в шахту как раз метров пятьдесят. Давай представим, вся мана на нуле, там толпа големов несется, ты должен нас всех спасти, собрав на себя монстров и пожертвовав собой.

Джиро исполнительно бросил «так точно», вздел щит и, подражая лосю во время гона, заревев, заюзал «Возглавить Авангард», метнулся с дикой скоростью вперед. Глазомер меня подвел там еще метра два оставалось. Джиро встал в стойку, использовал свое усиление защиты, потом ненависть и принялся бешено вращать мечугой. «А неплохой вентилятор получился, — оценил я, — качественный.» После тридцати (тридцати пяти с его заточкой — занудливо вмешался голос) секунд, без всяких напоминаний, он включил своё отражение.

«Ну и норм, — заключил я, — Джиро знает, хотя бы теоретически, что делать. И щит больше не опускает».

После отражения Джиро все так же добросовестно, не переставая помахивать мечом, провел оглушающий крик. Да, с големами бы не прошло, но приказа остановиться не было, и он продолжал трудиться в воображаемой обороне, используя всё что есть.

— Круто, боец, — я неспешно подошел ближе, — минуту с чем-то ты точно продержался. Тут у всех скилы откатили, мана с баночек восстановилась, я тебя похилил, Аиша всех взглядом омёрзшила, Риса порывом ветра дунула — чудища разбились на мелкие льдинки.

— А Верлита? — спросил он меня.

— Она сразу вызвала своего элементалю тебе на подмогу, — невозмутимо сказал я, — но он еще неспешно бежит где-то метрах пятнадцати от нас.

Я дернул ладошкой назад, показывая воображаемого элементалю.

— А Кая? — не отставал он.

— Она уже собрала со всех выпавший лут и нашла новых врагов, — нарисовал я ему перспективы нескончаемого гринда, — через пять секунд у тебя очередные страшилища. Готов к новой волне?

— Служить без оправданий, умереть без сожалений, — процитировал Джиро девиз стражи.

Мы постояли, поболтали немного, вчера я ему умения уже заточил: замаксил пассивку, на десяточку, главные вроде авангарда и защиты проткнул. Вот отражение не трогал — у комбо умений при заточке двойная карма списывается. Набьем големов, там посмотрим. Спросил у него какие ощущения при использовании навыков.

— При авангарде у меня будто крылья за спиной вырастают, — признался Джиро простодушно, — ноги сами несут меня без всяких усилий, туда где был взгляд во время использования умения. Тело словно невесомое, одновременно чувствую мощь и способность сбивать с ног людей или монстров. Под усилением ничего особенного нет, просто чувствую себя как скала, двинуться с места не могу, словно прирастаю к земле, в то же время меня никто не в силах сбить с ног. Под отражением всё, как обычно или пока я не прочувствовал еще. Меня больше новый щит радует, в нём чувствуется сокрытая магическая мощь.

На дороге из города появился быстро приближающийся конный отряд.

«А они быстро, — прикинул я, — вроде и часа не прошло».

Первой прискакала принцесса, неудивительно, её лошадь кручевше любой из городской конюшни. Её охрана встала поодаль и начала разбивать лагерь.

— Бросил нас и смылся! — негодуя высказалась Аиша, с сидящей впереди Верлитой, осаживая коня рядом со мной.

— Бросить девушку легко, — заверил я, — это же не сцепление. Но вы же, мои сладкие, не просто девушки. Вы надежда и опора Шайна, кавайный отряд монстроубийц, легендарные няшко-убивашки.

— А чего без нас ушел? — не поверила Кая, ссаживая осторожно Рису с коня.

— Сонные девушки по утрам как маленькие пингвинята, — менторским тоном поведал им тайну, — из рук всё валится, ножками запинаются, падают на всё мягкое, теряя попутно надетое белье. Вот упадешь ты на меня, потеряв пижамку, кто будет?

— Что будет? — невинно переспросила Кая.

— Мэтр Лорадан после магосканирования через пару месяцев выяснит кто, — посулил я, — мальчик или девочка. А что будет я тебе и так скажу: один ребёнок будет сидеть-воспитывать другого лет пять, пока мы с монстрами боремся.

— А ты, Аиша, не ухмыляйся, — строго заметил принцессе, — тоже недолго со мной в одной команде побегаешь. Если надеешься бабуле дитё сплавить, оно всё равно безотцовщиной вырастет, потому как дедуля пару ножей и заклинаний в спину мне точно всадит.

Они не сильно впечатлились зловещими предсказаниями: за двадцатым уровнем даже властительные короли не кажутся такими грозными, что говорить о тонких обстоятельствах или возможных вероятностях. Юность готова сражаться лицом к лицу с настоящим, но думать о будущем немного не её профиль. Другое дело, нарисованные перспективы их пыл

охладили и заставили немного задуматься.

Ой, кого я обманываю. Пока не рассказал, что в этом чистом поле будет построено гигантское колесо обозрения метров в триста диаметром, они шутили, что будут воспитывать детей по очереди. Будто они горячие пирожки: перебросила дитя подружке — сама на дискотеку с монстрами. Завтра наоборот. А вот колесо их отвлекло.

— Это колесо станет символом победы над коррупцией, — вещал я одухотворенно, — потому что будет вертеться без подмазок и откатов. Лёжа на шкуре лёвомедведа у камина в Вип-кабинке, так приятно наслаждаться легким вином и светящимися огоньками города внизу. Идеальное сочетание мягкости меха, сладкой горечи напитка и моих секретных техник самообороны от маньяка. Само собой, маньяка сыграю я. Ведь на такой упругой шкуре можно славно барахтаться втроём, разучивая приёмчики, становясь сильнее телом и морально разлагаясь. Но для этого что надо сделать?

— Что? — замороженно спросили они хором, сраженные описанной картиной.

— П о с т а р а т ь с я надо, — вернул я их в реальность, — големов забить. Давай-ка, Верлита, поработаем с твоими умениями. План битвы у меня готов пока только теоретически. Возможно будут правки.

Первым делом я проверил её «Фортификацию первого уровня». Верлита палочкой махнула, и в чистом поле перед нами появилась деревянная башенка метра в четыре высоты, за чахлым частоколом, окружностью метров в тридцать. Мы все очутились внутри частокола, в башне, куда я сразу вломился через неказистую дверь, сиротливо валялся тюфяк, набитый сеном, стояла деревянная же лестница к двум бойницами, прикрытым ставнями.

«От собаки сутулой спрятаться можно и только», — скептически подумал я и быстренько вкинул карму на пять заточек её умения.

Башня немного подросла, стала из белой идоги, колья заострились и тоже стали повыше, окружность увеличилась метра на два. Делать было нечего, пришлось максить фортификацию на всю карму, хватило впритык на пятнадцать. Только тогда башня получилась из камня, а частокол превратился в подобие стены. Башня стала посolidнее: в центре обнаружился очаг, с дымоходом, извилистые ступени вели наверх, где на открытой площадке были оборудованы стрелковые бойницы.

Надолго големов всё равно не задержит, но вначале данжа будут каменные монстры. Надеюсь на них хватит. А если башню разберут вместе со стеной, значит рано нам о таких походах задумываться. Джиро потанкует, собрав вокруг себя всех монстров, Риса его захватом вытащит, оставшихся я зарельсотроню.

Проверим эту идею.

— Джиро встань метров за пятьдесят от нас, — приказал я ему. Он послушно отошел, а я обратился к Рисе: «используй на него захват».

Риса прокинула на него свое умение и наш «Человек Щита» телепортнулся прямо к нам. На своих работает — отлично.

— Какой откат? — напряженно спросил я. Умение не ахти какое крутое, но это же комбо, обычные быстро откатывают: от секунды основных боевых, до трёх минут у мощных заклов. Я по её табличке цифру пять видел, надеюсь не в часах.

— Триста ударов, — выдала она. Секундных стрелок, да и вообще часов, кроме солнечных в Самуре не было, в большинстве все маги ориентировались по ударам сердца.

Мы еще проверили захват на расстоянии меньшим его действия и под углом. Джиро в камень не врезался на который Риса встала и не перелетел его по диагонали. Отлично, эффект заклинания ровно переносит цель к магу.

— Верлита, перед башней вал создается или одно умение отменяет второе?

Она создала небольшой земляной вал метра полтора высотой перед нашей башней.

Ну такое, сойдет для сельской местности, по крайней мере, не перепрыгнут. Описания боев за шахту сохранились: королевские войска и авантюристы штурмовали их с различной периодичностью лет сто. Начальный зал состоял из каменных големов, был масштабируемый. Заходила десяточка авантюристов — выходило сто големов. Один к десяти. Пробовали по-разному, в том числе и с магами земли, но как вы понимаете, фортификация первого уровня из дерева против каменных шаров, что непременно големы запускали, держалась до первого-второго булжника. Нет, начальный зал проходил, даже иногда с нулевыми потерями, но второй-третий залы с железными, стальными големами были непреодолимы. Проблема была в уроне: если за полчаса не выносить уровень,

начиналось возрождение убитых големов. Как-то раз, пара удачных критов с массовых воинских АоЕ принесла одной из топовых, удачливых команд Шайна победу во третьем зале. Тогда, собрав неплохую добычу, авантюристы осторожно сунулись в четвертый зал. Данж закрывался на полчаса только на выходе, когда заходила команда и между залами можно было гулять. Авантюристы решили просто проверить с кем им придется иметь дело в последнем зале.

«Сверкающие фигуры высотой не менее четырех метров, двигались среди блестящих кристаллов розового, зеленого, лазурного и других, всех вообразимых цветов и расцветок. Мы, затаив дыхание, смотрели на эти богатства, что ослепляли своей красотой. Но вдруг, одна из фигур заметила нас, неосторожно и неосознанно, по шажочку приближающихся к этой чудной россыпи богатств в глубине пещеры. В воздухе послышался треск, тотчас два мои товарища упали, сраженные молнией. Ни о чем не думая более, я схватил павшего, мой товарищ — второго и со всех ног мы ринулись прочь из этой прекрасной, но губительной ловушки.»

Это описание четвертого зала от Арента, неформального лидера той знаменитой тимы. Хорошая была команда из десяти авантюристов Шайна. Называлась «Пиковые дамы». В их составе были две девчули: Сузуя и Селестия, мастера боя на древковом оружии. Насколько я помнил по описаниям, бой они обычно и начинали с байта противника. Потому если поверхностно посмотреть, то выделялись среди команды именно они, народ в их честь отряд и прозвал. Я так думаю: остальные были не хуже по своим умениям, просто оставались в тени.

А четвертый зал явно из големов, отожравших полудрагоценные и драгоценные камни. Судя по всему, они и магию применяют. Вот им я по роже-то и надаю с рельсотрона.

С такими вдохновляющими мыслями я объяснил своей команде расклад предстоящего сражения.

— Нас ждет зал 100 на 50 метров. Может чуть больше. В теории нас встретят шестьдесят големов. Практически, поскольку никто давно не заходил в шахты, готовимся и к соточке, и к двумста, частью элитных, частью с утроенным здоровьем, особей.

— Задача Каи пройти под тихим шагом к концу пещеры. Там она его выключает, агрит големов, включает спринт и уклонение и бежит к нам.

— Задача Верлиты по моей команде врубить фортификацию и создать вал. После, отойти к началу входа, вызвать своего элементалю, отдать приказ охранять, встать за ним.

— Задача Аиши залезть в башню и дать все масспеллы по моей команде. Далее по обстановке.

— Задача Джиро встать за башней и валом. По приближении Каи, приседает, выставляет сомкнутые в кулак руки, в момент её запрыгивания, подбрасывает наверх, встаёт в стойку, дает усиление и рубится вниз.

Я прервался, поглядел на невозмутимую Каю, спросил:

— А как он у вас называется-то прыжок этот?

— Прыжок с фуса, — сообщила Аисаки. — Если я правильно поняла. Хочешь сальто сделаю в полёте, будет фус-сальто.

— Не отвлекайся на всякий вздор, — сымпровизировал я, — только прыжки, только хардкор. Пока встаньте сзади нас, чтобы не отвлекать и потренируйте разбег, запрыг. Обратился к Саитане.

— Задача Рисы залезть на башню, дать масспеллы по команде, быть готовой к захвату воздухом Джиро. Будешь утягивать его, если что пойдет не по плану.

— Всем всё ясно? Вопросы-пожелания?

Они вроде всё поняли, больше интереса все проявили к акробатике в исполнении Каи. Лисодевочка шустро с разбега прыгала на кулаки Джиро, тот выпрыгивал с полуприседа, усиливая толчковый импульс рук, и Кая взмывала в воздух.

— А я танцевать умею, — ревниво сказала Аиша, дыша мне в правое ухо.

— Тверк на Новый Год исполняешь ты, — тотчас постановил я.

— А? — открыла она недоумённо ротик, но мгновенно сориентировалась, — конечно, обожаю этот танец!

— Да, — поддержал я, — а кто его не любит. Потом сделаем в Самуре плясовую группу южнонародных танцев «Шевелизада», покажешь нашим горожанам мастер-класс.

Она подвох почувствовала, но разобраться не успела. Я скомандовал выдвижение.

Принцесса подошла к толстой двери из металла, прижала свой артефакт власти к здоровому символу из звезды, всяких закорючек и надписей в центре и дверь заскрипела отворяясь. Первым выдвинулся Джиро, согнувшись за своим щитом, он бочком вступил внутрь и спустя недолгое время приглушенно крикнул что чисто.

Мы спустились по вырубленным из породы ступеням, дорогу подсвечивал зеленоватого вида мох. Похоже на путь к своему креслу в кинозале, когда сеанс уже начался, свет выключили, но пока на экране только реклама. Вот только на наших ступеньках попадались белеющие кости бедолаг, ржавые куски оружия и доспехов, а вместе уютного ложа с пивным подстаканником и ощущения мягкой женской ладони меня ждет бойня с созданиями кремниевой формы жизни!

Я едва успел прогнать эти мысли и сосредоточиться, как возник широкий вход в зал данжа.

Зал, примерно размерами с футбольное поле, с высокими сводами, уходящими вверх, в темноту, был заполнен големами. Они лениво шатались по нему, нелепо размахивая толстыми конечностями, делали важный вид и вообще чувствовали себя хозяева этой моей пещерки. Я зло затаил, но рваться с истошными криками «это всё моё, вы не имеете права, все — вон!» не стал. Успеется.

Итак, каменный голем состоял из небрежно слепленных кусков камня. Шеи у него не было, а всё остальное пусть и карикатурно, но было антропоморфно. Голова находилась там, где у человека была грудь, отчего сзади безголовые, расхаживающие туловища смотрелись жутковато. Да они и вблизи красавчиками не были.

Стоя в проходе, где до ближайшего было метров сорок, причем голем стоял лицом к нам, я немедленно испытал непреодолимое желание кирпичом, со всего размаха, немедленно к нему приложиться.

Эти жутковатые толстые, кривые пальцы, голова с провалами глаз, где горели какие-то огоньки, гипертрофированно толстые ноги и широкий, ковшиком бульдозера, развал пасти. Голем в этот момент натурально зевнул и до боли стал похож на моего соседа Васю с похмелья. Типичный дегенерат, такой есть в каждом доме: общение с ними убивают напрочь все чувства любви и сострадания. Другой вид не только по внешности, но и по поступкам.

Сегодня отомщу за всех, кому он мешал спать: иногда пьяным телом, запахом сигарет, издаваемыми звуками. Дурной привычкой звонить из подъезда, разговаривая так громко, что даже тем, кому безразлична его никчемная жизнь начинали задумываться: да кому может быть интересен этот невразумительный и глупый тип?

Наблюдая и вызывая ассоциативные цепочки, я пытался таким образом избавиться от

страха. Здесь не перевал, озера нет, пространство замкнутое, бежать некуда — данж закроется на полчаса, как мы войдем. Тридцать минут можно бегать только из зала в зал. Каждый вот бой за девчуль трясусь — дадут мне по нежному темечку, кто всех спасать будет? Только у Рисы есть шанс: ей я уже шепнул, если мы — всё, хватала Верлиту и левитировала вверх. Там в темноте и мраке, как я надеялся, укромное местечко для прятков на какое-то время найдется.

Рефлексируя, я заметил странную вещь: большая часть големов колупала что-то со стен. Меньшая часть исполняла охранные функции: бездельничала, ковыряла в носу, что-то жрала своими бульдозерными пастями.

— Так, — бодро выдал я директиву, — Кая вперед, Верлита приготовится.

Кая заскользила словно на коньках под «сайлент мувом», пробираясь в конец пещеры. Легче начинать собирать монстров с противоположного конца, чем делать круг, рискуя попасть в кольцо. На входную арку, сзади нас опустилась пелена, отрезая от внешнего мира. Голем, что стоял в сорока метрах от нас, бугрящийся сплетениями камней зеленоватого оттенка и что-то жевавший, удивленно уставился на нашу компанию.

Я нагло подмигнул ему.

— Здорово, дурик! Мы шайнские геологи, каменный век сегодня кончился.

Он постоял секунд пять, качаясь на ногах вперед-назад, принял решение и двинулся к нам.

— Давай, Вер, — ласково обратился к малышке, — раскастовывайся.

Она создала башенку, вал, дисциплинированно закрылась вызванным элементом.

Мы впервые увидели её элементаля, так что все, забравшиеся в башню, сначала посмотрели на него. Был тот не так массивен, без грубых, карикатурных черт големов, изящен, цвета мокрого асфальта, столь любимого молодежью. В то же время лоска высокоуровневого существа в нём не ощущалось. Верлита двадцатая, призыв элементаля как умение выпадает с сорокового. Вдвое порезанный элементаль выглядел пожиже каменного голема, устремившегося к нам, но чисто по здоровью и защите, точно должен быть пожирнее.

— Ох, теперь и элементаля надо откармливать, — притворно вздохнул я.

Аиша не выдержала участившихся издевательств и больно дернула моё ухо.

Кая уже добежала до конца данжа, выключила умение, став видимой для всех големов. Она скорчила приветливую гримаску и ласково шлепнула ближайшего монстра по заднице фальшионом.

Тот приглашение поиграть в салочки принял: оглянулся, увидел Каю и сразу махнул своим экскаватором. Кая небрежно увернулась, почесала клинком ему бороду, включила спринт и побежала к нам. Голем загорланил что-то на своём каменноязычем и кинулся за ней, сотрясая пол данжа массивным телом. К нему сразу же присоединились остальные монстры.

«Скорость у него действительно не очень», — подумал я.

Интерес представлял окрас каменных големов. Оттенков у них было на самый богатый выбор: от нежно-карминного, до бело-мраморного с прожилками. Сдается мне, с них нападает строительного материала — на новый город хватит.

«Если выживешь», — не преминул съехидничать внутренний голос.

Тем временем «дурик» дошел до вала и начал по нему карабкаться к нашей башне, где на верхней площадке собрался кавальный отряд монстроубийц. Нас заметила еще пара

големов, но пока просто таращицалась, осознавая новую реальность.

— Продажа алкоголя в выходные и праздничные дни запрещена, — скучным голосом обратился я к «дурику», — постановлением городского округа Самура номер пятьдесят дробь один от второго декабря 901 года.

Он мои слова проигнорировал, а я такое не люблю. Проверил на нём «Джексоновский марш». Занесенная рука его дрогнула, подобие горящих глаз в груди замигало, нога вывернулась влево, он рухнул на вал, скатился вниз, исторгнув из пасти какой-то камень в черной смазке.

— Вот девчули, — надзидательно объявил я, — до чего пьянство доводит. Нормальный же был голем: жрал простой камень, был счастлив. Планировал завести семью с железной големихой, пещерку себе отдельную вырыть. Да и работа была несложная, бригадирская: стоишь и принимаешь подношения от низших големов. Но этого ему показалось мало! Начал зазнаваться, перешел на окисленную медь, добавил в рацион грибы, потом принялся лизать сталактиты и сталагмиты. Не удивлюсь если он завел своего моргеншрека и по ночам его слушает!

Я элегантно жестом показал на трясущегося, в наведенной лихорадке болванчика. Все в шоке посмотрели на незадачливого голема, которого моя обличительная речь зашеймила до кончиков кристаллической структуры. Моргеншрек вместе с орками и гоблинами, песчаным синенсисом возглавлял топ-ненавистных существ в этом мире. Если песчаный синенсис был там по большей части из-за своего ужасного вида — жрал он всех подряд, не деля живое мясо по видам, то моргеншрек был издавающим громкие, гипнотизирующие звуки монстро-каменем и целенаправленно охотился на несмышленных детишек. Для взрослого он не был опасен, но ребенка мог спокойно заморозить своим пиликающим скрежетом, подманить к себе, свести с ума и съесть.

Выглядел он на первый взгляд безобидно: яркие цвета, мохнатые кустистые пряди зелени, расписные под хохлому прожилки на камне, имитирующие узоры. Детишек такое приманивает, они подходят ближе рассмотреть красивую блестяшку, моргеншрек открывает рот и начинает пиликать. Ребенок вслушивается, гипнотизируется, подходит ближе и дальше продолжать не стану, всё заканчивается плохо. Даже если дите вовремя отбить, как минимум, лет пять он будет заикаться, с трудом строить предложения, вести себя инфантильно и неадекватно по прошествии продолжительного времени.

— Сегодня он потеряет работу, жизнь и все свои сбережения! — предсказал я судьбу дурика.

— Но он бы всё, итак, потерял, — недоуменно сказала Риса, — с нашим появлением.

— Да, — признал я очевидное, — но не стоя на коленях, в этой жалкой позе, выbleывая из себя свой завтрак. Помоги ему, Джиро!

Кая уже пробежала середину пещеры, пора нашему танку выдвигаться.

Джиро молодецки прыгнул с башни ногами на корпус дурика. Осев под тяжестью нашего танка, тот беспомощно дергал конечностями не в силах сопротивляться и извергая что-то фиолетовое из себя. Джиро начал методично тыкать в него своим мечом в место, где у человека была бы поясница. Дурик жалобно скрипел и крошился, два голема, двигавшие к нам, ускорили свое шествие, набегавшая Кая засвистела, обращая на себя внимание, копошившихся в сводах стен пещеры големов, что могли не успеть её заметить.

— Лучший день тот, — анонсировал я, — что дарит нам множество возможностей убить монстров!

Джиро, краем глаза отслеживающий Каю, соскочил с дурика, присел на колено, выставив сжатые ладошки. Кая подлетела к нему, с ноги оттолкнулась, Джиро подбросил её, и она пижоня, сделав сальто, запрыгнула к нам на площадку.

Волнующие воспоминания остаются с нами навсегда, но очень хочется боевичок с ней в три-Дэ снять. Такая красотень остается неоценённой народом.

Я вытащил рельсотрон, крикнул Джиро, чтобы тот прикрылся щитом в стойке и похоронил арьергард големов. Взрывная волна ускорила движение, не задетых болванкой и плазмой големов и те влетели в вал, в Джиро, в пол, в стену. Кто куда в общем.

— Выкидывайте все спеллы, — скомандовал я. И тотчас прореженную, покорёженную волну големов залил холодный блеск вспышек заклинаний.

Я особо не обманывался. Да, начало боя выглядело подавляюще мощным. Големов тридцать сразу испарило кинетической энергией болванки. Штук пятнадцать-двадцать потеряли конечности, горели и выглядели жалко. В упавших у вала големов влетело овердофига урона, просто потому, что механика резистов не работает, если ты сбит с ног. Так-то у каменных, по описанию, резало 50 % магического урона и 35 % физического. У железных еще больше и далее по возрастающей. У какого-нибудь алмазного голема, не удивлюсь если будет 95 % резиста.

Это ему нисколько не поможет против кинетической энергии, плюсованной с гидро-термо-ударными, поражающими эффектами болванки, разогнанной до нескольких километров в секунду, но я один не справлюсь. У меня же не пулемёт в конце концов.

Но примерно сто, оставшихся в живых големов, они и в Гродалии големы. Надо работать, пока большинство из них лежит. С такими мыслями я закидал разрядами, погибелью, лозой, копьем — да всем, что наносило хоть какой-то урон всю эту каменную шоблу. И секунд десять, прямо казалось, так и останутся големы лежать, уже не встанут под таким давлением.

Аиша-пулемётчица, Риса-краса-воздушная коса, Кая-всех нагибаю, Джиро-делаю дыры за это время внесли урона достаточного, чтобы тел двадцать застыло на земле в разных позах. Но остальные помаленьку выпрямились, пришли в себя, пусть и с желтыми, красными фреймами показателей здоровья, но принялись действовать.

Первые шары полетели с края, где големы не попали под обстрел, ударная волна их не так потрепала, а нескольких задержавшихся у стен пещеры големов, не затронула вообще. Именно они, подбегая к центру сражения начали формировать булыжники в вытянутых конечностях, вращая рукой по кругу — снизу вверх, и запуская таким образом снаряды в нас.

— Воздух, — крикнул я, и мы все дружно присели за бойницами.

Свиста как такого не было — это вам не бомбы, минометные снаряды, но башня начала ощутимо содрогаться под ударами, крошиться, одна из каменюг влетела между зубцами стены и застряла в нём, одарив нас кучей крошек.

Одна хорошая новость была в том, что отката своего умения кидать булыжники големам приходилось ждать минутой.

Я привстал и оценил ситуацию, сначала проконтролив Верлиту. Наша няшка-земляшка сидела на руках своего элементаля и смотрела на какую-то бумажку в своих руках, не обращая особого внимания на кипевшую битву за валом. Для неё я придумал кличку Верлита-похороню под плитами, обрадую её позже, годика через три, когда реакция у неё нормальной станет. Пиковые значения от девяти лет начинаются, пятилетку в бой брать прямо совсем рано-рано, да и «дрожь земли» против големов не подействует.

Она особо грустной не выглядела, но вы же знаете: девчуля может быть злобной как свора не евших три дня гиен и упрямо сказать: «всё нормально». Просто скажет так, что ты потом в церковь, снимать проклятия, побежишь.

Наверно обиделась, что её не взяли наверх в башню. А может изучала счет за доставку дров: девочка она хозяйственная, мамка вкалывает в доме высокой моды — надо же помогать? Хотя с равным успехом она могла изучать картинки эскизов платьев или грамотник. Или домашку по математике делать, с занятий её никто не снимал.

Элементаль стоял полубоком к башне и настороженно зыркал наверх. Пара камней, отскочив от башни, упали за ней. Я не был уверен, но вроде некоторое облегчение на его гладкой морде прописалось при виде меня. Верлита помахала мне ручкой, заметив, я бросил в ответ сжатый кулак жестом победителя Олимпийских игр и быстренько развернулся, возвращаясь к нашим каменным бандитам.

Уныло столпившись вокруг Джиро, словно ояши на распродаже новой эроге, они осыпали его ударами своих бугристых лап, промахиваясь и мешая друг другу.

— Один удар и две вертухи, — заорал я подбадривающе, — и над големом только мухи! По шам всей это сволочи, жрущей наши исконно-посконные ресурсы!

Мы с удвоенной силой засыпали их заклами. Особо выделялась принцесса: просто вжух-щух-бам-тыщ. Палочка летает туда-сюда, Аиша пыхтит через носик, глазки сверкают, губки вперед выпятились. Големы внизу то изморозью покроятся, то волной воды в лоб получат, то болт сверху приголубит. Вал она уже формой льда покрыла и немногие, кто не попал под ненависть от Джиро тупо скользили по нему, пытаясь вцепиться и влезть наверх к нам.

Принцесса снова использовала откатившие град льда и бурю воды. Поле внизу превратилось в болото, в котором чавкала бурая толпа, напирая на невысокую фигурку Джиро. У того отражение уже проходит, поэтому я попросил Рису сосчитать до трех и юзать захват.

— Хлоп! Джиро махнул вперед мечом и понял, что уже на башне.

— Нормально, боец, — хлопнул его по плечу, — они там уже кончаются.

Не совсем правда, но я уже вынул болванку и попросил Аишу сотворить такой же кусок льда. Она кастанула, я вложил получившийся кусок льда в рельсотрон, попросил всех присесть и жахнул вниз.

Поток ионизированной плазмы снес заледеневших големов, растекся по земле, а ударная волна превратила их в крошку. Ну хотя бы не аннигилировала на атомы. Дроп можно подобрать.

Самое смешное, что отошедший от моего «Джексоновского марша» голем потихоньку ковылял от места битвы с дебафом «потеряна воля к сражению».

— Верлита, давай к нам, — обернулся я малышке и призывно замахал.

Она шустро влетела на башню и замерла, оглядывая поле усеянное черт те чем. Валялись кубики дропа камней, какие-то наборы из оружия, шкатулки, золотые-серебряные. Всё это было покрыто слоем грязи, слизи с големовских внутренностей, кусками льда по краям поля, еще не успевшего растечься под действием плазмы, а в центре весело горели и чем-то щелкали языки пламени.

— Видела я один большой курятник в деревне, — сказала она задумчиво, — после визита дикого хоря, так он почище выглядел.

— Просто внутри каждого из нас такой океан тепла и доброты, — объяснил я, — что трудно удержать себя от лужицы-другой. Но Аиша сейчас всё подсушит, а ты своего друга пошли вон за тем неудачником.

Я махнул рукой в сторону дурика.

Аиша быстро подсушила поле. Верлита отдала приказ своему элементалю: «Фас, Аякс!» и показала жестом на дурика. Я кинул на него свой «Ветер Тьмы», ускоряя бег. Элементаль согласно крутанул головой, поджал ноги, спрыгнул, кроша лёд на валу, перекатился и пустился неспешно за големом, тяжело впечатывая шаг в землю.

За полминуты он настиг единственного выжившего монстра, кинулся сзади в ноги,

обрушил голема, влез ему на спину и принялся лениво загибать, а затем откручивать сначала одну, потом вторую руку. «Ни фи́га себе бои без правил», — подумал я, — «его бы на арену против монстров, бои устраивать, это же какие деньги можно грести лопатой! Всегда мечтал объявить Аякс чемпионом.»

Элементаль четвертовал несчастного дурика, как заправский богомол жука-вредителя. Перевернул обкорнанное туловище на спину, врезал раз-второй, подумал немного, привстал и подпрыгнул со всей дури ногами тому в грудь на морду. Причем ноги он поджал в конце прыжка, увеличивая импульс и ударил коленями. Ну или то, что у людей бы называлось коленями. Вокруг него сразу появилось дымное облачко от отлетевшей от голема крошки.

Я прикрыл ладошкой глазки Верлиты.

— Нифига он у тебя машина против чудовищ, — выразился я.

— Я волновалась за вас, — призналась она, — мне кажется Аякс это чувствовал и хотел помочь.

— Надо качать пацана, — одобрил я, — очень полезный дружок у тебя.

Аякс закончил с дуриком, прилежно собрал трофеи и двинулся к нам. Что-то он чересчур умный для обычного элементаля.

Я попросил Верлиту отменить все заклы: башня с валом рассеялись, и мы принялись за методичный сбор вкусняшек с монстров. Джиро не разобрался как обращаться с одним из кубиков — а именно так в уменьшенном варианте выглядел упакованный кубометр камня в качестве лута, уронил, и перед нами выросла груда гранатового амфиболита. Черно-вишнёвый, словно припорошенный снежком, камень гордо и вызывающе поблескивал, я поневоле залюбовался. Джиро виновато взглянул на меня.

— Ничего страшного, Джиро, — успокоил я, — попробую к себе положить.

Я коснулся его рукой, камень переместился ко мне в инвентарь и уже там принял снова форму небольшого упакованного кубика. Мог бы не только менялой работать, если очутился в этом мире без магии, но и элитным упаковщиком.

Жестом фокусника я вытащил кубик амфиболита наружу.

— Хоба-на, — сказал гордо, — это вам не кроликов из шляпы доставать! Джиро, тут фишка в том, чтобы не сжимать кубик всей ладошкой. Он от этого распаковывается. Двумя пальчиками берешь, — я продемонстрировал ему, сжимая маленький, размерами с игральный кубик, — упаковку амфиболита и кидаешь в рюкзак.

— Ох, а это что за камень, — заинтересовалась Кая, — такой красивый, неужели драгоценный? Они же только в четвертом зале встретятся.

Она поднесла мне кубик, играющим голубым.

— Халцедон, — сказал я, припоминая, а потом делая оценку камня для проверки, — наверно с элитки выпал, вот этот конкретно — полудрагоценный камень. А вообще у него видов до кучи. Но не думаю, что нам выпал кубометр такого добра. Распакуй его.

Она сжала на мгновение кубик в ладошке, и перед нами появился куб с гранями не больше двадцати сантиметров. Её ладошка чуть качнулась, все же вдруг шесть кило тяжести на руке, но она быстро выправилась. Вообще халцедон просто разновидность кварца, как и многие другие камни. Но вот этот голубоватый, в поделочных работах ювелиров вполне себе бодро используется. Поэтому как дроп — выпал в таком уменьшенном размере. Но золотых на десять-двадцать вполне потянет, я не ювелир, как там со спросом не знаю, но примерно могу представить. Этим камнем еще стены Иерусалима отделявала одна пафосная народность.

Нападало таких минералов с каменных големов прилично: я таких названий и на земле не встречал. Язык сломаешь пока корундофиллит шайнский хромистый выговоришь или кеммерит соноклинный чешуйчатый. А у меня друг на Земле коллекцию минералов собирал и меня просвещать пытался. Пока на пмж в теплую страну не дернул.

Более сотни кубиков, два ювелирных набора в шкатулках, несколько мечей\кинжалов с нагрудниками, саботоны. Неплохие по защите, но ничего особенного. Ну да я и не ждал «Святой Дюрандаль» ни в мифриловом, ни в девушкообразном эквиваленте. Что-то реально крутое будет в четвертом зале. Но ломиться туда, ой как страшненько.

— Так, — сказал я после приятной процедуры сбора трофеев, — мы все большие молодцы. Заработали по очередному домику в деревне. Теперь надо и о народе подумать! Еда, дети, мирное небо над головой и счастливое будущее.

— Да! — вскинули они воодушевленно руки вверх.

— Народ — это печь, — продолжил я мысль, — из которой выходит румяный пирог под названием страна. А если режим температурный не соблюдать и ингредиенты жилить, выйдут головешки. Наш налог для него убивать чудовищ. Но если мы можем большее — сделаем всё, чтобы остаться в легендах!

Ничего не могу с собой поделать: вроде очередной поход на монстров, а меня несет в политику. Хотя подсознательно я всё же понимаю. Просто выделяюсь перед девчулями. Распустил хвост, павлинице этакое. С другой стороны, сказал по делу. Основа богатства страны — люди. Сам не буду править, хотя бы мысль эту одной царственной особе вобью.

Я еще немного тимбилдинга поделал, сказал, что прошлые поколения авантюристов с одобрением смотрят на нас.

— Мы рождены, чтобы монстров сделать пылью! — гордо сказал я в конце, — а теперь объявляю технический перерыв. Попить водички, поцеловать меня в щечку, потискать Рису с Верлитой, попересыпывать золотые из ладошки в ладошку. Через минут двадцать вынесем големов повторно и будем так продолжать, пока уровня два не поднимем. До того, сердечко у меня ёкает против железячных идти.

Они с одобрением приняли: заботится командир о своих, на танки пехоту не бросает. Мелкие по уровню за бой уже взяли, а мне с Аишей и Каей оставалось немного. Верлите я элементалю подточил на десятку: немного откат уменьшился, но визуально без изменений. Через час откатит вызов, глянем на улучшенного. Аише улучшил «Град льда», у него дебафы не указаны, но здоровые градины сбивают точность ударов и немного замедляют даже големов. Над табличкой Каи немного завис: спринт или уклонение так и манили, но в бою она стреляла с лука под фокусировкой, выдавая иногда такие криты, что моё почтение. Подкрутил на десяточку её фокус.

Над своими умениями покряхтел, поскрипел, но решил-таки, как и вчера, обойтись без «Бури Света». Вот на 25, который уже скоро будет, «Ураган Тьмы» возьму, и сразу буду максить — урона выдам больше чем Аиша, в равных условиях за один каст, я же тёмный маг.

Вот так, обустроившись-обжившись в первом зале данже, мы выдали еще три зачистки этого уровня, в целях боевого слаживания и опыта, что прошли без малейших эксцессов и решили перекусить на свежем воздухе. Подземелья в этом смысле утомляют: воздух затхлый, освещение искусственное, пространство замкнутое, окружение враждебное. А там, на входе, я малость прифигел над количеством собравшегося народа. Весь Самур приперся смотреть на своих героев. Когда мы поднялись по ступенькам раздался такой привычный гром аплодисментов и восторженный ор.

Риса даже без напоминания выдала мне усиление.

— Дорогие горожане, — взял я инициативу в свои алчные лапки, — мы зачистили все уровни и обнаружили в конце подземелья Огненного Дракона. Он требует соблюдения естественных прав чудовищ, девственницу от 18 лет и старше, а в придачу четыре тысячи золотых, иначе уничтожит город, а затем столицу! Как поступим, уважаемые?

Кая часто заморгала глазами, у Аиши сломался надменный покерфейс, Верлита и Риса открыли роты в полном обалдении, один только Джиро не подвел: просто спрятался за своим щитом и зарыдал от смеха.

Не, а че не пошутить, когда такое настроение приподнятое? Они же в юмор умеют. Нет?

В раздавшейся тишине было слышно, как падает снег. Вперед выступил могучая грустная фигура.

— Четыре тысячи мы соберем до вечера, — скорбно сказал Вельг Лекаменсгилле. — насчет каких-то прав у монстров что-нибудь придумаем в законодательном плане, но девственницу от восемнадцати уже слишком. Почему моложе нельзя?

— Он в прошлый раз моложе попробовал, — пробормотал я, испытывая неловкость, — за это его в нашей пещере Дракомнадзор и заблокировал.

Думал посмеемся вместе, а они на серьезных щах, в какие-то небылицы верят.

Вперед выступила белая как мел, но решительная Сура Чариара.

— Я готова отправиться к Дракону, — гордо сказала она.

Я просто пошутил, но что-то сказать им такое сейчас было немного боязно. Побьют же, как пить дать побьют. Вместо этого я придирчиво посмотрел на Суру.

— А ты уверена? — строго спросил у неё.

— Ну, инструмент видела, — тихо сказала она, — руками трогала, но не пользовалась, Создатели видят! Если кто есть невиннее, готова поменяться.

Само собой, никто не откликнулся.

— Ой да ладно, вам, — легкомысленно махнул я рукой, — сейчас мы поедим и того дракона узлом завяжем. Вы только не шумите, не сбивайте с концентрации.

— Так-то оно так, — непреклонно сказал Вельг, — но, если что с драконом не выйдет, план «Б» — спасти Самур. И с этими словами он подтолкнул смущенную Суру к нам.

Все проблемы от великого и могучего. В другой мир попал, а язык не поменялся — тесно ему в средневековых рамках, за зубами не помещается, так и норвит экспансионировать. У меня же весь мир на языке крутится. «Знаешь, бро, — ожил внутренний голос, — с твоим языком следующей карьерной ступенью будет работа на почте, марки клеить. В лучшем случае.»

В оглушающем безмолвии мы разместились за столом, притащенным охраной принцессы и поели со здоровым аппетитом людей, отправляющихся в долгий путь. Одна Сура давилась сочными отбивными и вымученно глотала смузи из папайи с бананом.

Наверно гадала, что с ней дракон сделает. Глупышка. Дракон здесь я, и магию выучить заставлю, потом замуж выдам по-быстрому и сделаю ручкой.

За дверью в данж, я повернулся к ней и решительно сказал: «Время клятвы, Сура».

Она растерялась, посмотрела на ухмыляющуюся Каю, на строгую принцессу с долькой сочувствия во взоре, на любопытные лица Рисы и Верлиты, на немного виноватого Джиро. Он за щитом тихо ржал и давил смехуёчки, но народу слышались рыдания. Ему потом бутылку гномьей особой водки передали, когда мы уходили. Дескать, пусть напоследок парень безусые губы в водный мир настоящих мужчин окунет.

За меня-то и принцессу так не волновались!

«Да ты после грузовика выжил, — строго обвинил меня внутренний голос, — что с тобой будет? А от Аиши и дракон убежит, если не тупой в конец. Это же Дейнерис на минималках, приручит его и сделает комнатной собачкой.» «Видел я один сериал, — ответил ему, — сначала ты трогаешь её дракона, потом она ласкает твоего.»

— Какой клятвы? — с паникой спросила она, косясь на белеющий череп среди зеленоватой подстилки из мха на ступенях.

— Завещательной, — не моргнув глазом ответил я, — в случае моей смерти всё свое движимое и недвижимое имущество, включая органы, не пострадавшие от смерти, передаю в собственность королевского наместника города Самура Джерка Хилла.

— А органы мои тебе зачем? — опешила она.

— А может я хилер-трансплантолог, — соврал я, — люди нашей профессии, не ценят человека только за внешность! Нас больше интересует внутренний мир человека.

— Хорошо, — смирилась она, мысленно уже распроставшись со своим существованием, — я готова, что говорить?

Все, сука, такие серьезные, привыкли жить в средневековом говне и расплачиваться своей жизнью по нелепому поводу. Когда же я их отучу от этого?

Озвучил ей клятву, она повторила, уставилась на сообщение, открыла ротик, чтобы удивиться, но я уже скомандовал всем боевое движение, и мы двинулись приносить добро и развитой феодализм глупым монстрам.

В первом зале данжа всё прошло так же быстро, пусть и големов оказалось чуть больше. Суре я запретил приближаться к линии боевых действий, усадив с Верлитой под охраной вновь вызванного элементаля. Поймал двадцать пятый и сразу «Ураган Тьмы» замаксил.

Апгрейдженный Аякс, матово-черного цвета подрост, заматерел и приобрел способность, как я увидел по его статам, «толчка земли». Проверять мы его не стали: развалили вновь всю эту каменную шоблу и быстро двинулись во второй зал. Если что не по плану, успеем отступить в первый зал ко входу, пока каменные не успели реснутья.

Мобильность, мощь и гибкая тактика рулит во все времена — объяснил я своей команде. Они согласно и многозначительно поугукали. Сура хотела что-то спросить, но я уже вытащил из инвентаря, выбитый с огненного великана Лусанский скипетр огня и вручил ей. Все её вопросы сразу вышибло при виде фиолетовой дыры в пространстве, а потом такого мощного оружия. Не сказать, что оно редкое: в столице купить можно, но дорогое и специфичное. Встроенный в него шар огня был иксовый к силе мага, но маны забирал при касте еще больше. У монстра или воина стрельнуть шаром огня из скипетра бы получилось, но оружие забрало бы часть жизни. Потому таких идиотов среди разумных не встречалось. Великану с его показателями жизни и интеллекта было не до сравнительного анализа и выбора тактики.

Сура за первый зал получила шестой уровень, но ни «Шар огня» первоначальный, который у неё уже был, ни «Жгущий участок» или «Щит Пламени» из выпавших ей умений, меня не заинтересовали. Вот позже, жгущий участок заменит полноценная «Полоса Огня». Такое умение будем прокачивать.

— Сейчас идешь с нами на башню, — предупредил я её перед входом во второй зал. Лицо Суры озарилось искренней радостью, она довольно заухмылялась.

— Выкидываешь по моей команде всю ману на шары огня скипетра и бежишь к Верлите, — обломал я её.

Она что-то захотела возразить, просто по привычке, но вовремя одумалась.

— Так точно, Джерк! — певуче проворковала она.

— Честь отдай, командиру группы! — подколот я.

— Какую честь? — испугалась она.

— Боевую, — строго указал я. — в нашем кавайном отряде монструбийц свой боевой устав и правила. Кая, покажи новобранцу!

Кая приложила два пальчика к глазику. Сура попыталась повторить, но вышло не так мило.

— В конце надо сказать «Ня!», — подыграла мне Кая.

— Ня, — робко прошептала Сура, сгорая со стыда.

— Не сутулиться, грудь вперед выпятить, — я вознамерился продолжить обучающий курс, но заметил нахмурившуюся принцессу и быстро передумал. Ничего, Аиша и Кая сделают из неё образцовую самочку-волшебницу!

Мы осторожно зашли во второй зал, и я быстро оценил обстановку.

Обычные земные шахты — это перпендикулярные, наклонные тоннели. Вертикальная шахты и штольни, вентиляция, штреки. В этом мире шахты может и были такими же, но давно. Големы жрали, отколупывая мощными лапами камень со стен и запихивая в пасть. Старые штольни в результате боев давно оказались засыпаны, обрушены. Потому и первый зал, и второй — как я уже понимал — и третий, и четвертый будут просто большим помещением с големами-рабочими. С элиткой, отжирающей на работе простых трудяг. Вот ей-ей, будь у големов хоть немного мозгов: я бы революцию устроил, скинул ненавистных угнетателей, а с простыми трудягами договорился, не будь они монстрами. Это эффективнее чем рабочими шахты обрабатывать, рыть тоннели, штреки. Хотя с моей няшкой-земляшкой... Я поглядел на Верлиту.

— Вер, давай после башни и вала в стене попробуй обычный тоннель проделать, немного метра два, потом сводный, просто для оценки сил и трат.

— Ня! — подшутила она надо мной, изобразив отдание чести. После шустро, в две секунды возвела защитные укрепления. Мы взобрались на башню, Кая спрыгнула и отправилась в рейд. Три железных голема, стоявшие у входа, заинтересовались валом и двинулись к нам.

Железный голем отличался от каменного, сглаженными обводами и наличием на руках, примерно метровых лезвий. Шары они тоже кидали, но любили рукопашку и урон наносили неплохой, судя по оставшимся описаниям от авантюристов и военных летописей королевства. В целом такая же противная тварь: мощная, здоровая, с резистами.

Джиро спрыгнул на вал, с него и вызывающе постучал по щиту мечом. Големы ускорились. Первый подбежав, подпрыгнул и с размаха ударил сверху вниз рукой. Джиро заблокировал удар щитом, отскочил от удара второго, третий замешкался, расталкивая

остальных и я скомандовал Суру добавить огонька.

Шар огня, влетевший в кучу, пошатнул одного, уронил второго и растекся по третьему. Это им не понравилось. Забив на Джиро, двое полезли за самочкой-волшебницей на вал, который стал повыше, я немного Верлите его подточил, потому что железные ростом превосходили каменных и могли уже перепрыгнуть наш небольшой, оборонительный рубеж.

Я проделал с одним из них ту же шутку, что с каменным — марш имени британского врача, описавшего симптомы эпилептических припадков.

Заклинание прошло также гладко: агрессивная железяка скорчилась, рука у него со скрипом стала поворачиваться куда-то внутрь, отчего он изумленно вылутился на предательскую конечность. Следом ходуном заходили ноги, он не удержался, шлепнулся на задницу. Это заметил Джиро, на секунду переключился с другого голема и приложил со всей дури кромкой щита по хребту.

Второго в водоворот поймала Аиша, заклинание прошло не так как должно: голем вознесся всего метра на четыре, урон прошел слабый, но падение наземь ему здоровья не прибавило и на несколько секунд ошеломило.

Джиро с упоением долбил сбитого шаром огня голема по правой ноге щитом, там, где у человека была бы пятка. Всё правильно, даже слабая деформация шагательной конечности, движение ему разбалансирует.

Поймавший «Джексоновский марш» и плюху щитом голем согнулся в три погибели и, кажется, уже рыдал. По крайней мере, что-то текло у него с морды, в середине груди.

Всего здесь в пещере было около ста пятидесяти монстров. Несколько из них уже двигались на шум, но слегка неуверенно, словно раздумывая «а моё ли это дело, разве там не участок Ржавого Дурли?» Я так первого голема прозвал, которого сейчас Джиро запинывал. Чисто из-за окраса, благородно-красного, напомнившего мне барбадосский ром от Мартина Дурли.

Выпавший из водоворота голем встал, поднял на нас свою морду и, держу пари, отпустил в адрес Аиши пару бранных слов. Вслед за словами он неожиданно быстро перешел к делу, раскручивая руку.

— Воздух! — успел крикнуть я, сбивая нерасторопную Суру подсечкой. Да, хотел отослать к Верлите, но у неё еще маны штук на десять шаров.

Сверху пронесся здоровый шар металла и с глухим чавканием упал метрах в двадцати за нашей башней. Верлита за башней подняла голову, Аякс, держащий девочку на руках, беспокойно дернулся.

— Ыых, — выговорила Сура, лежа на Аише. Та бодро вскочила, не обращая внимания и попыталась заскульптурить железяки мерзлым взглядом. Но безуспешно.

Сбитый шаром огня голем, перевернулся на бок, вскочил и, прихрамывая, попер буром на Джиро.

Аиша, глядя на набегающую Каю с собранными монстрами, приложила его болтом, потом запустила свой град. Тот качнулся, отвлекся от Джиро. Наш танчик упал на колесо, выставил щит плащом для лисодевочки и толкнул его вверх, когда на него ступила нога Аисаки. Она взмыла в воздух, изящно разворачиваясь в полете лицом к монстрам и вытаскивая из-за спины лук.

— Стойка! — предупреждающе крикнул я Джиро и с рельсотрона выпулил уже две болванки, очень мне не понравилось то, что эти железные недолго думают перед броском железных шаров.

Вот тут я неприятно ошибся в оценке безопасного расстояния для нашего танка. Ударной волной его выкинуло из стойки и снесло на вал. Мы сразу залили все перед собой магией, причем я еще перед боем сказал: раскастовывать всё, после моего урагана. У него была одна нехорошая особенность. В плане своего действия ураган выглядела как облако тьмы, накрывающее собой определённую область. Не знаю, что там внутри происходило: включался бессмысленный и беспощадный русский рэп, и все начинали танцевать локтями, но точно не самые веселые вещи, с точки зрения попавшего под него. Однако даже не урон от этого АоЕ был так востребован.

Ураган тьмы ослаблял все резисты на несколько секунд и давал уязвимость к остальным стихиям. А уж если цель лежит, у резистов наступал полный сабантуй.

Потому, радостно выкинувшие все спеллы за мной девчули, конкретно железную банду потрепали. Половина так и осталась лежать.

Я посмотрел на фрейм Джиро: жив и не ранен, просто под кучей големов лежит, придавленный.

— Верлита к нам, трави Аякса на големов, — крикнул я ей. Попутно кидая ветер на элементалю.

Она бодро вскочила, принеслась к нам и сказала свое: «фас».

Аякс спрыгнул на вал, дал с ноги какому-то карабкающемуся голему, упал локтем на чью-то протянутую конечность, затем схватил другую железку за руку, подвернул так, чтобы шарнир, соединяющий кисть и предплечье, уперлось в его плечо и провел бросок через спину. Послышался неприятный скрип и голем улетел в толпу, сбивая парочку своих поднимающихся приятелей.

— Не пойму я, Верлита, — сказал ей, пыхча над заклинаниями, — ты там обряд вселения духа над Аяксом не проводила незаметно? Он на одного знакомого мне последнего императора* похож.

— Я пока не умею, — пригорюнилась она, — а император нам не помешал бы, научишь, дядя Джерк?

— Нет уж, — отозвался я, — выписывая погибель, — вдруг ты что перепутаешь и к нам вместо последнего императора попадет королева отстоя**?

— Страшная ведьма? — предположила она, попробовав на големах свою дрожь. Без всякого эффекта, может парочка оступилась и только.

— Думаю только она сможет объединить всех монстров, — честно признался я, — и тогда всем нам конец. Теперь скажи Аяксу бежать со всех ног в самый дальний угол, а сама встань за Джиро. Его сейчас Рисочка схватит.

— Яксик, беги! — завопила Верлита.

Элементаль броском в ноги подбил голема, сразу подсек ногой второго, бросил свое тело в открывший проход в толпе, перекатился и припустил в дальний угол зала. За ним пара големов кинулись, но основная масса была зла на нас.

Риса подхватила Джиро, так и не успевшего нормально побайтить чудовищ. Он появился среди нас с фингалом под глазом, и я поощрительно сказал ему, что пустяки, дело житейское. Фингал под глазом сужает кругозор, но расширяет индивидуальный опыт.

Големы внизу начали отводить руки назад для броска, но научный рейлган с сосульками от Аиши оказался быстрее.

Шух-шух и только оплавленные потеки на земле и Аякс, выламывающий в болевом захвате руку неудачливой железяке, пока вторая, застрявшая в проломленной своим же

туловище стене, пытается вылезти из ловушки.

Аиша добила нескольких оставшихся в живых с края и довольно произнесла:

— Это было легче, чем я ожидала.

— Удельный вес легкости состоит из плотности поцелуев, умноженных на время, проведенное в экстазе при поцелуе, — поднял я указательный палец. — мы с вами хороши тренировались, поэтому заслужили победу.

— Да! — коварно поддержала Кая, — и наш тренажёр для поцелуев не должен застаиваться, чмокаем Джерка на следующую победу!

Они поспешно претворили в жизнь этот нехитрый девиз успеха, символически столбя за собой эксклюзивное право на обслунывливание моих щечек. Я, забывшись, положил руки им на талию и слегка сдвинул их поплотнее. В формуле же есть указание на плотность. «Да ты эту формулу сам сейчас выдумал! — возмутился внутренний голос, — мог бы поинтереснее константы ввести. Площади задействованных тел, температуру и влажность губ, повышающие коэффициенты оголённости!»

Не отвечая ему, я раскрыл объятия всем остальным.

— Эй, мы одна команда, код розовый — срочные обнимашки!

Мы постояли несколько секунд, пыхтя от счастья и довольства, затем принялись за не менее увлекательное занятие — сбор выпавших предметов. Второй зал называли железным из-за преобладания големов этого типа. Вообще здесь встречались и никелевые, медные, свинцовые, цинковые, оловянные големы. Пройдя чуть дальше я увидел дроп с серебряного голема в виде цилиндрической болванки чистого серебра. Обрадовался и начал искать золотого. Не нашел и расстроился, видимо, в него попало и испарило моей болванкой. Жаль, но рисковать и встречать всю толпу големов сразу, я не собирался. У нас не отряд самоубийц.

— Яксик, передай всё Джерку.

По умолчанию они все выпавшие ништяки отдавали мне. Упакованные кубики камня весили ничтожно мало, по сравнению с настоящим весом, но таскать их россыпи в своих рюкзаках всем быстро надоело еще после второй зачистки первого зала. Аиша и Кая подошли ко мне, сделали шрекины глазки и ссыпали всё добытое мне, а я в инвентарь. Дроп здесь был щекотливой темой: лидеру отдавали двойную долю, новичкам половинную, всем остальным по доле по стандартным условиям. Поскольку он был очень редок и ценен, у каждой команды были свои правила. Вроде официальной бумажки: пункт первый «всё поровну» и приписок мелким шрифтом в конце договора, «действие первого пункта распространяется на четные дни воскресенья каждого месяца».

Мне такое претило: равные доли и нормально. Я здесь глобальными вещами занимаюсь, а не крохоборчеством каким-то.

Хотя, когда вглядывался в свой распухший инвентарь — да там уже два бюджета Самура лежит. Это на ценообразовании может сказаться, если всё выкинуть на рынок.

Аякс подошел ко мне с ладошками ковшиком. Вот у него там и блестел желтым скромный цилиндрик.

— Так это ты золотого забил что-ли? — обрадовался я, — красавец мужчина.

Я подошел к стене, где Аякс разобрал двух упоротых големов. Головы он у них просто выдрал с мясом из груди. Блестели остовы тел, отломанные конечности валялись рядом. Кто из них золотой под слоем грязи и копоты было понять трудно, но второй кубик в виде болванки, принесенный элементом Верлиты, был из хрома. Наверно, в металлах я не

разбираюсь. Цилиндр гладкий, прикольный, блестит и сверкает: что, если не хром? И вот это было ненормальным, с точки зрения средневековья. Так-то хром металл распространенный, но его откроют позже. Будем строить реакторы и реактивные двигатели теперь что ли? А в третьем зале дропнется сплав титана с золотом? Вот Исхирос с ума сойдет, изучая его, сделать с ним он ничего не сможет.

Было еще несколько интересных вещей: наборы алхимика, несколько эссенций духа голема — это алхимические реактивы, для чего мне неизвестно, но без сомнения ценные, черная серьга на магическую защиту, красивая и редкая. Не знал кому подарить: Аише или Кае, потому нацепил сам себе на левое ухо. Девчули обменялись многозначительными взглядами. Были пара рецептов на лук «Тёмных эльфов» и перчатки «Святости». Перчи отдал Джиро, они с хорошим дефом, да святости прибавит так, что может какой голем задумается, прежде чем ударить такого хорошего мальчонку?

— Восемь минут два зала, — громко привлек я внимание, — на стальных големов отвожу максимум минут десять. Если не справляемся, значит нам еще рано в четвертый. Сура, я тебе вкинул на «Полосу Огня» десятку апгрейда за карму. Используйшь только по моей команде, потому что в горящей полосе големов будет трудно разглядеть, у них же видимость вообще станет нулевой, но, когда это мешало монстру наобум метнуть свое оружие или снаряд. Всё ясно?

Выслушав голосащее «ня» я даже не замедоточил глазами, хотя сахара в этом хоре хватило бы на бочку чая. Меня таким не пронять, я «Моя девушка не просто милашка» отсмотрел без пауз на лимоны.

— Вперёд, к бессмертию! — отдал я команду, и мы ринулись в третий зал.

* Последний император: прозвище Фёдора Емельяненко. Дохренократный чемпион мира по боям без правил.

** Королева отстоя: прозвище Ольги Бузовой.

То ли мы наловчились с этими големами, то ли урон так вырос после моего урагана тьмы, но стальные в третьем зале, против спянной моей титановой волей команды, ничего не показали. Хотя у них были копья, они даже успели залп по Кае сделать, когда ты собирала их в кучку. У меня сердечко ёкнуло, но лисодевочка невозмутимо подпрыгнула метра на три и побежала дальше. Забили мы их по той же схеме: болванки + дебафы + фуллурон. Уложились в одиннадцать минут и вступили в четвертый зал.

Сура взяла четырнадцатый, отчего истерично сверкала глазками, пыжилась и надувала щеки. Было видно, как её распирало от ощущения полезности и счастья. Вчера — на ресепшне лошара, сегодня — героическая аватара. Аватара скромненькая, но лиха беда начало. Из полезного у неё кроме полосы, было «Проклятие Огня» и «Вал Углей». Последнее было наконец-то первой массовой АоЕшкой огненных магов. Полосу тоже можно было посчитать за таковую, но из неё выбежать можно было, а вал замедлял и начинал слепить. Если попал под такое в центре, уже не факт, что выберешься. Вообще все маги хороши, начиная с уровня так 14–15, если использовать умеючи. Но для местных возможности сильно ослабляют рандомные умения, плохой обвес оружия и артефактов, скорость прокачки. Последнее прямо жутко. В нормальных условиях рано или поздно нужное тебе умение выскочит с уровнем, а аборигены до такого тупо не доживали.

В зал я вошел первый, с Джиро за спиной и с рельсой наперевес. Если там типы, которые магией бьют, то у меня пассивка двойная и серьга на ухе пиратская. Кому как не мне использовать образ Бориса «Хрен Попадёшь»*?

Неприятная особенность четвертого зала заключалась в разбросанных повсюду глыбах камней, металлов и кристаллов. Относительно ровного пространства не наблюдалось. Выглядит местность будто всю ценную добычу голема из залов притаскивали сюда. Что-то утаивали, отжираясь, но большая часть валяется здесь. И это плохой вариант. Тогда здесь самые жирные, убойные големы и собрались. А где-то рядом тусит босс этой пещерки.

— Какая же ленивая скотина здесь хозяйничает, — проворчал я напоказ, для жмущихся девчуль, — эту холстяцкую берлогу не убирали лет сто!

За переливающейся всеми оттенками фиолетового глыбой кристаллов что-то зашевелилось и к нам выплыл первый неряха четвертого зала. Он не думал ни секунды, выпуская в меня непонятную красную плюху. Просто увидел — на, по шапке!

Я как-то машинально сразу импульс и дал. Плюху, быстро летящую ко мне я больше не видел. Как и непонятного голема, как и глыбу камней и всего того, что за ней располагалось. Просто вжух — и просека дымящаяся. Осколки веером и стук падающих осколков, словно на шифер самосвал с дробью высыпали.

Я сразу понял: раз заглянул к неряхам на огонёк, и встреча такая громкая вышла, ни в чем себе отказывать больше нельзя. Здесь просто слёт маньяков кристаллических и за своего пацана они всей сворой сейчас накинутся. Потому тоже недолго думая, веером: влево-вправо, в центр я еще три раза пульнул и запросил поддержку башенкой у Верлиты.

Там наверху, сквозь дым, чад и всякий осыпавшийся сверху мусор, спустя секунд десять мы разглядели какое-то движение. Изрядно побитые, с подпалинами, а кое-кто еще горевший, к нам выдвигались местные монстрожителы. Возглавлял их кристаллообразный, блестящий, прозрачный, с множествами граней — в общем, очень необычный голем.

Ангелоподобный, в том плане, что невысоко, но он летел над поверхностью. Заметив нас, он воздел руку с посохом. От него засверкали расходящиеся нити, лучами падая на его шайку, примерно в пятьдесят, разной степени потрепанности, корешей. По сделанной оценке — это был босс данжа, Кристаллический Пещерный Принц.

— Бафнул всех, — выдвинул вслух я гипотезу. — Джиро, как спрыгнешь вниз, мгновенно включай уэз. Чуть опоздаешь тебя магией накроют.

Это я про усиление защиты его. По его виску стекла капелька пота, но пацан даже не заметил, готовясь к десантному прыжку.

Они рванули внезапно, но я сразу выкинул еще болванку в землю перед ними, так что их разбросало кого куда. Лишь штук десять избежали ударной волны, не упали и покрыли расстояние метров в тридцать в две быстрые секунды.

Джиро уже успел спрыгнуть, включить защиту и захейтить всю эту шоблу. Очень вовремя, потому что эти твари лезть на вал и башенку не собирались. Големы магический залп молниями готовили со средней дистанции.

Всё вошло в Джиро, сразу уронив его фрейм здоровья наполовину. «Нас бы убило», — как-то отстранённо подумал я, выкидывая свой хил в танка и ураган на чудищ. Големов забросало тьмой, водой, и огнём, но дамажило жиденько. Они по-прежнему, упрямо стояли под башней и били в Джиро, на которого я сливал свою ману, стараясь побыстрее полностью восстановить здоровье. В главного, неспешно подплывающего за своей бандой ближе, я торопливо кинул свой марш, но впервые он не прошел. А инициативу отдавать ему точно нельзя.

— Вер, быстрее ко мне с Аяксом! — крикнул я нашей младшенькой.

Она возникла рядом, уже спустя долгих две секунды. Джиро в это время удачно сбил каст у пещерного главаря индивидуальным умением «Бросок духа», который у него появился недавно с очередным уровнем. Я на него даже внимание не обратил, заклинание на одну цель, в описании «проекция боевого духа смущает противника, заставляя на секунду обратить на себя внимание», а тут вот оно что: сбивающее каст умение.

Но, потерпев неудачу, монстропринц даже не поморщился и принялся за новую пакость. Он, в отличие от остальных, точно знал кого первым по ветру развеивать.

— Трави Аякса на эту блестяшку и живо марш назад! — приказал ей, судорожно кидая копьё тьмы в недопринца пещерного. Конечно же без толку, но всё остальное было в откате.

— Яксик, помоги нам с главным! — попросила она и шустро ушуршала подальше от нас, успев на прощание выкинуть дрожь земли. Главное монстровидло вытянуло руку с посохом и с него сорвалась зигзагообразная молния. В мгновение ока, достигла нас, и команде крупно повезло, потому что попало она со вспышкой прямиком в Аякса, вставшего на зубец и готовившегося спрыгнуть. Элементалья сбило со стены, он полетел вниз, хотя мгновенно извернулся и упал уже как заправский котяра на четыре конечности. Далее, цепь молний сверкнула вспышкой в Каю, и она бессильно поникла, сползая по стене, в Суру ударило второй. Её развернуло и уронило на пол. Рису впечатало в спину, и она лицом налетела на стену. Аишу, успевшую выставить вперед, бабулькину магическую палочку, включая заморозку, не уронило, но затрясло так, что она скукожилась, падая на колени. Последним попало в меня и миллионы искр вспыхнуло перед глазами. Сквозь эти искры и накатившую слабость, я моментально кинул массовое лечение. Стало полегче.

«У меня легкая электротравма, — машинально думал я, закидывая скрывающее нас вуаль тьмы и чекая иконки потери сознания у всех, кроме принцессы, краем глаза, замечая,

как Аякс, хватает главную тварину поперек туловища и с прогибом обрушивает на поле, — у Аиши от легкой до средней, у остальных средние. Возможно у кого-то остановка сердца. Принцесса — молодец, сообразила, что лёд замедлит течение тока. Мне повезло с серьгой. У нас есть две минуты, у Джиро одна.»

— Аиша, закидывай големов заклинаниями, — скомандовал ей.

Сам кинулся к Рисе и проверил пульс. Дышит, ок. Уложил Каю набок, проверил язык, пульс — его не было. Побрызгал целебным настоем на Суру, та пришла в себя и застонала.

— Слышишь меня? — жестко спросил, не прекращая орошать её лицо раствором королевской Аквилегии и Ррея, — соберись и помоги Аише. Бутылку возьми и пей.

Сунул ей в руки настой, перешел к Кае. Побрызгал из второй бутылки. Принялся за непрямой массаж сердца: по схем 30+2. Тридцать нажатий, два вдоха в рот. В себя она пришла быстро. Вот только первые её слова меня удивили.

— Ты кто? — спросила она меня, пытаюсь слабо отстраниться.

Ничего не отвечая, я кинулся к Рисе. Живая и ладно, если что забыла, так тактильные ласки с повторением искусственного дыхания рот в рот, быстро ей напомнят кто я.

Риса без сознания, дергала ногой и выглядела не вполне здоровой.

С ней я повторил те же операции, что и с Каей. Хотя задело её третьей в цепочке пострадавших, в себя она приходила дольше.

— Сиди с ней, — обратился к Кае, — давай попить воды. Сунул ей бутылку с целебным, противошоковым настоем и вернулся дамажить.

Аякс затапывал кристаллопринца: оседлав его сверху, он монотонно впечатывал свой лоб ему в харю. Но результат, несмотря на радужную картину видимого доминирования, складывался не в его пользу. После удара молнией элементаль потерял половину здоровья, во время схватки еще треть, его фрейм горел красным, и похоже он начинал выдыхаться. А недопринц то левой, то правой рукой с зажатым посохом, отмахиваясь в Аякса, наносил ощутимый урон.

Аиша с Сурой выкидывали заклы, так что и земля, и воздух под кристаллическими чудищами то горел, то шипел, покрываясь коркой льда, но те по-прежнему закидывали магией Джиро, у которого уже отходило отражение, не особо обращая внимания на еле проходящий урон.

— Риса, ты как? — обратился я к девочке. Выглядела она с разбитым носом и двумя наливавшимися фингалами под глазами, как чудом выжившая жертва автокатастрофы.

— Хреново, голова кружится, дядя Джерк, — призналась она.

— Соберись, через три секунды тебе, кровь из носа, вытаскивать Джиро! — приказал я. Хотя по её виду, вторая кровь из носу, девчонку добьет окончательно.

Сам я выскочил на зубец башенки, примерился и несмотря на отчаянное «ты куда!?» от Аиши спрыгнул на вал. Куда-куда, спасти элементалья, хил на средних дистанциях только действует, а элементаль и принц в пылу схватки уже откатились дальше моей дистанции заклинания.

Не удержался, нога поехала, боль пронзила короткую мышцу, дошла, пронзив ледяным штырем виски, но я уже массхильнул, прихрамывая, отбежал в сторону, поближе к Аяксу, вкинул в него своё лечение, раз-второй, выхватил рельсотрон и втащил с «Посоха Рианны» всей этой сволочи сбоку, как только Джиро исчез в захвате воздуха от Рисы.

Когда дым, остатки пыли, осколков и другого мусора сошли, я увидел пустое поле. Аякс метрах в трех от меня всё так же боролся с кристаллическим уродцем. Устало отхролав от

них метров на десять, я присел прямо на землю. Сняв сапог, я наложил руки и стал прогонять «Избранное лечение» по ноге нон-стопом. Для лечения себя у хилеров было свое узкоспециализированное заклинание: стоило меньше, было эффективнее.

— Ты как там, Джерк? — крикнула озабоченно Кая со стены.

Аха, сразу пришла в себя, как я средневекового паркурщика изобразил. Вид спрыгивающего со стены и удаляющегося от тебя любимого мужчины быстро приводит в чувство любую девчулю, даже с тяжелыми травмами!

Я устало помахал ей рукой и послал воздушный чмок. Малость притомил меня этот бой. Если бы не Аякс впереди, цепь молний сожгла бы всех. Даже меня с серьгой на магзащиту, последним ударом, встряхнуло так, что я все зубы почувствовал в отдельности. Срочно нужно дофига амулетов и бижутерии на магическую защиту. Да я даже на правое ухо сережку натяну, если защиту даст.

Я посидел минуты три на поле, безучастно смотря как Аякс изображает питбуля, вцепившегося в медведя.

Земляной чувак — конкретный спаситель всего нашего отряда. Заземлил на себя молнию, вобрав большинство урона. Даже с его резистами, половина здоровья исчезла. А хепешечки у него больше чем у всего отряда.

Встав, я похилил еще раз Аякса и позвал Джиро. В данный момент Аякс приобнял сзади Кристаллического Пещерного Принца с удушающим захватом его головы. Захват этот, если я ничего не путаю, назывался у нас гильотина или Хадака Дзиме у суровых раскосых людей восточнее. Аякс его творчески переработал, раскачивая голову кристопринца влево-вправо, помогая себе предплечьем. Пытался оторвать или открутить голову. Урона наносил немного, но самое главное — контролил.

В захвате тот ничего скастовать не мог, потому бессильно скрипел, сквернословил и брыкался.

— Джиро, давай ему ногу пока отпили, — сказал я нашему танчику. — Сейчас у меня мой «марш» откатит, и пока он лежит, я ему такие муки обещаю за то, что он нас чуть не убил, что понимай он нашу речь, моментально бы попытался самоубиться.

Джиро со всем пылом юности и, не задетого молниями организма, принялся за дело.

Аиша сверху было вознамерилась прийти к нам, оповестив меня коротким «я к вам», но я так на неё рявкнул, что она впервые на моей памяти испугалась. Даже отпрыгнула и некоторое время принцессу не видно было.

Я же кастанул на пещерного придурка свой марш и с глубоким удовлетворением заметил его вытарашенные алмазные глаза. Принца стало корежить, попытки сопротивления он бросил и просто, лежал, содрогаясь от настигших его ощущений. Конечности его не стали выгибаться, как у других големов, видимо, резисты даже в такой ситуации глушили судороги. Но думаю легче ему не стало. Голову откручивают, ногу мечом отпиливают, внутри кристаллического организма что-то нехорошее происходит.

Я пошарился в инвентаре и достал выпавшее со стальных големов, вполне себе приличное копьё, с увеличенной атакой на десять. Наступил ему на правую кисть, где был зажат посох, фиксируя. Примерился, хекнул опуская, и вонзил в локтевой изгиб. То есть попытался вонзить, от него крошка откололась, а копьё отскочило. Не унывая, я повторил прием раз тридцать, пока у него не появилась там трещина. В эту трещину я вогнал копьё и стал раскачивать мерно вперед-назад. Джиро уже практически отломал ногу и сейчас прыгал на неё, пытаясь окончательно вырвать из тела.

Минуты через три Джиро доломал ногу, лишив всех шансов на побег противника и присоединился ко мне. Вдвоем мы ему руку с посохом отломали живо, хотя, лишившись действия «марша», принц всячески дергал и пытался елозить рукой по земле. Вот тогда я прокричал девчулям, чтобы Верлита башню с валом развеяла и те, кто хочет на монстровидлу взглянуть, могут подойти поближе.

Они все к нам приковыляли, разной степени бледности и побитости. Зрелище грустное, но невозможное. Очарование ему придавала Верлита, бегавшая вокруг них, с сочувственным кудхтанием разной степени глупости.

Кая, по доврачебной помощи, лучшая была среди авантюристов: сделала для Рисы перевязку из рукава своей камуфляжной рубашки. Ведь холодный компресс — обязательная вещь для человека с сотрясением мозга. Аиша водичкой со льдом полила перевязку, и Саитана, с гордым челом и фингалами, освещала путь этой трагикомической группе акробатов бродячего цирка. И всё бы хорошо, но зеленая чалма на Рисе смотрелась не аутентично.

— Катка конечно не совсем изи была, — сказал я Рисе, — но мы же вроде за контр-террористов в данж заходили?

Они из моих шуток ничего не понимают, больше по тону и контексту ориентируются. Хотя постоянно по мелочи слова незнакомые выпрашивают, когда я дома расслабляюсь. Вот и Риса степень своей важности оценила, подыграть догадалась, драматично упав на мои ручки с возгласом: «ой, держите меня, контр-террорист умирает!»

— Коллега, — сдул я пару волосинок, что предательски вылезли из-под чалмы и упали ей на хитрый карий глазик, — скажите, может какой-нибудь подарок остановит ваше вымирание?

Она хитро воззрилась на меня, наслаждаясь своей исключительностью, пока Кая и Аиша с завистью смотрели на нашу скульптурную композицию «Батя-фермер уговаривает свою дочку-художницу не раскрашивать семейную корову в нежно-розовые цвета».

— Манекен для отработки магических заклинаний в дом? — предположила она, — успею я порыв ветра выдать «Цепь молний» от босса нас не задела бы.

Очень сомневаюсь, каст кристопринца был мгновенный. Аиша успела с заморозкой только самой последней, мне вообще нечего было успевать, только массхил и кинул.

— Обещаю механическую игрушку, на которой ты сможешь кататься, — посулил я, — манекены только в специальных местах работают, за их пределами быстро деформируются. Домик наш рушить не позволю даже в благих целях. А против мгновенных заклинаний работают на упреждение, такие у монстров еще реже чем у людей встречаются, тем более на длинной дистанции.

Кристалльный Принц выдал свою цепь молний на дальности, которой от него никто не ждал, застав нас врасплох. И кто его еще знает, что он для нас прежде всего приготовил, если бы Джиро не сбил первый каст.

Надо над боем поразмышлять в тишине. А Рисе с Верлитой сделаю самокат и пусть всем жителям Самура придется несладко. Сам то я от детишек отдохну.

— Я летать умею, зачем мне кататься? — набила цену Риса, и мне пришлось пообещать впридачу гору вкусняшек. Да раз плюнуть, все свои калории они всё равно сожгут на занятиях.

Я предложил всем желающим принять участие в развинчивании\ощипывании\раскалывании босса на кусочки, и они с радостью

присоединились к Джиро.

Мы корпели над боссом еще минут десять, совместно быстро раскроша его на маленькие и не очень кристаллы. Кая радостно выковырнула у него алмазный глаз фальшионом и бешено вращая хвостиком, сделала пару бесовских движений, похожих на шафл-танец, с воздетым сверху в руке крупным алмазом. Это всем энтузиазма ощутило прибавило и совсем скоро выскочила табличка «Кристаллический Пещерный Принц повержен. Шахты возвращаются в собственность Шайна!»

Сообщение было окружное, но до короля уже завтра дойдет. Вот так: в семь лет мечтаешь стать космонавтом, в пятнадцать о девочке из соседнего подъезда, в тридцать просто не сдохнуть на работе.

А в исекае просто делаешь свою страну снова великой.

* Борис «Хрен Попадешь»: персонаж культового фильма «Большой куш» от Гая Ричи.

Сразу, как только мы покروшили принца подземелья, будто голодные дети песочное печенье, я выдвинулся вглубь пещеры и приложил ладонь к Кристаллу големов, белёсой здоровой двухметровой глыбе, разрушая эту обитель ресурсоедов. Даже на выпавшие вещи не смотрел, первым делом обеспечить безопасность. Девчули там что-то взвизгивали, копаясь в останках монстропринца, но Джерк не такой. Он в детстве фильмов насмотрелся, где какая-нибудь живучая падла обязательно вылезет и хэппи-энд испортит.

А нет крестража пещеры — нет ожившей падлы.

Между прочим, табличка у меня выскочила двойная: «Разрушить кристалл големов» и «Забрать кристалл големов».

То есть можно его забрать, а потом высадить как редиску на огороде — призадумался я. Дело очень удобное для диверсионной войны. Этак забрел во враждебное королевство, повыкидывал везде, где смог, в укромных уголках кристаллов, а через неделю там Нашествие, хаос и разруха.

Релокация монстров на континенте.

С другой стороны, что я сволота последняя так жителей обычных мучить? А с третьей, можно к оркам кристаллов набросать, антагонистов чего жалеть? Они всё равно не успокоятся, пока всех человеков не сожрут.

Потому сгоряча кристалл разрушать я не стал. Конечно, вместо империи орков получить Кристальный Рейх ни разу не хотелось. Но ежели умеючи, с постоянными чистками, резервацию создать с активом из кристаллового, каменного, металлического и его сплавов луга — это какая выгода получается.

Хотя у нашего КОМа, кавайного отряда монстроубийц, цель — убить всех монстров. Не предаю ли я идеалы нашего шведского сестробратства?

Тяжелые думы овладели моей головушкой. Весь изгорюнившись, я повесил нос. Королём даже еще не стал, а столько судьбоносных решений принимать приходится. Это вовсе не помешало мне рыться в «Великом сундуке сокровищ», обнаруженным сразу за кристаллом големов.

Крестраж големов я убрал в инвентарь, сам перебирал всякие драгоценные камушки, необычные кристаллы, оценивал два «Кольца защиты от стихий», «Серповидный Клинок Теней», иглу кощееву, то есть, метательный дротик Кристаллического Принца, масштабируемый, начальным размером в пишущую ручку, возвращающийся после броска к хозяину, с откатом в минуту — очень приличная вещь, вот Кая возрадуется прибывшему арсеналу. Была там «Изящная Шляпа волшебницы», вещь, несмотря на название унылая и не современная, но откаты заклинаний уменьшает на тридцать процентов. Самому носить что ли? «Сабатоны пылкого воина» — это для Джиро, повышают ранг выбранного умения, реально самая крутая вещь из всех. «Цепочка сопротивления стихиям», очень нужная вещица, респектабельный набор швеи, раритетный набор кузнеца, да много чего по приятной мелочи.

— Вид у тебя, словно решил траур по принцу соблюсти, — сказала подошедшая Кая.

Я недоуменно посмотрел на неё, но быстро спохватился:

— Неожиданно найденный клад превращает пошлое осквернение могил в утончённую тризну! Я просто делю на всех праздничные наборы!

— Сильное было чудище, — с уважением оценила коллегу по титулу Аиша.

— Широко монстр шагал, — согласился я, — вовремя мы ему ноги оторвали. Что там с него выпало?

Они огласили весь список: кроме тысячи золотых и самого посоха, гордо именуемым «Сапфировый Посох Стихии Воздуха, улучшает мастерство владения стихией на тридцать процентов. Атака +15», здоровых красных алмазных глаз пещеропринца, что мне система показала, как «потенциальные артефакты, изменяющие предметы экипировки и оружия», нашлось «мощное Ядро Кристального Принца». Которое «встроенное в преобразователь, отдаёт накопленную энергию». Спасибо, всё понятно, ушел строить ГЭС на Эрайне. Нет.

Самокат для Рисы надо сначала выдать.

— Держи клинок и дротик, — порадовал я Каю, передавая вещи. — Клинок на невидимость заточен, увеличивает действие стелса на 20 %. Очень неплохо и атака больше твоего простенького фальшиона. В описание к нему, его дайсё набора тени называют, так что не исключено, где-то в мире его близнец завалялся. Найдем второй, будет один из лучших наборов в королевстве. Дротик просто на меткость, зато к хозяину возвращается. Такой медленный, зато убойный лук с бесконечными стрелами получился.

Лисодевочка затрепетала, приняла обновку, примерила и поскакала, размахивать ножичком, пробуя баланс.

— Аиша, — обратился я к нашей доминантной серебровласке, — у меня для тебя вещь, которая будет будить во мне смешные ассоциации и постоянные просьбы типа «Шляпу сними». Ты не слушай и носи на здоровье.

Она приняла шляпу с достоинством, надела, довольно улыбнулась ощущению возросшей мощи, посмотрела на меня.

— А какой ты бы хотел её видеть? — неожиданно спросила она.

Я подумал, глянул на неё оценивающе. С такой шляпой можно стать героиней вполне себе взрослой сказки.

— А и правда, отдадим Камии, пусть перешьет, — придумалось мне, — тут же набор для неё как раз. Заодно может улучшить: цепочку сопротивления присобачим с медальоном защиты над козырьком. Будешь магов танковать с надписью на бейсболке «Заливка в world'e».

— Воолд, — протянула она и хитро прищурилась — на языке Создателей это про весь мир? Неужто я такая сильная?

И весь её, полный достоинства вид, сейчас прямо кричал: «Да! Да! Назови меня супергерлой!»

— Сила в ответственности, — сказал я твёрдо, — вот воспитаешь пятерых детей, на трёх работах, тогда и поговорим. Посмотри на Каю, каких магинь вынянчила уже? Одна Джиро спасает по откату, другая пореже, но зато сразу всех выручила своим элементом! Кая взрослая не по годам, серьезная и надежная!

Я повернулся к «взрослой и ответственной» и немного ошалел.

Она висела, зацепившись ногами на глыбе кристалла, вниз головой и поднося к глазам красные алмазные глаза принца, корчила страшные рожицы для Рисы и Верлиты. Рядом стояла Сура и кисло улыбалась, чисто как девчуля, последняя в очереди к биотуалету, где-то на фесте.

— Жизнь — это мольберт, — выдал я, придумывая подходящую цитату, — и рисовать на нём надо кисточками любви и разума. Вот чему учит нас история Каи Аисаки, едва не

погибшей пять минут назад от цепи молний, но честно исполняющей свой долг нянечки в гильдии авантюристов, несмотря на ранение!

— А я сочная акварель на этом мольберте! — самопрезентовала Аиша свои мнимые достоинства.

— Галадриэль, ты наглая! — разозлился я, хотя больше в шутку, — по рельефу ты ближе к мольберту, а если рядом с тобой здорового Альберта поставить — полное совпадение. А ну, марш бегом уже ко всем.

Некий мыслительный процесс отразился на её лице: моль в этом мире была, но вот в Альбертах я не был уверен. Шанс на сокрытие шутки был довольно велик, тем более, моя рука — властно и нежно, приобнявшая принцессу за плечо, указывая направление движения — ход мыслей принцесски переключил на другое.

— Вы, девушки, такие классные, — сказал я им, подойдя, — словно все песни про любовь сразу. Но может потихоньку начнем выбирать к свету? Нас ждут горячая ванная и королевская любовь. С хорошим поведением можно будет в последнем предложении прилагательные, со временем, менять местами, обещаю!

Наша боевая группа выбралась на поверхность навстречу славе, жителям и королевской охране, нервно переминающейся с ноги на ногу. Устали уже за принцессу бояться, бдить и выстраивать посты, оцепления.

— Вольно уже, Твентин Карантино, — пошутил я над Ниром Грегорном.

— Дорогие жители! — подпустив профессиональные нотки тренера по мотивации в голос, обратился я к своим самурцам. — Дракон повержен, победный танец на его костях сплясан, тело его осыпалось пеплом и шахты отныне открыты для добычи. Профессии и работы, требующиеся для открытой сегодня горно-рудной компании Самура, будут озвучены завтра городским выкрикалкой. Ура — принцессе, доблестно сразившей крылато-клыкастую тварь!

Мы поорали вместе с ними, а потом Вельг пронизательно спросил кто это за моей спиной стоит весь из себя черный. Я обернулся: Аякс скромно держался сзади, не выпуская Рису и Верлиту из лапок. Рисе идти было противопоказано, это мной сразу было озвучено, а Верлиту на руки элементалю уселась за компанию. Так он их и донес до выхода на поверхность.

Элементалей не видели давным-давно. Даже если читали описание в манускриптах — Аякс с прокачанным вызовом Верлиты, выглядел вполне человечно. Более человечно, чем многие могли бы похвастать даже на современной Земле. Высоковат только по меркам средневековых жителей. Одет был в вполне нормальные одёжи, выпавшие из стальных големов на третьем уровне. Кираса, штаны, наголенники, — все, что не жалко было, мы на него нацепили, еще перед боем с Кристалльным Принцем.

— Друзья, — гордо проинформировал я жителей, — это Аякс, бывший пленник Дракона, разумный из племени афроэльфов, что могут становиться невидимыми. В знак благодарности к принцессе и нашему королевству, он поклялся вечно служить жителям Самура. С этого дня он поступает на службу в нашу городскую стражу. Ночами и светлыми днями он будет следить за порядком и благоустройством города. Не подведите город недостойными выходками. Сейчас он покажет своё умение скрытности.

Я подшагнул и снял с него Рису. Аякс растаял через секунду вместе с амуницией, в этом ничего удивительного, таймеры бафов и вызова элементалей — мне все эффекты своих мемберов группы были видны.

Пораженный народ пошатнулся, огляделся, ощупал друг друга взглядами и убедился, что афрозэльф не возник у кого за спиной.

— Оформим Аякса по удвоенной ставке? — деловито спросил Вельг.

— Нет, — отказался я, — он богат любовью к городу.

Распрощался с Вельгом, у него в отличие от меня дел намного больше, команда уселась в карету и я бодро попросил «поддать газу» до дома, по пути высадив Суру у гильдии. Походу там намечается пьянка в честь новой богини Огня.

У своего особняка я обнаружил каменщиков, рывших котлован под красивый фонтанчик и запас воды. Земля опять намокла, раскисла: бивший невысокой струей, но неутомимый гейзер, делал свое дело.

«Этак отводить воду придется к соседям», — благодушно подумал и отпустил всю бригаду. Всё равно Верлита, завтра с ними доделает большую часть работы сама.

Шахты мы воевали часа три с перерывом, хотя по ощущениям все прямо постарели года на три. Эйфория и отходняк после «Королевской битвы» прошел минут за десять, в карете все окончательно расслабились, поверив, что выжили после такого ужаса. Потому к дверям дома подъехала карета с желеобразным содержимым.

Рису я вынес на руках, она довольно и расслабленно сопела, собираясь заснуть. Камия Тайлид была на своей работе в гильдии ткачей, поэтому Верлите я сказал никуда не ходить и ждать мамку у нас. Кая тоже, выплеснув эмоции после обновок и пережитого страха, выглядела довольно сонной. Аиша... принцесса, как всегда, была невозмутима на людях, а наедине бойким бесенком с вопросами, рациональными предложениями по типу: «а давай, воткнем глазик принца в клинок Каи и посмотрим, что выйдет?»

Джиро тоже выглядел вообще не уставшим, хотя часа два только и рубил своей мечугой здоровых тварей из камня и металла, отмахивался и блочил удары, ни разу не легким щитом с вампиризмом. Бесплезным против созданий без крови.

«Это стресс и травмы от тока», — угодливо прошептал внутренний голос, — «сейчас было бы так приятно растянуться на мягкой постельке вместе с девчулями...»

«Маньячила меня доискушает, однажды превращу этот внутренний голос в посторонний», — угрожающе подумал я в его сторону, и он сник.

— Джиро, можешь отдохнуть до завтра, — разрешил я адъютанту, — пойдешь в таверну, не напивайся.

— Да я не пью, — порозовел он щечками.

— Будто тебя кто спрашивать будет, — откликнулся я, — город спасал — спасал, сегодня все наливать будут. И девки клеиться! Так что ты там маленьких Джиро не заделай по глупости.

— Да мне же только тринадцать, — непонятливо сказал он, прибавив в излучении электромагнитной волны лицом, пару десятков нанометров.

— Тринадцать — передразнил я его, — девушки в Самуре не страдают суевериями. Иди уже и купи себе домик что ли. Не в казарме же тебе теперь жить — расспросами замучают.

Кая сразу прикорнула на диванчике, её я перетащил после Рисы наверх. Когда вернулся, Верлита бойко орудовала в кухонной зоне вместе с принцессой, чему я непомерно удивился.

Неужто Аиша готовить умеет? Люблю отважных экспериментаторш только на экранах, в жизни пробовать их стряпню на себе страшновато.

— Я сырные палочки сделаю, — заметила, оборачиваясь Аиша. Надев на себя фартучек, принцесса выглядела мило, по-домашнему и... небывало женственно. — Потом с Верлитой

курицу с картошкой потушим в печи.

Подойдя к ней, я приложил тыльную сторону ладони к её лбу.

— Ну ты чего? — заскромничала она. — Сыр натереть, добавить муку, яйцо, обжарить — ничего сложного, мамкин рецепт фирменный. Она тоже, бывает, папку сама балует, ему очень нравится.

— После удара током ты стала другим человеком, — резюмировал я, — в топку ремень, нам пригодятся новые методы воспитания!

Аиша скривила обиженно губки.

— Не умеешь ты ухаживать за принцессами.

— Жизнь меня к такому не готовила, — согласился я. — но, если освоишь искусство оборщения, я напишу в твою честь песню. На языке Создателя, сбежавшего в Гродалию.

Аиша подумала секунды две, взмахнула густыми ресничками.

— А забились! — безрассудно выдала она, протягивая нежную ладошку. Общение с Каей слегка разбавило её речь авантюризмами.

Я задержал её ладошку в руках, поцеловал нежно, приподняв до уровня своей головы. Старания всегда заслуживают поощрения. Так не то что принцессу — крокодила можно простым фокусам выучить.

— Это... очень... необычно, — сказала принцесса хрипловато, — знаешь, я вообще не люблю чужие прикосновения. Тем более, когда они начинаются с откидывания в сторону. Но твои губы сейчас на моей руке...

— Это были не губы, — шепнул, обнимая её, в розовое ушко, — это тепло наших сердец и так моя душа говорит спасибо, что ты можешь меняться, вопреки своему титулу, навязанным нормам и традициям. Ты никогда не пожалеешь о своём решении. Обещаю.

Я цапнул её ушко и был таков, сменив диспозицию на диванную перед камином. Борщить с таким не надо и вообще, тут дитёнок над кастрюлей пыхтит. Пусть старательная спина няшки-земляшки не выдавала никаких реакций на мои слова — а это невозможно, не будь она так увлечена курицей, но объяснить Верлите о качественном наложении на принцессу теорий мотивации от Джона Адамса и Эдвина Локка не получится.

«Я тоже хочу знаний, дядя Джерк, наложи на меня», — заявит она мне и подставит свое ухо. Дети они непосредственны в своей невинности. Что характерно, будет абсолютно права, в полном соответствии с той же теорией справедливости Адамса.

Так что я сбежал на диван перед камином, закинул ноги в тапках на спинку. Надо бы принять душ, но вот чего нет — того нет. В ванной, то есть комнате вроде чуланчика, где омывали руки по традициям Создателей, стояла бадья с водой и был каменный слив. Даже трубы нет, чтобы горячую воду с источника перекачать в бассик. Не делают их в этом времени. Свинцовые трубы Создатели запрещали, до чугуна еще не дошли. В столице подземный и канализационный акведуки проводили маги земли. Наша Верлита тоже может напрямую подсоединить бассик и источник, как вариант, со сводным туннелированием.

«Да, — решил я, — так и сделаем сегодня же. Заглушку с краником присобачим на конец тоннеля и наполним бассик горячей водой. Пока можно и в бадье ополоснуться: из огня — в прорубь, так вырастают чемпионы!»

Я по-быстрому метнулся в комнату, взял чистое белье, добежал до чуланчика, разделся и подрагивая от касаний воды, сполоснулся из бадьи. Комнатной температуры — это еще терпимо, у горожан и такого счастья нет в виде ванной. Пока нет. Дайте мне пару лет и здесь вырастет урбанизированная столица континента. Если на Джерка Хилла раньше корона не

свалится. Хотя даже так, Самур я не брошу: слишком красивые места и воспоминания уже связывают меня с городом.

Вырвался из чуланчика, натягивая на ходу рубашку, а средневековая как футболка, через голову одевается и сразу наткнулся на Аишу, понять даже ничего не успел, только «бух», она падает, я её пытаюсь подхватить, но притяжение сильнее и утягивает меня вниз на паркет. Привет, анимешкам!

— Ты чего тут на меня напрыгиваешь, как... как...

— Как Марио на гриб, — подсказал, любуясь её точеным личиком. На принца из Персии я не особо похож, так что из всех игр пришлось выбрать про сантехника. Аутентично и ванная рядом.

— Что? Какой гриб! — возмутилась она, лежа, — сейчас же извиняйся за нападение на королевскую особу!

Я извинился один раз, второй. Потом нам понравилось, и мы эту процедуру до отпечатков углеродного следа на паркете проделали. Шутка антиклиматическая, но температура наших тел ученых-климатологов не особо спрашивает.

Под конец я вырвался из её загребущих лапок, использовав секретное заклинание. Звучало оно примерно, как «ой, кажется Риса проснулась!» и в различных вариациях еще ни разу меня не подводило в общении с Каей.

Вот и принцесска шуганулась, а я кувырком-перекатом-короткими прыжками до спасительной кухоньки с Верлитой и шкворчащей курочкой. Там за стол, ладошки соединил, поднял над головой и коварно улыбнулся взъерошенной Аише в дверном проеме.

Джерк в домике, теперь его трогать нельзя!

В дверь осторожно постучали и граф Сентента крутанул ручку на столе, передавая сигнал на свой дверной колокольчик, выведенный наружу, сигнализируя, что охранник за дверью может войти. Сентента Варристер был холемым аристократом, гурманом с заметным пузиком, не любил напрягаться, повышать голос и нервничать с самого детства. Может быть поэтому, Дар к нему не снизошел, и граф оставался в той небольшой части придворных, что обладали титулом или властью, но не магией или воинской энергией.

Потому граф компенсировал силовую немощь развитым мозгом.

Ведь, с другой стороны, зачем тебе магия, если мага можно купить или уничтожить. А про потных мужчин с холодным оружием Сентента вообще был невысокого мнения. Ну дурень — дурнем. Пока он своей хлебoreзкой размахивает, такие дела прибыльные можно порешать со своими подручными, что подобных мужиков потных — пачками скупать возможность появляется. Но лучше, разумеется балансировать: пачка мужиков в доспехах для солидности и элитный маг, решающий в реальности большинство вопросов с непонятливыми тугодумами.

Вот, как вошедший с докладом, его личный убийца Кэсси Бладан. Тёмный маг двадцать второго уровня с редким заклинанием «Чернение крови». Кэсси оно выпало из книги «Магии Тьмы», выбитой с какой-то нежити в подземельях Роштии. Подробнее Кэсси не рассказывал, а Сентента не слишком заморачивался, за семь лет привыкнув к замкнутости своего мага.

Ну молчит он о деталях получения такого редкого заклинания, так может порешил всех своих коллег из группы за этакую книгу? И боится нанимателю сказать: не жалуют лорды такие предательства. Но сам граф смотрел на мир шире. Есть возможность — забери. Нет — отступи. А преданность мага он себе обеспечил. На Кэсси Бладана у него такие убойные документы лежат: хоть сейчас к королевскому палачу на свидание, плавно перетекающее в горизонтальное положение на пыточном столе.

Куда ему от Сентенты деваться? Только в бега за пределы трех королевств. Но чего ради: сыт, богат и защищен властью главного советника. Уж за своих служивых граф всегда порадеет, ибо не позаботишься ты — позаботятся конкуренты.

Главный королевский советник так свою должность и получил, подставив прежнего обладателя.

— Референдарий, к вам начальник тайной стражи барон Амьен Ферми, — произнес Кэсси Бладан, склонив голову.

Невзрачный, простоватого вида, моложаво выглядевший для своих тридцати, одетый не в магическую мантию, но с коротким мечом справа на боку Кэсси Бладан не вызывал ощущения опасности ни на первый, ни на последующие взгляды.

Воин, вряд ли даже одаренный, судя по умению передвигаться, носить меч или способности хотя бы произвести грозное впечатление — вот что решил бы его противник, доведись ему сойтись в бою с его цепным псом. Не воспринимая противника всерьез, последнее чувство его визави в бою было удивление, когда Кэсси выкидывал из-под широкого рукава камзола магическую палочку, кастуя убойные заклинания.

Пять лет назад, когда граф Сентента завершил свою многоходовую комбинацию, с отъемом незаконно (по его мнению) принадлежащих местному барону соляных копий

деревни Бахняры, на обратном пути на них напал молодой наследник. Да, в ходе комбинации пришлось барончика по-тихому ушатать, его жену обвинить в неуплате соляного налога, организовав следствие и разбирательство — порушить, так сказать, одну шайнскую семью.

Но это же всё во имя родного Шайна! Если он не заберет соляные копи, заберет кто-то другой: желающих пруд пруди. Копи должны достаться самому умному, то есть ему. Это для стабильности королевской власти, своевременной уплаты налога и процветания королевства. Граф ими по-умному управлять будет, а барон всё равно золотые в никуда спустит.

Так вот на обратном пути, после наложения на копи конфискатного определения, графа встретила засада. Напали прямо на постоялом дворе, километрах в пяти от деревни. Причем все постояльцы моментально разбежались, видимо, предупрежденные заранее. В таверну ворвалась дружина молодого наследника и кто знает, как повернулось бы дело если Кэсси, оказавшийся в стороне от входа не успел всех завуалить тьмой, а опомнившаяся охрана не нарезать отряд наследника, вместе с ним самим, на парное мясо.

Довольный граф щедро одарил мага, модернизировал копи, сократил производственные издержки. Договор с королевской стражей и в копиях стали использовать труд заключенных. Налоги граф стал отдавать почти вдвое против прежних трехсот золотых баронских. Король доволен, граф счастлив. Монетки звенят, дела говорят.

А сейчас что будет?

Больше всего Сентента Варристер оплакивал не потерю копий. Тысяча золотых — оглушительная сумма. Но что скажет Шайред Четвертый узнав, что копи приносили втрое больше и граф присваивал, с помощью нехитрых манипуляций, большую часть прибыли незаконно, утаивая от налогов?

Сентента даже не хотел думать, что с ним случится, когда подтасовки обнаружатся. Со двора погонят это даже не беда. За семь лет у графа накопилось столько врагов, что за пределы дворца выйти не успеет — разорвут сволочи. Да и никуда его не погонят, король его просто Аише отдаст на заклинания. Эта стерва со стылыми глазами его на льдинки порешит. Девка — конченная ненормальная, вся в свою прабабушку.

Надо что-то решать: тайно нанять магов, взрывая копи вместе с заключенными и документами, скрывая настоящие мощности или...

Об этом «или» граф Сентента запретил себе даже задумываться пока он на службе, но приход начальника тайной стражи может внести коррективы. По шапке-то ему надавали как бы не больше чем графу. Крамолу прозевал, нападение на принцессу допустил. За созданием банды из стражников Самура не уследил — какой из него начальник стражи?

«Говенный», — решил про себя Сентента, — «так что они в одной лодке сегодня.»

— Пусть проходит, Кэсси, не заставляй нашего друга ждать, — напоказ громко, сказал он своему приспешнику.

Вошедшего барона Амьена Ферми встретила широкая, уверенная улыбка главного королевского советника.

— Мой друг, — дружелюбно раскинул открытые ладони в его сторону граф, — какое дело привело вас ко мне сегодня?

— Ты слишком весел, — холодно сказал тот, бесцеремонно, не обращая внимания на этикет, усаживаясь без приглашения на стул. — для потерявшего тысячу золотых за пару минут разговора с его величеством.

— Его величество строг, но милостив, — продолжал играть роль записного душечки Сентента, — прощения короля дороже презренного металла.

Барон Ферми продолжал смотреть на него взглядом человека, узнавшего в случайном прохожем типа, наблевавшего у него под балконом особняка.

— Нападение на принцессу полностью твой косяк, — продолжал он гнуть свою линию, — Гортама Затарийского поставили наместником в Самур с твоей подачи. И это после того, как тайная стража вскрыла его мздоимство с иностранных купцов в Васовере.

Тыканье барона неимоверно раздражала графа Сентенту. Вроде барон, а по поведению типичное быдло с подворотни. Хотя граф понимал, что это не больше чем психологический прием для выведения из себя собеседника. Ха, не на того напал.

— Я предоставил три кандидатуры королевскому совету, — обезоруживающе прямо сказал Сентента, — помнится, мой милый барон, был одним из тех, кто одобрил Гортама Затарийского.

«Милый барон» в свою очередь скривился будто, увидел в утреннем блюде вместо запеканки из омлета с тедребадским сыром — рыбу червя из северного королевства. О, Сентента знал о маленьких фобиях всех придворных, служба такая. А шутка, которую он разыграл с помощью своей «постельничей свиты», подсунув идею разыграть барона одному из молодых придворных была так хороша, что король упал со смеха, узрев скошенную морду своего начальника тайной стражи. Да и остальные веселились, больше всех молодой придворный. Правда через пару недель его отправили на границу, где он пропал без вести.

Но вряд ли барон догадывался, кто инициатор шутки. Девушка, через которую придворному внушили мысль «как будет весело разыграть рыбой, похожей на член, одного барона» — тоже куда-то пропала. Сентента в общем точно знал, что не пропала, а исчезла навсегда, но спрашивать у Кэсси, что он с ней сделал и где закопал, было ниже его достоинства. Растворилась без осадка в кипящем котле интриг королевского двора и ладно. А Сентента, между тем, пользуясь хорошим настроением короля важную бумаженцию подписал.

Так вот, барон Ферми не любил таких рыб. И сюсюканий не любил. Сейчас бы сожрать рыбу червя с зеленым перчиком прямо перед его глазами, дружески рассыпаясь в благословиях барону — как скоро Ферми из его кабинета на носилках с сердечным приступом вынесут?

Мечты, мечты...

— Я не голосовал за Гортама, — разозлился барон, — согласился с твоим мнением. Вижу, очень зря!

— Ничего уже не исправить, — почти искренне вздохнул Сентента. Ну да, вернись он на год назад, выкинул бы из кабинета Гортама вместе с его пятьюстами золотыми вон. Хотя нет, можно было взять, а через полгодика подставить Гортама под монстра или набег дикарей. Это же край королевства — чего там только может не случиться.

Барон посопел, покривился, побуравил главного королевского советника взглядом.

Сентента между тем раздумывал, чего ради, барон приперся к нему с нелепыми обвинениями. Вызвать чувство вины — пфф, что за глупости. Он конечно туповат, но не до такой степени. Его на должность не за мозги взяли. Барон предан королю как пёс. У него большая семья. Большая семья...

А с чего он взял, что преданность постоянное чувство? Преданность — заслуга двоих. Барона взяли на службу еще лет пятнадцать назад простым тайнократосом, то бишь

помощником начальника тайной стражи. С тех пор у барона выросло шесть спиногрызов.

Неужто ему приказали готовиться к сдаче поста? А ведь барон мечтал послать старшего в северо-восточную Академию магии.

Сентента по-новому взглянул на барона. Без должности он простой барон. Да, на такой пост немного претендентов. Начальник тайной стражи — для многих аристократов зашквар. Но возможностей урвать свой кусок пирога немало. Вряд ли Ферми хочет этой возможности лишиться. Если немилость короля падет на него — его преданность рассеется как туман под лучами солнца. А сколько погорельцев бросаются в пламя, чтобы избежать дыма?

— Тебе тоже недолго осталось, — сказал Ферми, будто прочитав его мысли. — Думаешь, король простит тебя за тысячу золотых? Через год королева захочет шелка деревни Краснолуговка и подобьет короля. Через два отнимут что-нибудь еще. Ты свиная кайсака, у которой сцедят весь яд, прожарят до косточек, нарубят на кольца и продадут под закуску для пива. Стругать тебя будут потихоньку, чтобы не опомнился, но финал одинаков. Ведь глядя на тебя Шайред или Найзария всегда будут видеть лицо человека, который чуть не погубил их дочь.

Он все же вывел Сентенту из себя.

Граф моргнул, скрывая искру ненависти в глазах. Мысль о том, что его будут доить теперь всё время, он уже рассмотрел в голове, трезво оценив временной ресурс в пять лет. Королева не глупа и расчетлива. Граф пока еще богат. Это значит только одно: действовать надо решительно и быстро, пока возможности есть. Но Ферми знать об этом необязательно.

— Король дал — король взял, — Сентента даже сумел улыбнуться ему в баронскую морду.

— Так у тебя две магопачки и три воинских, — сказал, наслаждаясь его гримасами, Ферми, — долго они тебе служить будут без денег? А потом графа Сентенту на малюсенькие сенты порвут. Если её высочество на тебе, то же самое заклинание не испытает, что на Текене Кладдене.

Эта сука знала куда бить. Граф стиснул зубы, чтобы те не застучали. Маленьким ребенком Аиша ему даже нравилась. Этот невинный взгляд больших синих глаз, воздушные платица, никаких истеричных визгов и беганий по королевским коридорам — принцесса любила книжки, магию и рисовать. Идеальный ребенок. Жаль, что королевский, иначе...

Сентента убедился, что иначе не будет, когда увидел застывающего живописца. Она такое с любым сделает не задумываясь. А свою жизнь граф ценил, как и своего сына, которого раньше всё мечтал поближе познакомить с принцессой.

— Королем после Шайреда будет Шилнагаил, — изобразил преданного дурачка Сентента, — его высочество неплохо ко мне относится. Будет это нескоро, но я попытаюсь дожить до того момента, чтобы поздравить Шилнагаила Второго лично и засвидетельствовать свою преданность.

— А останется чем свидетельствовать? — вкрадчиво спросил Ферми. — Кому ты бедный и убогий нужен будешь?

Секунд пять граф Сентента думал, как было бы здорово разложить барона на пыточном столе. Взять кусачки, порвать ему эту дурацкую лыбу из-под топорщившихся усов, вырвать нос, потыкать специальным раскаленным шилом, чувствуя, как шипит горящая плоть, а барон мычит, извиваясь в зажимах. Весело кричать ему в лицо: «Ну давай, поржем вместе, чего же ты не смеешься? Невесело, сука, истекать кровью, потом и слезами?!»

Да, после цели остаться в большой игре и выжить, следующей надо ставить уборку

барона. Не тот это человек, с которым работать комфортно.

— Всегда можно уйти на работу в отсталую провинцию, — сумел справиться с нервами граф, — поднять её, сделать богатой и прибыльной. Переждать тёмное время и вернуться к королевскому двору с триумфом. А ведь кого-то и в провинцию уже не возьмут.

Барон Ферми покраснел от злости.

Неплохо я его поддел, подумал граф. Талант у барона один: усидчивость и цепкость. Исполнители неплохие, но в целом тайная стража не всемогуща. Эффективность средняя, если оценивать их потому, что ни одного его дело они так и не раскопали. Подозревали, совали нос, мешали. Благодаря подкупленному тайнократосу в рядах стражи, Сентента всегда вовремя уходил из их ловушек.

— Ты же не дуб, — злобно сказал ему Ферми, — мы сейчас в одной лодке. Завтра приём у южнокаталейского посла, притащи туда его высочество. Погуляем, пожрем от пуза, послушаем посла. Говорят, у них там интересные дела разворачиваются. А перед приёмом намекни принцу: иногда луна забирает солнце.

В местной мифологии поговорка о затмении означала непредвиденные, невероятные события. Многие верили, что во время затмения небесное светило выходит из-за луны уже совсем другим объектом. Используя эту аналогию... Неужели Ферми намекает, что вместе принца наследником станет принцесса?

Это сильно всё меняет.

Барон Ферми и граф Сентента с детства боролись за расположение принца. Ферми сделал ставку на учителей, окружающих его высочество. Мастера боя и арифметики у принца: простой тайнократос начинал с малого — дружбы с такими людьми. Сентента тогда еще не был главным советником, но подмечал и анализировал все события вокруг. Граф сделал ставку на человеческие радости: окружение, девушки, приятное вино, гулящие заведения. Казалось, сначала барон выигрывает, но как мудро рассчитал граф — пот тренировок всегда высыхает. И однажды Шилнагаил уперся в свой предел, устал и забил на свое возвышение. Ушел в приятное общество, к смазливим мордашкам, к вечному празднику. Влияние барона Ферми упало, влияние графа на молодого принца сильно выросло. Ведь все любовницы принца были из «постельничей свиты» графа.

— Ты же не хочешь сказать, — прошептал граф пересохшими губами, — что Шайред и Найзария вздумали поменять очередь наследования?

— Принц — бездарь, — сообщил ему барон, — благодаря тебе и твоим шлюхам. Твоим подсунутым друзьяшкам. Твоему «Саду наслаждений». Что, думал я не знаю кому это увеселительное заведение принадлежит? Думаешь королева ничего не знает о твоих паучьих сетях? Просто она мудрая женщина: соблазны в его возрасте не лечат простыми запретами. Не будь тебя — найдется другой подсовывальщик коротких юбок. Ты хотя бы известная величина, за принца трясешься. Мой курию народного возвышения сегодня временно закрыли, понимаешь почему?

Тайная курия возвышения занималась тем, что негласно пропагандировала светлый образ принца в народе и знати. Литературные собрания, столовая для бездомных, картина известного живописца с принцем, побивающим гноллов, народные гуляния в парке с обязательными выкриками в адрес Шилнагаила — всё вплоть до надписей на стенах домов «Принц за всех — все за принца», было делом рук курии.

В чем тут дело, Сентента догадывался. Закон о престолонаследовании большинства королевств материка, появившийся под влиянием Создателей, не указывал пол ребенка.

Самый одаренный, вот что сказано в нём. В мире, где женщина могла за не то, что за пояс — под плинтус засунуть мужчину, не факт, что правителем станет мужчина.

В разных королевствах действовали по-всякому: наследника объявляли сразу, устраивали состязание среди детей королевской семьи, тянули жребий. В Шайне вот работали изподволь, готовя общественное мнение к провозглашению Шилнагаила. Аишу не рассматривали претенденткой вовсе не потому что любили меньше, скорее наоборот. В работе короля много грязи. Аиша со своими представлениями, прямокой для такого не годилась. Но если у тебя в семье растёт дите, которое ушатывает разных огненных великанов, присоединяет походя новые территории, спасает страну от Нашествия — волей-неволей в самую тупую голову стучат мысли, а кого вообще будет слушать знать и народ? Короля, который бухает или Королеву, которая спасает?

Тут гражданская война в двери может постучаться с разбега. Кому такое надо?

— Почему к послу? — начал тянуть время Сентента, может барон выдаст еще пару новостей из работы своей службы, но Амьен Ферми уже встал со стула.

— Потому что только случайная встреча на приёме не выглядит так, будто мы организуем заговор, — бросил начальник тайной службы ему на прощание.

Он вышел, а по виску Сентенты стекла предательская капля пота.

«Не я это сказал», — пытался оправдать себя граф, но понимал, что на приёме появится. Разумеется, вместе с принцем.

— Работу курии возвышения приостановили, а это серьезное решение, — мягко сказал Сентента принцу. — Совместное, обоих ваших венценосных родителей.

— Почему решили за моей спиной? — вскипел мгновенно Шилнагаил, — за неделю я стал недостоин править королевством?

Главный королевский советник приперся к принцу в личные покои, сразу после визита барона Ферми. Тут не до печенок с вареньем, когда такие дела творятся.

— Возможно решили объявить об этом, когда прибудет принцесса, — лицемерно вздохнул граф.

Кровь бросилась Шилнагаилу в голову. Он не понимал причин такого поступка, не желал, чтобы его сестра стала свидетелем такого позора. Детали выволочки, во многом справедливо устроенной ему Аишей, уже выветрились из головы. Память избирательно подсовывала ему «бездельник и повеса», «разницу между популярным и великим» отчего принц бесился и колотил кулаками по столу, каждый раз при всплывающей в голове картине прощания с Аишей.

Она уехала и словно в насмешку уже отразила Нашествие Муэрто. Как? С двумя взводами королевской охраны? Да его ли это вообще сестра? Забрала его любимую гитару для какого-то авантюриста, деревенского ничтожества, сладкими речами опутавшего сестру паутиной лжи и обмана.

— Уверен ваша сестра любит вас по-прежнему и откажется от первой очереди в престолонаследии, — проговорил Сентента, тщательно наблюдая за лицом Шилнагаила, — конечно, говорят у неё появился какой-то особенный друг в захудалом городишке. Но думаю брат для неё важнее друга. Даже если я ошибаюсь — этого друга можно попросить воздействовать на Аишу. Одарить золотом, вниманием и дружбой.

— Это я буду просить какое-то быдло навозное?! — взбеленился Шилнагаил, — скорее северные королевства станут южными, а мировой океан испарится и обнажит своё дно! Принц не ведет переговоры с мошенниками!

— Дошли слухи, что он весьма хорош как маг, красив как мужчина и искусен поставленным голосом, — подлил бензина в топку ненависти принца главный советник. — Судя по делам на посту королевского наместника основателен и неглуп.

«Семейное это у них что ли», — думал Сентента, глядя на разозленного Шилнагаила, — «Шайред тоже легко ведется на провокации. Просто ему повезло с Найзирией.»

Выждав пока принц проорется, прошипится, пробуйствует, беспомощно взывая к Создателям, граф вкинул версию, что это навозное быдло — протеже северо-восточной Академии Магии под прикрытием.

Суют магоголики свой нос во внутренние дела всех королевств, убеждал советник принца. Секрета в этом никакого не было, но впервые эта секта зашла так далеко. Потому надобно дать им отпор. Вообще не грех грамотных людей спросить о методах борьбы с ними. Вот, например, южнокаталыйский посол у которого приём завтра — весьма сведущ в методах борьбы с ними. Был по юности в походе короля Восьмихолмии Сэлди Хмурого против Академии. Поход закончился относительным успехом: границу небольших владений Академии пересекли быстро, пару стычек выиграла, дошли до крепости расположения магов, а вот там не задалось. Осада, безрезультатные штурмы, потери. Потом в тыл армии

Сэлди Хмурого внезапно зашли орки, пробегавшие мимо с набегом. В итоге изрядно потрепанное войско отступило, взяв мзду с Академии. Сэлди Хмурый вскоре умер от неизвестной болезни. А Эмаден Малурон, южнокаталыйский посол, после похода стал карабкаться по извилистой карьерной лестнице дальше.

— Южная Каталия дрянное королевство, — сказал принцу Сентента, — но даруй Создатели мне право спасти кого-то из этой страны от случившегося на них мора, я выбрал бы Эмадена Малурона. Его светлость учтив, отзывчив и дружелюбен. Всегда поздравит теплым словом с успехом, принесет полезные дары. Ну вы же знаете.

Шилнагаил знал. Пара неплохих мечей, ящичков каталыйского вина, жемчуг для любовницы, накидка из меха каталыйского овцебыка, роскошное седло для его верного Геркулеса. К множеству подарков принц привык, но и посол как-то всегда вовремя успевал одним из первых поздравить его высочество.

Чего принц не знал, так величины даров посла графу Сентенты, зачастую выражающуюся в золотом эквиваленте, монетами. Но такие мелочи ему знать необязательно.

— Кто как не он поможет разоблачить негодяя-магоголика, втершегося в доверие к наивной принцессе? — пафосно провозгласил Сентента, играя на струнах братской любви.

При этом выражение лица принца особой, пламенной любви не выразило. Скорее там была детская обида и ревность.

«Ох, как это хорошо!» — возрадовался про себя граф Сентента, — «Клин гордыни в глупое сердце надо вбивать глубже.»

— Со временем её высочество обязательно поймет на какие жертвы вы шли ради неё, — заверил Сентента Шилнагаила, — истинная мудрость властителя в сотворении добра даже для тех, кто его по своей неразумности отвергает.

— Когда приём? — спросил подбодрившийся принц.

— Завтра, после четвертого деления Бокарины, — ответил Сентента.

Бокаринами единственные часы в Тритикаме, назвали в честь часовщика, соорудившего их на стене королевского дворца.

— Буду готов, — заверил принц и добавил с улыбкой, — если мой гидромех не подведет.

С водяными часами, да вообще со всеми известными часами, такое часто случалось. Точность плюс-минус лапоть, зато красиво изукрашенный циферблат с обнаженной девушкой, вырезанной в драгоценном камне, на поплавке из плавательного пузыря морского слонопотама — клепсидры Шилнагаила были одним из самых дорогих в Шайне.

«Дороже только у короля, — подумал Сентента, — и в моём поместье.» Вслух он сказал, что лично заглянет за его высочеством.

— Тайнократий, но зачем нам ставить на принца вопреки величественной воле? — осмелился задать вопрос барону Ферми его ближайший соратник Анд Лиссел. — Не лучше подождать, когда их величества определятся с престолонаследием. Какая нам разница: про принца, про принцессу выгодные слухи распускать?

О приостановке работы тайной курии Ферми графу Сентенте не соврал. Вот только из пяти человек в курии, троих самых надежных, он предупредил, что для тайной стражи это

будет только видимостью остановки. В данный момент, все трое сидели в его кабинете.

— Да, мы будем работать вопреки воле короля и королевы, — сказал барон, — но король не вечен, надо думать о будущем. Принц Шилнагаил оценит наши старания позже. Вы все знаете принцессу: как думаете, что она скажет про престолонаследие и свою очередь в ней?

— В пекло вашу очередь, я буду убивать монстров! — пискляво спародировал принцессу самый младший из них, тайнократос Кадан Тролин.

Когда все отсмеялись барон Ферми поднял вверх толстый красный палец.

— Всё верно! — внушительно пробасил он, — Аише до фени дворец, все придворные, мишура балов и развлечений. Она — вылитая её прабабка Ариша Шторморожденная. Этой лишь бы чудище какой убить. Ариша верила, что, если всех монстров убить, то на земле воцарится спокойствие и благодать. Наступит Золотая пора разумности. Люди станут добрее, пищи больше, развитие разумных цивилизаций ускорится. Аиша Подавляющая такая же идеалистка. О королевстве не сильно задумывается, о простых людях — тем более. Нашей службе нужно думать обо всем: чтобы не было крамолы, чтобы лорды воровали в меру, людей голодом не морили, чтобы враг завтра у ворот не стоял. И себя забывать не следует. Кто лучше нас со всем этим справится? Шайреду Четвертому пятьдесят три. В шестьдесят все короли уходят — заполучить «проклятие Герогейна» никто не желает. Об этом проклятии мало кто знает даже среди знати, но вы к тайне допущены. И вот перед королевской семьей задача: разбалованный сынок и идеалистка-принцесса. Отпрыск начал попивать, шляется по шляхам, прожигает в удовольствиях жизнь, но кто такого не делал в двадцать? Как поступили бы в семье обычного шана?

— Пригрозили лишить наследства? — осторожно высказал Херак Фомищ, старший тайнократос стражи.

— Да, — согласился барон Ферми, — задери нас всех шнобель Шиноры, если королевская семья смещением очереди не хочет сказать принцу: «Шилнагаил, остепенись сейчас, превозмогай, время еще есть, докажи, что достоин трона!»

— А принц знает подоплеку? — спросил третий тайнократос Аларх Диокин.

— Никто не знает, — взглянул на него Амьен Ферми, — и никто не должен знать. Но напялить на себя корону Аиша не позволит. Исходите из самого очевидного. Да она просто-напросто сбежала из дворца, когда ей обрыдло здесь находиться. Ничего её не остановило: ни вероятный гнев отца, ни просьбы матушки быть послушной девочкой. Убежала с королевским охранником и его другом. Вернулась с титулом, новой территорией и трупом Марди. И что было дальше? Её закрыли во дворце на пять жалких дней. Пять дней! Она за это время вынесла из своей опочивальни самого короля, плюнула в эсванийского принца и снова уехала в Самур. Королевские гвардейцы рассказывали, что её болт, скастованный без палочки, прошел дверь насквозь и, если чуть правее, прошел бы через его величество. Шайред Четвертый вместо того, чтобы ворваться обратно и надавать дочери пощечин, сбежал к королеве. Только она и дочку успокоила. Не приказала быть послушной, не закрыла на ключ, не выдала эсванийскому принцу побыстрее замуж, а просто о чем-то договорилась с ней. Так что на следующий день принцесса уже выехала в Самур за новым титулом и славой.

— Так ответьте мне, тайнократосы? — задал им очевидный вопрос барон Ферми, — зачем Аише Шайн? Она его любит, без сомнений, поможет в трудную минуту, но жить во дворце, править? Решать политические вопросы, балансировать среди интересов знати,

вникать в цифры налогов, строить города и дороги? Вы серьезно считаете, что она будет этим заниматься?

Тайнократосы молчали. Представить Аишу занимающейся делами королевства было сложно. Повесить какого-нибудь барона за продажу хлеба со спорыньей — да раз плюнуть. Разнести набег орков — запросто. Но представить, как эта девочка сидит за картой и бумажками, проверяя нарезку заслуженного домена из королевских земель для верного барона — ну такое. С возрастом она поспокойнее станет, идеализм о жизнь сточится, но сейчас предложи ей такую судьбу. Взглянет на тебя тёмно-синими глазами и во рту уже не язык, а стылая сосулька еле ворочается.

— Вот и я говорю, — довольно заключил Ферми, — её предназначение легенды. Шайн слишком мал для неё. Она даже если узнает, что мы принцем занимались вопреки воле короля, только спасибо скажет.

— Тайнократий, а что же её возлюбленный? — осмелился задать вопрос Кардан Тролин. — Неизвестная величина, появившаяся ниоткуда. Вдруг он полон самых разных амбиций? Что делать если его цель стать принцем-консортом при королеве?

— Ты при всех не ляпни про возлюбленного, — проворчал барон, — язык то оторвут вместе с задницей. Парниша — конкретный феномен. Но думаю им займется граф Сентента, а мы просто понаблюдаем в сторонке. Джерк Хилл пока занимается чисто городским бизнесом и на него у нас ничего нет. На королевском совете мы на него посмотрим, оценим. Влезать в чужие расклады бывает вредно. Насколько вредно и кому вредно проверит наш толстый дружище граф.

«Трудновато не притворяться много лет туповатым барончиком, — подумал Ферми, — сложно рассчитать идеальное время для удара. Можно было подкинуть королеве документы о воровстве графа на поставках ткани в Эсванию. Но сдаётся мне, это просто увеличило бы размер откупных Сентенты. А ядовитую змею всегда следует убивать одним ударом. Заговор с участием южнокаталийского посла — идеальное решение для обеления своего имени. Конечно, сбитый принц — ужасная трата ресурсов, но Шилнагаила не сразу, однако лет за пять королевская чета простит. За пять лет из этого идиота можно зачаток мужчины сделать с моей помощью. Переживет где-нибудь в глухомани опалу, заматереет, будет многим обязан. А Аиша... Ей точно не до престола, но родственные чувства в ней всё равно будут сильны, только благодарна останется.»

— Всё же слишком жестоко для нашего мальчика получается, — задумчиво произнес Шайред Четвертый, поигрывая ракушкой из северных королевств.

Приложив её к уху, вы не услышали бы звуки моря — в вашей голове зазвучала бы загадочная симфония. Человеческое ухо с Земли опознало бы в ней композиции Моцарта, Шуберта, Бетховена. Всего ракушка играла пять, одних и тех же композиций каждый день, стоила баснословно дорого и редко у какого короля было больше двух разных. Вот у короля Шайна не было. Да он и не увлекался, стащил у Найзирии, когда зашел к ней в покои.

— Мне жаль Шила, — сказала Найзирия, расчесываясь гребнем из кости лёвомедведа. — Если у тебя есть другие варианты, давай рассмотрим их.

Шайред Четвертый до этого предлагал отправить Шилнагаила в армию, но Найзирия только посмеялась. Даже если он не сбежит в первые три дня, к нему понаедут

событульники и шляхи, — убедительно доказала королева мужу. Через три недели вышколенная армия превратится в первоклассный сброд, насилующий окрестных крестьянок. Через три месяца она развалится. А армия очень дорогое удовольствие даже для богатой страны.

— Дело не в запрете на вино и шлях, — произнесла Найзирия, — запретить и даже проконтролировать мы его сможем. Дело в целях, которые он ставит. Сейчас их нет. Аиша один за другим получает титулы, а Шил заводится от такого и ударяется в пьянку.

— Так может мы его, того, — предложил Шайред, — прицепим к Джерку Хиллу? Пусть теперь принца выводит в люди, раз такой опытный.

— Вообще-то, это я и предложила тебе вчера, — сказала со смешком королева, — память у тебя как моей Кейки.

В опочивальне королевы стояла большая банка в которой плавала красная рыбка. В банке было немного песка, две водоросли, среди которых отважная путешественница наматывала морские мили.

Король не обиделся. На Найзи было трудно обижаться, она слишком часто оказывалась права.

— Да, — пробормотал Шайред, — немного неловко требовать от благородного, который спас твою дочь, сразу спасти твоего сына.

— Надо еще узнать, что это за человек, — поддержала его верная Найзи, — не поедешь же ты к нему в глухомань с визитом. Не тот статус, а вытаскивать немедленно к тебе тоже некрасиво. Всё равно его Аиша привезет, здесь и оценим, что это за человек и на место какой фигуры ставить. Сейчас он играет за нашу пешку. При этом играет лучше ферзя, по результату.

— Мне знаешь ли беспокойно, — признался Шайред Четвертый своей жене, — Шилнагаил малость слетел с катушек после Кургана гноллов. Вот мы ему скажем завтра: «сынок, спасибо за всё, ты теперь второй у нас в престолонаследии, куда его понесет?»

— В «Сад наслаждений» очевидно же, — фыркнула Найзирия, — там он напьется, поотжигает, испортит мебель, побьет посуду. В обед следующего дня протрезвеет, станет стыдно, тут мы к нему Джерка с Аишей и подведем — нужны превозможания, следуй за мной, — скажет этот доблестный рыцарь.

— А Шилнагаил зевая ответит: «шел бы ты лесом, бродяга», — скептически сказал Шайред Четвертый.

— Если наш сын настолько туп, — серьезно отметила Найзирия, — ему действительно незачем править Шайном.

— Он не туп, — принялся защищать сына король, — он просто... Шайред замолчал, потому что сказать особо ему было нечего. Шила больше воспитывал он и чего греха таить, во многом баловал. Вот и после Кургана гноллов, хотя Найзи настаивала на том, что через пару недель за Шила надо браться всерьез, он воспротивился. «Годик погуляет и успокоится», — выразился тогда Шайред. Годик уже почти прошел, а принц не думал останавливаться, и короля это сильно тревожило.

— Думаешь я не хотела баловать Аишу, — призналась Найзирия, — просто не получалось. С самого детства как увидела портрет своей прабабушки, услышала балладу «Последний Шторм» — всё! Буду как прабабушка и точка. Стержень в ней стальной, а уж после двух титулов за неделю, даже не знаю, что или кто теперь её остановит. Мне за неё не страшно что ли? Больше чем тебе за Шила. Наш мальчик еще перебесится, а с Аишей что

будет?

— Ой, не знаю, — горько ответил Шайред, — у её прабабушки была такая сложная судьба, при этом она всегда говорила, что по-настоящему счастливо прожила жизнь. Я и сейчас бывает плачу, когда слышу «Последний Шторм»? Вот зачем она так?

— Ради чего? — поправила королева. Она отбросила гребень и обняла своего короля. — Ради меня, тебя, Шайна, Шила, Аиши — будущего. Ради всех разумных на земле. И наша дочь, — я очень желаю ей другой судьбы, — поступит в подобной ситуации точно так же, как её великая бабушка.

— Научил как дальше жить, — пафосно провозгласил я Камии, — остается только шить!

С этими словами я преподнес в дар милфе-развратнице респектабельный швейный набор от Кристального Принца. Чего только там не было: про вышивальные, синельные иглы, иглы для наметки, иглы для шерсти, все из сплава стали и каратного золота — я молчу. Иглы как иглы, да они раньше колеса у человек появились. Правда вот таких, как в наборе, не было от слова совсем. Плюс пять к точности швеи — это гарантируют. Но, извините, там даже Гоша был. Это масштабируемый манекен, обвязанной вокруг шеи разметочной лентой.

Я, когда открыл — удивился. Что за кукла в наборе? Вытащил, а он в полноценный манекен разложился. Лежит на паркетном полу дома, смотрит. На меня нагло, на Аишу призывно.

Я принцессе сразу глаза закрыл.

— Ну эй, — вознегодовала она, — это просто большая кукла. Без мужских признаков!

— Я не гарантирую, — озабочился её нравственностью, — что они сейчас не появятся, если он еще пять секунд на тебя с таким выражением посмотрит.

— С каким выражением? — не поняла она, — ты из него монстра-то не делай.

— Ничего-то ты не понимаешь, Аиша Ирраера, — сказал ей наставительно, — перед нами самое страшное чудовище. Просто оно без формы и своей магической палочки. Таких ставят у ритуального камня. В определенное время, при приближении путника оно оживает, поднимает палочку и говорит ему: «нарушаем?». Приобоченный монстр называется. Но я тебя спасу: как врач, как твой друг, как напарник по тренировочным поцелуям.

С этими словами я снял с шеи манекена разметочную ленту.

— Первым делом назовем его, — покрестил я манекена жестом главы гильдии авантюристов, принимающего новичка в свои ряды, — имя дает власть, пусть будет Гошей.

— Есть должность кроме королевского наместника, — буркнула принцесса, — где ты смотрелся бы органичнее. Прикажу Камии сшить тебе шутовской колпак.

— Ой, какие мы строгие, — протянул я, — но даже на этой должности мы же найдем общий язык?

— С чего ты взял? — нахмурилась она.

— Потому что мы уже целовались, — обезоруживающе скромно сказал я.

Принцессе шутейка зашла, а я, так удачно извернувшись от должности скомороха, стал разбираться с набором. Делать всё равно было нечего: Риса и Кая дрыхли, ранний ужин мы смолотили. Пришла пора трофеев.

Портновские колодки я опознал и отложил, видел такие у подруги еще на Земле. А вот предназначение предмета вроде отвертки не понял. Оценку делать было лень, посмотрел на Верлиту.

— Вспарыватель швов, — верно поняла она меня, — у мамки такой дома лежит.

В общем куча предметов: одних ножниц три штуки и все с усилением. Продавать так золотых на двести точно потянет. Однако швея у нас уже есть, может не настолько респектабельная как набор, но это дело наживное. Еще раскрутится как Коко Шанель и будет диктовать моду обоим материкам.

— Обрадуем Камию, — решил я. Аишу согласно уткнула, а Верлиту решила радостно

завизжать, но я это дело пресек, ловко сунув ей в раскрытый рот печенку из инвентаря. Верх кулинарного искусства от Каи: в форме человечка, с глазками в виде ежевичных ягод, гламурным ротиком и шоколадными пуговичками. Пару печенок и мне перепало, но я к сладкому с подозрением отношусь — предпочитаю полусладкое. Сохранил для дрессировки и опытов над девочками.

— Это был мой последний, оставшийся песочный друг, — признался ей, — из всего братства пряничных человечков. Скушай его с должным уважением.

— А пофиг, — глухо и смело прочавкала она. — Они в любом виде вкусные.

— Жуй печЕнь, чихай на всех — вывел первую опытную формулу науки о детском обжорстве, — в жизни ждет тебя успех.

Мы еще поразбирали наборы: кузнечных оказалось два, в раритетном была большая доменная печь, в великолепном — малая. Вещь в хозяйстве полезная, обрадую Исхироса. Потом пришла Камия, ей набор и подарили. Она разметочным рулетом померяла Верлиту и наш манекен скопировал форму девочки. А что, удобно. Померял клиента, размеры сохраняются на манекене. Кладешь рулет в набор — манекен перемещается к нему.

Камия обспасибкалась, но я сказал, что за неё Верлита отработает.

— Лопату сейчас возьмет, — надзидательно поведал ей, — и пойдет копать траншею от источника до бассейна.

— Лопату? — испугалась она, представив инструмент размерами выше Верлиты.

— Волшебную, — уточнил я, — ту самую, которой она золотые гребет. Знаешь сколько она уже за два дня загребла?

— Не-а, — призналась Камия, с обожанием глядя на дочку у неё на коленях. Верлита даже не вырывалась уже, после нескольких безуспешных попыток. Сидела там надувшись. Мощная магичка двадцать пятого уровня, а её как кошечку используют.

— Я тоже пока не считал, — признался, — золотых триста только в монетах. В вещах и ресурсах даже больше выходит. Этот набор — её доля.

Просто шайнская история успеха, про которую фильмы снимать начнут в будущем. Неделю назад сидела в подвале — сейчас сёрфит на волне триумфа и роскоши. Сорок процентов годового дохода города за пару дней. Маги такие фармеры.

— Но у нас к тебе просьба, Ками, — по-свойски сократил её имя, проблем с общением у неё нет, в отличие от почти одноименного персонажа, должно прокатить, — надо для её высочества постараться.

Аиша перебиравшая трофеи на столе, встрепенулась.

— Мы с Верлитой пойдем во двор магичить тоннель от источника к бассейну, — объяснил ей, — а тебе надо из этой «Изящной Шляпы волшебницы» сделать вот такую штуку.

Продемонстрировал ей свою хотелку на бумаге. Желал я нормальную бейсболку вместо этого широкополого недоразумения. Может кому арты со шляпками волшебниц заходят, но это только пока сам в упор не столкнешься. Я с собой рядом чучело видеть не хочу — шляпа всё лицо скрывает у Аиши.

— Козырек, здесь подшить, — растолковал Камии, — а спереди декорируешь этой цепочкой.

Я показал ей «Цепочку сопротивления стихиям» и тут вспомнил, что видел еще на своей Земле, когда швея делала из шляпы бейсболку, для декорирования она протянула сквозь звенья цепи ленту и цепочку нашивала на неё, крепя к бейсболке. В наборе швеи, кстати,

были три декоративные ленты. Я поглядел-поглядел и решил, что красная на «слабое усиление умений» сойдет лучше, чем точность или выносливость. Объяснил идею Камии, она с трепетом взяла артефакт, пригляделась.

— А между двумя полосками ленты, — высказал последнюю хотелку, — заложишь вот этот алмаз.

Я вытащил алмазный глаз принца.

— Края ленты прострочишь и получится, чудо-артефакт! — анонсировал я. — А если не получится, но у тебя получится. Ты жеж наша рукодельница-искусница! — залихватски ей подмигнул, сграбастал Верлиту, моя очередь «кошечку» в руках таскать и тискать, и мы пошли облагораживать участок.

Небольшой классический такой бассейн шесть на три, сзади особняка, со ступенями входа в него был облицован полированным мрамором охрового цвета. Я в принципе понял только, что это мрамор, а не гранит по виду и блеску. А какая порода — это к специалистам. Но что-то дорогое и симпатичное: тёплый даже на вид камень, с тысячами ярких прожилок. Выглядел благороднее, чем сам прошлый хозяин.

Бывший наместник наполнял его по заданиям для водных магов. Джерк в прошлом не раз видел такие объявления в своей гильдии. Задание общего ранга: наполнить водой бассейн 6*3*1.8. Общего, значит для любого желающего, опасности никакой. Оплата соответственная: медяков тридцать выдавали, исходя из объема.

На участке само собой питьевой колодец стоял, уже роскошь по меркам жителей, но бассейн наместника был единственным в Самуре. Бадья и бани: жители города довольствовались этим. Весной начинал работать небольшой фонтанчик на площади.

Ничего, года два-три и Самур никто не узнает.

— Итак, по скорости метр на метр в диаметре за час, — уточнил я у Верлиты.

Она согласно кивнула. Выглядело так будто она будет корпеть здесь неделю, но зачем нам труба такого размера.

— Сантиметров десять попробуй начать создавать, я засеку время, — предложил ей.

Предполагаю, такая скорость объяснялось тем, что закл был из комбо. Простое туннелирование была раза два быстрее по скорости и раза в три манопрофицитнее. Вот только почва меня не поймет. Цветочки зачахнут, Кая обидится.

Она принялась за ворожбу, я начал отсчитывать время. Через минуту остановил её. Она отмерила размер.

— Сантиметров двадать пять, уже заполнилось водой, — деловито сказала она.

— Лучше, чем я ожидал, — согласился с ней, — за полтора часа справишься. Крошки Пряничного человечка зывают к расплате! Сейчас принесу гитару и буду тебе помогать песнями.

— Ок, дядя Джерк — благодушно согласилась она, кидая два пальца в виде V.

Я метнулся кабанчиком в дом, где Аиша и Камия таинственно шуршали над артефактами. Захватил стул, фляжку сока и гитару. Вынес это во двор, уселся и принялся перебирать струны. Настроился.

— Тишь ночная бьет тревогу, за порог не гляди. Ночью бродит по дорогам, тот, чье имя Самди...

Допел и подумал, что в классическом средневековье из всех попаданцев только у Майи Котовской есть шанс стать известной. Хотя дым от костра эту известность трагично оттенит. Сожгут же, как пить дать сожгут, олухи необразованные.

Проиграл перебор *Awaken I Am — Dissolution* на «пятерке-шестерке», вышло не очень, но я себя успокоил отсутствием усилителя.

Спел «Дикую охоту» от Майи, вроде Верлите понравилось. Она сильно не отвлекалась, но пару одобрительных улыбок мне послала.

Подумал над *Every Breath You Take*, слегка переделал и пошептал под гитару: «Каждый тихий вздох, каждый твой подвох, каждый из ходов, каждый звук шагов, буду я стеречь». Передвинулся за Верлитой, одолевшей уже три метра, лихо переделал хиточек *Nickelback* «Когда мы вместе», за неимением барабана отстучал по корпусу гитары.

За час у меня лапки устали, но я доблестно превозмогал, поддерживая Верлиту, пока кое-что меня из колеи не выбило. Нас не выбило. Надпись золотистыми буквами «Камия Тайлид обгоняет время и создает первый в мире чудесный предмет бейсболку «Сила Принцессы» и получает титул «Модистка Шайна».

Я ждал очень хорошей вещицы, все же с таким набором и артефактами трудно не верить в лучшее. При неудаче просто разобрал бы и попробовал с другим мастером. Но чего мне трудно было представить — это Дара и титула сразу. Дар мастеров очень редок, приходит под конец жизни и счастливые его обладатели предпочитают обитать в столицах своих королевств, создавая всякое-разное смертоносное оружие и высокого качества защитные артефакты. Запись к ним на год вперед, стоит больших деньжищ.

Вся девичья банда, в полном составе, спустя секунд десять высыпала к нам во двор. Впереди принцесса с новой бейсболкой, сияет словно вершина горы Двух Влюбленных на солнце.

Я предусмотрительно сразу отложил гитару и не прогадал. Аиша с разбега запрыгнула на меня, изображая ковбойшу на родео, оседлала радостно смеясь, напялила на меня свою бейсболку, демонстрируя всю мощь предмета.

«Черная бейсболка «Сила принцессы». Увеличивает скорость, магическую атаку и защиту, уменьшает время отката заклинаний. Призывает «Голубую Жемчужину.» Цифры я просмотрел — впечатляет. Глянул описание корабля — зависит от силы призываемого мага. Но мы же не лохи, прокачаем заклинание. Можно теперь по рекам-морям рассекать, с оглядкой на чудищ морских.

Гордая, смущенная, довольная и еще с сотней подобных эмоций на покрасневшемся личике Камия стояла рядом.

— Бейсболка топ, Ками, — похвалил её, — реально очень большая молодец, но, если душнить: за тобой сейчас начнется охота. Мастер-создатель у Шайна один — Келард Троар, глава столичных алхимиков. Поправь меня, Аиша, если я ошибаюсь.

— Портная мамкина тоже неплоха, — сказала она задумчиво, — но у неё пока подмастерские навыки. Титула нет.

— Понаедут за тобой, — сванговал я, — из столицы томные красавчики. Будут зазывать к себе на службу, предлагать горы золотых и герцога в придачу. Опутают словесами ложными и кредитами, опоят приворотными зельями.

Аиша на моё предположение фыркнула. Родной брат Шайреда Четвертого сиднем сидел у себя в герцогстве, никуда не вылезал, ни в чем замешан не был и слухов о нем плохих не ходило. Что вызывало у меня мощное чувство тревоги. Прямо чудилось как герцог на подземном заводе Терминаторов клепают. Это же средневековье, все приличные чуваки с титулом чем-то занимаются. Морды друг другу бьют, земли захватывают, в походы ходят. На крайний случай, бухают по-черному. Не дома же сидеть за столешницей из рошгийского

палисандра и крестиком вышивать вместе с супругой. Тестостерон не позволит.

— Я никуда не поеду, — твёрдо заявила Камия, принимая позу Марианны с картины взятия Бастилии. Флага в руке не хватает и пикантной детали с ослабшим лифом.

Я скорчил глубокомысленную рожицу. Клятву я с неё возьму, а надо ли ей это? Может у неё в планах по миру путешествовать? Или ресторанчик семейный открыть, отделение почты, бар-салон омолаживающих процедур с пиявками — да что мы о Камии Тайлид знаем?

Так и спросил прямо, мол что тебе, дева златокудрая, надобно от жизни?

Глупости про мир во всем мире Камия толкать не стала. Даже я такое толкать опасуюсь без надежной экономической базы, уж на что фантазёр заядлый. Её мечта кратко звучала так: покоя, счастья и немного домашнего тепла.

— Ох, Ками, даже жидкость в абсолютном покое в пространстве, движется относительно течения времени, — сокрушенно надавил на неё своими теоретическими познаниями, — счастье будет, за дровишками к теплу мы присмотрим. Большого не обещаю.

— Я готова, милорд, — прошептала она, прямо сразу нарушая порядок титулования и вес комплиментов, положенных мне в банде за лидерство.

— И никаких милордов, — пригрозил ей, — мы люди простые, общаемся по именам, кличкам и просто «эй» если не в духе!

— Да, Джерк, — прошептала она еще тише.

Вот куда её заносит? Еще полтона ниже и я её арестую за сексуальные домогательства на работе!

Клятву взял, успокоил Ками, что на монстров она с нами ходить не будет — мастера качаются по-другому. Потому их и так мало. Но вещами засыпать для экспериментов обещал. Тут я вспомнил про повозки, отправленные за шмотом ящеров к полковнику Фоделю Григору и сразу попросил Аишу отправить гонца из своей охраны за Джиро. Жалкие двадцать золотых отца шайнской демократии не спасут, а вот матери шайнской кройки и шитья помогут скилочек наработать. Порешали все вопросы в темпе, и я строго спросил у Рисы как она себя чувствует.

— Ой, да нормально, — взбодрилась она, — это поначалу было плохо, после твоего лечения всё прошло.

— Ну моё лечение не Церебролизин, но тоже неплохо, — самодовольно выразился я.

— А это церберолизин вкусный? — тотчас заинтересовалась Риса.

Логично же: раз на лизин заканчивается, ясно-понятно, вкусняшное лакомство, которое лижешь и оно помогает.

— Ха-ха, — облек я в смешок свое отношение ко вкусу и перенавранным названию препарата и Риса поскущела.

Выглядела она неплохо для девочки, приголубленной часов пять назад молнией и каменной стеной. Здоровый сон еще никого не убил. Все же строго-настроено приказал ей пару дней магией не пользоваться, постельный режим и пропустить занятия в гильдии.

Кая уже носилась по дворику, собирая дрова на растопку «пиршественного костра», как она выразилась. Верлита заканчивала проводку тоннеля к бассейну. Аиша ловко вертела бейсболку, словно Лиса Манобан на съемках журнала для девочек. Ками преданно заглядывала в глаза.

Не просто хороший день получился — днище!

— Ну что банда, — ласково сказал я всем, — теперь-то есть кому нас одевать. А это

значит, что мы скажем завтрашнему дню?

— Что? — удивились они, столпившись стайей вокруг меня, словно рыбки в поисках добычи.

Я поднял гитару и проиграл быстрым боем нехитрые аккорды.

— Забирай меня скорей, увози за сто морей и целуй меня везде, восемнадцать мне уже!

— И тогда её высочество отвешивает ей здоровую пощечину и говорит: «Хуже полной женщины, только пустая», — закончил историю о ссоре принцессы и любовницы принца Нир Грегорн, капитан королевской охраны.

Его собутыльники зашлись в хохоте.

За столом таверны «Голова ВарОрка» собрались авторитетные авантюристы, представители городской стражи и королевской охраны принцессы. С воцарением здесь дочки Марты Греты, посетителей заметно прибавилось. Хотя вернее, связывать количество клиентов в таверне стоит с общим наплывом рабочих и крестьянских рук в Самуре. Их стало больше повсеместно: и в «Улыбке Фортуны», и в самой захудалой городской таверне «Вороновая гавань», на южной окраине города, где раньше собирались подозрительные личности и всякие бродяги. Но личности куда-то исчезли, а бродяги хотя остались, но несколько в меньшем количестве, да и статус сменили на разнорабочих городского управления.

Ходили сплетни, что число таверн в городе в скором будущем возрастет. Горожан такие слухи сильно бодрили, как и мощение мостовых, распродажа дешевых трофеев из взятой штурмом деревни отступников, скорая установка (вторых в королевстве!) башенных часов на ратуше, где уже поставили леса для подъема механизма, внезапные явления светлолицой и серебряной принцессы народу, увеличение городской стражи. Которые внезапно стали вести себя гораздо учтивее, и что отродясь не бывало, перестали брать взятки. На улицах установили большие плетеные корзины для сбора мусора, городские помойки на юге города зачистили. А спонтанный памятник «самому тупому вору в истории Шайна» с утра оброс паломничеством гогочущих жителей и принцесским живописцем, за немалую мзду рисующим у скульптуры, портреты зажиточных бургеров, мастеровых, ремесленников.

Перемены в сонном доселе городишке, застали жителей врасплох, а финальное очищение группой молодого наместника и принцессы знаменитых шахт Самура с убиением таинственного дракона, породили стихийный праздник.

«Сейчас-то заживем как раньше!» — эту фразу каждый горожанин с улыбкой повторял другим и слышал в ответ неизменное, — «нет, теперь точно лучше!»

В «Голове ВарОрка» отмечали знаковое событие представители городской элиты: от купцов, глав гильдий и городской администрации до выдающихся авантюристов, городской стражи и королевской охраны

В какой-то момент три последние группы посетителей, связанные общей историей службы под началом королевского наместника и принцессы, знакомые уже шапочно, стали общаться теснее, а потом и вовсе организовали общий стол, сдвинув свои плотнее.

— Джиро, — подначил молодого помощника наместника Ласари Дадри, — мы тут все уже по какой-то истории о его милости выдали. Твоя очередь!

— Да! Верно! Просим! — солидарно зашумел столик. — Не пьешь, так развлека друзей Расскажи о битве в пещерах!

Джиро Такаши мысленно проклял извилистый путь, приведший его в эту таверну. К словам Джерка Хилла прикупить себе домик он отнесся вдумчиво. Наместник хоть и любил розыгрыши, по серьезным вещам не глумился. С другой стороны, его понятие серьезности сильно расходилось с общепринятым. Вот взялся бы он пошутить над любой принцессой,

будь та в него влюблена и даже обязана жизнью? «Ха-ха», — сама себе ответил он. В голове не укладывается, а наместник спокойно шутит, будто у него что с ней было такого, дающее право или даже власть... На этом моменте Джиро выкинул эту мысль из своей головы и запретил даже думать о таком.

В общем ушел Джиро за Вельгом посоветоваться, где землю поближе купить к наместнику и строиться. «Землю выгоднее брать прямо сейчас» — сказал наместник, — «через пару дней взлетит цена. А вот материалы для стройки, должны слегка подешеветь. Помнишь, сколько ресурсов мы выбили? Идеальный момент покупать землю, чуть позже материалы и нанимать рабочих весной для стройки.» Пока Джиро искал неуловимого Вельга по всему городу его восемь раз остановили, семь раз предложили выпить на брудершафт, последний не предложил только потому, что после попытки выкрика «шан Такаши, позвольте!» запнулся, упал на землю будучи мертвецки пьян и захрапел.

В таверне, куда Джиро направили последние свидетели культа «шан Лекаменсгилле ушел туда-то», контролер гильдии и первый заместитель наместника обнаружился на втором этаже в окружении солидного мужика с охраной. Грета, которую Джиро попросил передать о своем интересе, сказала, что беспокоить его строго не велено до конца переговоров с человеком из столицы, если только это не от Джерка Хилла.

Джиро Такаши был смышлен и личный интерес с государственным путать даже не думал. Пришлось выжидать. Его конечно заметили и как он не отнекивался, усадили за стол. Вельг его без сомнения выручит, когда переговоры закончатся и Грета шепнет о нём, но пока он в ловушке.

— Его милость мудро предвидел подобный оборот событий, — постарался спокойно сказать Джиро, — он сказал мне: «ври сколько хочешь — превосходную историю может испортить только правда». Моя правда в том, что я стоял впереди всех, кидал массовый хейт на чудовищ, меня лечили, я отбивался как мог. Удар по ногам — я спотыкаюсь, в меня врезается монстр — я почти падаю, двое одновременно бьют с разных сторон: приходится выбирать от кого удар принять на щит, кому подставить плечо доспеха. Воинское счастье, когда врагов много и они мешают друг другу.

За столиком на секунду затихли, обдумывая сказанное, Нир Грегорн спросил первым: «говорят в вас попала Цепь молний, как вы вообще выжили?».

— О, принцесса вовремя заморозила воздух перед нами, и сила заклинания сильно ослабла, — небрежно выдал Джиро, прекрасно помнивший «и никакая ложь про доблестную принцессу не может быть чудовищной» — спасла нас всех, слава её высочеству!

— Слава её высочеству! — ответно гаркнул столик, на секунду перекрыв весь шум в таверне.

— Огненный Дракон, — быстро вставил Дархам, пока никто его не опередил, — так что же случилось с ним?

— Он исчез сразу, как почувствовал мощь принцессы, — не моргнув глазом, отвечал проинструктированный наместником Джиро, — только её высочество подступилось к нему и приголубило парой заклинаний, дракон завопил от страха «не мой фэндом!» и бросился в открытый портал.

— Хм, Дракон не глупец, — уважительно признал Дархам, — судя по всему знал еще Создателей и их язык.

Здесь в таверну скорым шагом забрел гонец из второго взвода, передавший Джиро наказ от наместника встретить повозки с добром от ящеров и ни в коем случае, не начинать

продажу.

Джиро с облегчением поспешил покинуть столик. Губы в пиве он уже обмочил, и компания суровых вояк явно не собиралась на этом достижении останавливаться. Но своей должностью эмигрант из соседнего королевства дорожил. Такаши понимал, что взят на место благодаря отсутствию связей с кем бы то ни было из города. Единственный бонус, потому подводить и искушать его милость сменить его на другого даже не собирался. А свой домик... что же домик еще немного подождет.

Кидам Акротис вздохнул, откупоривая уже тридцать седьмую бутылку маны. На вкус тёмно-синяя жидкость была словно карамелька, с тягучими нотками специй. Приятная вещь, детишки с ума сходят. Вот только детишкам она достаётся, не дай Создатель — одному из сотни тысяч. Ибо дорогая, да и ребёнка-мага в битву кто пошлет?

Его ситуация еще необычнее: просто использует по откату «Воздушную косу», помогая лесорубам расчищать лес. Маг он слабый, маны не хватает, но приказ наместника — это приказ самого короля. Можно подумать, остаться в родной деревне и валяться сейчас на сеновале со свиньями — лучший выбор. Ему дико повезло, как везет одному из нескольких тысяч, получить магический Дар.

«Так что не время ныть» — философски заключил Кидам, выкидывая новое заклинание. — «Пусть к горлу подбирается тошнота, руки устали держать посох, поясница ноет и вообще пожрать бы. Но лес сам себя не срубит, а от графика они отстают: до конца двенадцатичасовой смены всего три часа».

Кидам посмотрел, как падают четыре могучих лесных великана: нехотя, но затем все быстрее и быстрее, ломая ветви соседних деревьев. Заклинание немного не достало до пятого, высокого кедра. Коса била под любым углом, в зависимости от взмаха магической палочки: слева направо, сверху вниз. Ему вспомнился скучный голос лектора из столичной гильдии авантюристов, нарисовавшим им, первогодкам, на доске мелом круг. Он объяснил новичкам что такое диаметр и радиус, расчертил градусы окружности, показал, как заклинание бьет всегда от центра, то есть мага на тридцать метров. «В этом прямом отрезке — от мага и до конца действий заклинания, сила каста всегда максимальна, но с каждым градусом немного уменьшается», — бубнил старичок-преподаватель — «градусная мера косы равна тридцати, когда начинаете этот каст, следите за дальностью до цели и углом соприкосновения заклинания с целью. Заклинание массовое, но специфичное».

Кидаму было сложно, где он тридцатипятилетний мужик и где тригонометрия. Бывший охотник с детства любил рыбачить и охоту, игры на природе, прыжки с обрыва в родную реку у деревни, когда казалось голод по чувству воздуха в его душе, отступал от ощущения полёта. Тарзанка его отца, смастерённая из переплетенного кипрея, была затерта им до дыр. Как ловкий охотник Кидам приносил домой богатые дары леса, был видным женихом на деревне, женился в двадцать. А в двадцать пять сторела любимая жена вместе с сыном от речной лихорадки.

Мир тогда рухнул. Кидам подолгу раскачивался на сделанных для сына качелях, пытаясь словно взлететь ввысь в небо и спросить Создателей: «за что?». Его старшая сестра, родившая уже пятерых, из которых выжило трое, в тот трудный момент жизни Кидама Акротиса сделала очень правильную вещь. Просто сплывила старшего пятилетку Кидаму. И пацан потихоньку вытащил того из ямы отчаяния.

Потихоньку находя новый смысл в жизни, Кидам восстанавливал свои охотничьи навыки, когда случилось невероятное обретение Дара. Добравшись до бортей диких пчёл, Кидам слезая с дерева, напоролся на бродячего медведекентавра. Быстрый на своих копытах, мощный с медвежьими лапами монстр, бросился на опешившего охотника. От такого на близкой дистанции не убежать и Кидам сам не понял, что и как он сделал, но подпрыгнув, тело его взмыло в воздух с места, воспарив над жутко воющим от обиды на ушедший обед, чудовищем.

После обретения магии Кидам сразу же отправился в ближайшую гильдию авантюристов, ей оказалась самурская. Но закончить её не успел, через год обучения мужчине пришла весточка из родной деревни о тяжело заболевшей матери, оставшейся одной в деревне. Кидам спешно вернулся, пытаясь выходить мать. После её смерти, забрав с согласия сестры подросткового племянника с собой, решил закончить гильдию авантюристов и стать полноценным волшебником.

Так совпало, что, оказавшись единственным взрослым магом после смерти Мелама Тектоса, хорошо оплачиваемую работу по вырубке леса, принял с большим рвением. Вцепившись в возможность кроме заработка, получить неплохой для него опыт. Ведь работа, выданная официально от властей, считалась квестом, помимо золотого в неделю, по окончании каждого уровня квеста, всякий имеющий Дар, получал очки опыта.

Себя Кидам Акротис оценивал беспристрастно: тридцать пять, дай Создатели, к сорока взять хотя бы десятый. А там устроиться в гильдию артефакторики и сыром в масле кататься.

Лесорубы оттащили срубленные гиганты, к навесу и принялись за раскряжевку. Затем они распилят получившиеся бревна на доски, доски уложат на каменные блоки, подсушат, нагнетая воздух из огромного меха, обмажут воском и увезут на склад.

«Интересно, а сам-то склад уже готов? — подумал Кидам, примериваясь к следующей партии деревьев, — был только фундамент, когда они выходили из города. Хотя наместник что-то говорил о тридцати пяти процентной прочности за два дня и расчетов загрузки, исходя из этой цифры.»

После очередных, срубленных магией деревьев, Кидам увидел сосну, маркированную мелом.

— Кидам, там дальше искаженная поляна, — предупредил его бригадир, — мы её обходим, ты же знаешь, поляны нужно сохранить.

Кидам согласно кивнул и выцелил следующую очередь, обреченных на пиломатериалы растений.

— Сеструха, нам за столик три бутылки лучшего вина! — попытался быть любезным и обходительным с хозяйкой заведения «Улыбка Фортуны» Лысый Фред.

— Твоя сестра в овраге лошадь доедает, — сообщила ему Марта, — заведение здесь приличное, если перед тобой не «шан», то «ан» точно. Доблестные и уважаемые граждане — это опора королевства, даже твой скудный мозг должен быть в состоянии это осмыслить. Но титулование по лекалу Создателей мы не требуем, достаточно просто сказать ан хозяйка или уважаемая Марта.

Получив такую выволочку Фред, словно хамелеон сменил несколько ментальных личин: позеленел, побледнел, покраснел от злости, но действовать не решился. В таверне, куда его

пришшая банда, — состоящая из него самого, карманника Аилия Рукастого и взломщика Шеда Хмурого, — забрела в ходе гастролей по Самуру, сидели сплошь боевые личности. Молодые и бывалые парни, девчули с оружием. Сама хозяйка, возвышавшаяся над стойкой неприступной башней, ни тени страха не показывала. Правая рука её, нырнувшая за стойку, как подозревал Фред, сжимает рукоять тесака или дубины. Начать буровить в таких раскладах? Выйдет себе дороже.

— Уважаемая Марта, — выдохнул Лысый Фред, — нам три бутылки лучшего вина за стол.

«Надо будет таверну сжечь завтра с ночи, когда будем уходить, — решил он про себя, — Лысый Фред еще никому не спускал оскорблений.»

— Хорошо, — безмятежно ответила хозяйка, — присаживайтесь, вам подадут.

Его подельники, изумленно тарачившиеся на столь глупую женщину в ходе диалога главаря с ней, отмерли.

— Надеюсь, — громко сказал Рукастый, намекая на габариты хозяйки и так, чтобы Марта услышала, когда они отходили к намеченному столику, — вино принесет она сама лично. Было бы интересно посмотреть, как таверна накренится в противоположную сторону.

На шутку отреагировали, но вместо хохота за столиками воцарилось молчание, а несколько десятков недружелюбных взглядов ожгли банду.

— Ваще не понимаю, что случилось с Самуром? — тоскливо признался Хмурый, когда они расселись в дальнем углу, скрываясь от всех взглядов. — Мирес передавал малявой, что всё уже схвачено. А теперь его не найти, в доме живут какие-то работяги.

Банда, по пути сгубив двух паломников, прибыла в Самур из столицы, где не поделила кусок пирога с другой шайкой. В попытках слиться с горизонта возможных неприятностей Хмурый Шед вспомнил о своём дружке по разбойничьему ремеслу Миресу, который обосновался в Самуре и в весточке передавал, что дела идут отлично.

— Городишко прикольный, — вступил в разговор Рукастый Аилий, вгрызаясь в кусок свинины, — уже одного лоха на серебряные отработали.

Шляясь по Самуру весь день, после возникшего стихийного праздника, банда насмотрелась на возбужденных и подвыпивших горожан. Рукастый попытался завязать разговор с одним стражником, но тот, опознав перед собой намётанным взглядом чужаков, сам пристал к ним с расспросами. Накидки паломников не особо убедили его в легенде банды и только подвешенный язык Рукастого и знание нескольких легенд, заставили потерять стражника интерес к шайке.

Потусив в центре, Рукастый оценил наличие стражи и отказался от попыток пошарить в карманах горожан.

— Вот так сразу рисковно, — предупредил он коллег по цеху, — стража вполне бодрая и даже не пьяная. Мы никого не знаем, не в теме укромных мест и куда ведут улицы. Считаю нужно просто осмотреться.

В ходе знакомства с городом, в одном из переулков они набрали на мертвецки пьяного типа, споро подрезали кошель, а потом причалили в приличной на вид таверне. Кто же знал, что здесь одни авантюристы собираются?

— Есть такая тема, — поделился своим мнением Лысый Фред, — раз у них тут свой мастер появился, клепающий крутые шмотки, да еще с титулом, надо к этой Камии заглянуть вечером в гости.

В банде Лысый Фред был главарем. Как считал он, как поддерживали эту уверенность

Хмурый и Рукастый. Но только лишь потому, что главаря всегда повесят. Вот с остальными, при разборе преступлений, могут быть варианты. Исходя из этого оба подельника внешне всегда слушались своего недалекого предводителя. Но могли и остановить от непродуманных поступков совместным мнением.

— Фред, — ласково спросил главаря Рукастый, — а ты в курсе кто скульптуру организовал на площади из «тупого грабителя»?

На площади, где царило веселье, банда провела достаточно долго времени. Но если Фред гоготал за спиной Адри Соредра, потешаясь над шаржами, на которые живописец перешел после того как богатая клиентура иссякла, то Рукастый и Хмурый шныряли по толпе, слушали разговоры, пытались угостить выпивкой стражей.

— Волш какой-то, — безмятежно выдал Фред, — но волшебников грабить тупая затея.

— Это дочка того мастера, которую ты предложил подрезать, — проинформировал главаря Хмурый.

Лицо Лысого Фреды скорчилось, напряглось, но ничего более эпохального предложить для бандитского дела он уже не успел. К их столику подошло несколько человек в серых накидках, традиционных для городской стражи. Да на это и фибула, скрепляющая накидку, сразу указывала. «Самур, ГС» — было высечено на ней и оба подельника, в отличие от главаря, знали, что это. Городская стража.

— Городская стража Самура, сержант Джил Свакинг, — представился им солидный мужик с усами, — уважаемые, попрошу вас проследовать за нами и ответить на несколько вопросов.

Лысый Фред был с рождения туповат. Он медленно и со скрипом думал, частенько тормозил, не врубался в шутки, плохо считал и много жрал. Но в банде он считался главарем за другие заслуги. Природа ему компенсировала эти недостатки взрывной реакцией, хорошим ударом с обеих рук, работу с кинжалом и ножами. В критических ситуациях здоровяк преображался.

Вот и сейчас пока Рукастый и Хмурый покорно вставали, не думая сопротивляться при таком подавляющем преимуществе, Лысый Фред с прыжка протаранил ставни.

Таверну, перед тем как зайти, бандиты обошли со всех сторон. Окон в ней было всего две и четыре ставни. Все ставни открывались наружу и закрывались изнутри. Ставня у столика бандитов была не защелкнута. В неё и врезалась стокилограммовая туша бандита. Ставни вынесло наружу, Фред выпал боком из неё во внутренний дворик, резво вскочил, в два прыжка преодолел расстояние до забора, перемахнул через него под крики и очутился в переулочке.

Слева от входа в переулочек был какой-то тип в черном, справа от выхода высокий мальчишка в тёмно-красной накидке с девочкой за руку.

— С дороги! — устрашающе зарычал Лысый, длинными прыжками несясь к выходу из переулочка. Спасительный выход был справа, мальчишка не будет геройствовать в любом случае, он же с сестрой.

Однако ничего подобного не произошло. Мальчишка с интересом уставился на него и сказал странную фразу: «Ха, а вот и подопытный для Аякса, скомандуй ему сделать толчок земли».

Девочка вытянула руку, а в следующий момент земля под ногами Фреда больно приложила бандита. Он взлетел вверх, перекувыркнулся, полетел вниз головой, со страхом увидел приближающуюся землю, но не успел даже вскрикнуть. Правую ногу дернуло, чуть не

оторвало, а он закачался, будто подвешенный за ногу.

Фред поднял голову. Черный-пречерный мужик, блестящий, словно в смазке маслом, с нарисованным и незаметным ртом, бусинками алых глаз равнодушно смотрел на него сверху, держа бандита за одну ногу на весу.

— А-а-а! — закричал истошно Фред, как когда-то давно в детстве, просыпаясь весь в холодном поту от приснившегося кошмара, — Черный Плач!

Девчулям хит всех выпускных про поцелуй зашел с бешеной силой. Три раза на бис сыграл. Правда указанный возраст их смутил, но я отбоярился тем, что песня эльфийская. Они те еще чудики, у них в пятьдесят не каждая целовалась.

Вечеринка перед моим отъездом на смотрины королевскому совету робко начинала разгораться, когда я понял, что закусками подвал у нас забит, но с горячими блюдами плохо. Потому вызвался сходить до таверны, заказать еды, а заодно воспылал передать раритетный набор кузнеца Исхиросу. Предательской мордой быть не хотелось: Камия, значит, мастером стала, а Исхирос в неизвестности прозябать будет. Что за дела, когда «Маргарита» появляется раньше «мастера»? Совсем не по классике.

«Не бывать этому», — решил я, взял Верлиту под ручку, чтобы потестить заодно скил у Аякса и выдвинулся на передовую борьбы с голодом и за высокие нравственные идеалы. У вызова элементарей большой кулдаун: раз в два часа, но проточенное умение откаты сильно сокращает. Заодно нас будет охранять: я тут насмотрелся, как он сорокауровневым боссом землю вытирает, сильно элементаря зауважал.

На людях показываться совсем не хотелось: самурцы сейчас как аргентинцы после победы в финале чемпа по футболу, еще качать начнут. Пошли тихими переулочками, а по пути Верлита вдруг задала вопрос: «дядя Джерк, ты же самый сильный в команде?»

— Только в бою, — честно признался ей. — перед красивыми и маленькими девочками я совершенно незащищен.

Верлита довольно хихикнула, но от темы не отвлеклась.

— Почему ты делаешь так, что все остальные думают будто Аиша самая сильная?

Вопрос очень хороший, но объяснять все умозаключения, расклады, пиар и интриги королевского двора маленькой девочке немного сложно. Требуется доступная аналогия.

— Вот смотри, — предложил ей, — ты — народ. Вообще весь народ Шайна от аристо до простого серва. Представила?

Она задумчиво надула щеки и машинально одернула платьишко, прихорашиваясь и примеряя на себя такую ответственную роль. Я не мешал ей.

— Уху, — гордо сказала она, проникнувшись — с тобой говорит народ Шайна, внемли мне!

— Народ Шайна, — остановившись, торжественно обратился к ней и протянул обе руки, — у меня для тебя два мороженных: одно в левой руке, второе в правой. Ты можешь взять только одно. Выбирай!

Верлита посмотрела на мои вытянутые руки с воображаемым мороженым и задумалась. Подвох она почувствовала, но не разобралась.

— Да какая разница, — отчаявшись сказала она наконец, — любое взяла бы.

— А если в правой обычное, — коварно задал вопрос, — а в левой мороженое с клубникой и бананами, сверху засыпанное шоколадно-коксовой стружкой?

— О, о, — чуть не закапала своей слюной платье Верлита, — разве такое бывает?

— Пока нет, но я обязательно сделаю, — успокоил её, — вот Аиша — наше мороженое из левой руки.

Мы прошли еще немного.

— А в правой руке принц Шилнагаил? — догадалась она.

— Не совсем так, — постарался, чтобы она поняла, — вообще неважно кто: хоть король или эпический герой. Важнее само присутствие выбора и то, что народ об этом знает. Тогда такую фигуру трогать не станут.

«Или попробуют убрать, но такому типу я не завидую», — добавил про себя.

— Открывай, сова, медведь пришел! — постучал я железным кольцом в дверь дома Исхироса и про себя добавил, что с Пятачком.

Лавка и дом у него в одном помещении, только вход в лавку с улицы, а в дом сзади.

Нам открыл дверь подмастерье с опухшей рожой, вяло выразил своё почтение и сказал, что кузнец у себя, но спит или работает не ручается. Сам только проснулся после двадцати четырех часовой смены.

«Что это они так перерабатывают?» — удивился я, но потом вспомнил про баф повышенной преданности и допер. Всю ночь похоже, Исхирос заправским дятлом, стучал долотом по камню.

Просочившись внутрь, мы увидели Зига и Мария с подмастерьями. Часовщик возился в механизме башенных часов, что-то подкручивая, а Марий набивал формовочную рамку литерами.

Циферблат, прикрепленный к стене был уже расписан под герб и даже в полумраке мастерской блестел и сиял со страшной силой масляного искусства.

— Какая красивая птичка, — восторженно прошептала Верлита.

— Это символ нашего Шайна, водяной орел, — объяснил я девочке. — познакомьтесь, Орлик — Верлита, Верлита — Орлик.

Верлита сделала книксен.

— Вечером подойдет Дейв и всю ночь будет сушить краску, — подошел к нам Зиг Бердан. — Завтра с утра покроем лаком из льняного масла с сандараксом, обдуем и в обед начнем крепить на крыше фасада. Жаль ваша милость не застанет это чудо. Ведь это полностью ваша заслуга.

Ну да, с утра мы с Аишей отъезжаем в столицу.

— Быстро, — оценил я, — молодцы. Исхирос еще отсыпается?

— Мы не видели его со вчерашнего дня, — понизил голос Зиг, — он как зашел в ту комнату еще не выходил.

Он махнул рукой в сторону двери в личный зал мастера. Я-то туда заходил и знал, что там стоит тальковый камень, из которого Исхирос делает примерочную скульптуру принцессы.

— А что там за дверью? — заинтересовалась Верлита.

— Там дяденька Исхирос прячет принцессу, — ответил ей, — но это тайна так-то.

— А разве так можно? — удивилась она.

— Ну не на сеновале же её прятать? — обиделся я за кузнеца, — пошли сама увидишь.

Мы толкнули дверь и заглянули в святая святых самурского кузнеца. Посторонних он не приветствовал, закрывался на ключ, но, как я и рассчитывал, всекоролевским бафом преданности его накрыло так внезапно, что запереться он позабыл.

В личном зале, кабинете или потайной мастерской — не знаю, как сам Исхирос звал своё обиталище, частенько заменяющее ему дом, хотя пройти до кровати ему метров тридцать — было светло. Артефакт света в виде шара адуляра, это такой полевой шпат, с закачанным в него заклинанием, на трехногой подставке освещал горделивую фигуру Аиши, со вздетой палочкой.

«Уже хорошо, что принцессу в одежде высек, — порадовался про себя, — мог бы и в античном стиле «кора», сработать».

В ногах у неё мирно храпел уработавшийся кузнец.

— Ух ты, — пораженная Верлита подскочила к скульптуре. — Красотища! Как настоящая!

Даже превосходит в чем-то: лицо пафоснее и грудь побольше. Вслух я конечно таких глупостей не говорил. Что с Ихсироса взять: он как нейросеть, у неё по умолчанию все большегрудые красавицы, как на подбор. С другой стороны, на нейросеть бафы не действуют, а за принцессу с щупальцами вместо рук здесь и убить могут. Всё он хорошо сделал, если на подставку высокую водружать, снизу размеры будут меньше смотреться. Да и принцесска наша подрастает.

Волшебники с каждым уровнем физику тела всегда подтягивают, даже если доходягами до этого были.

— Здорово, — согласился я, — но это только опытный образец. Настоящая скульптура будет выше в два раза и из мрамора.

Прямо у статуи нас и осенило бафом. За кузнеца стало приятно: не просто опытный макет, а признание этого мира в полноценном произведении искусства. Баф был мастеровым: плюстик к творческим умениям. «Статую надо допилить и в общий зал выносить», — подумал я.

— Ержан! — потряс я кузнеца за плечо, — вставай, э, салам алейкум, на работу пора!

Кузнец заморгал просыпаясь, разглядел меня и бодрячком вскочил на ноги.

Я сразу торжественно преподнес ему раритетный набор кузнеца.

— За беспорочную службу, за неистовое рвение, преданность и выдающееся мастерство, — озвучил для него за принцессу небольшую речь, — от имени её высочества, позвольте преподнести достойный вашего труда подарок, достопочтенный Ихсирос Самурский.

Он как коршун набросился на шкатулку, открыл и прослезился.

— Это же редкость какая, менее тысячи золотых стоит, — прошептал он, подняв на меня своё бородатое, искаженное радостью лицо, — о таком наборе я ни в столице не видел, не слышал, ни где-либо еще.

— Дружище, её высочество знает о твоих стараниях, — ласково похлопал кузнеца по плечу, — ты трудишься, не жалея себя, потому сегодня отдыхаешь. Идешь в таверну, принимаешь для профилактики рюмочку-другую гномьей особой. Плотно ужинаешь, может даже заглядываешь в заведение к Треске, высыпаешься и завтра начинаешь спокойно работать. Мрамор будет только через неделю. Её высочество сказала — это приказ. Осознал?

Видно было, что ему не особо хотелось тратить своё время на бесцельное времяпрепровождение, но волшебного зеркала не нужно для признания факта, кто всех милее и главнее в королевстве.

Мы еще немного поболтали пока Верлита прыгала возле статуи, гладила и щупала её ручками. Я сделал пару оценок: главные наборные тиски были из чугуна, но со стальной основой, еще были малые поворотные, наковальни, щипцы, зубила, киянки, молоты и гномий горн с мощным воздухомнагнетателем, в него был встроен артефакт воздуха. Много чего в наборе было и все вещи с усилением на умения.

— Кстати, — вспомнил, — а это тебе от города. Я преподнес ему хороший набор

камнетёса из первого зала шахт. Он получше будет, чем его обычные инструменты.

Кузнец молча попытался обнять меня, но я был наготове.

— Не, — погрозил ему пальцем издали, — обнимешь, когда пообещаешь не сжимать со всех сил!

Даже после обещания я свое тренированное тельце напряг на всякий случай. Он вон чушки железные одной рукой тягает, а я только зарядкой занимаюсь дома.

Стойко перенеся тяготы дружеских объятий, мы засобирались в таверну за ужином. Команда некормленная, тела источником не обмытые, вообще её высочество ждать никого, никогда не любит. Разлюбит Самур и «всё пропало, шеф», правильно говорю?

Под одобрительное ворчание растроганного Исхироса, мы выскочили из его дома, начали подниматься по переулку, когда я вспомнил про тест Аякса.

Верлита его призвала легким пассом палочки, мы испытали его скорость. До конца переулка, это метров двадцать он добрался за три с небольшим секунды, размеренным бегом. Чуть меньше скорости обычного человека, но зато он неутомим. И у него есть коварный толчок, который мы прямо через пару мгновений и проверили.

Забор слева от меня перемахнула подозрительная личность, заорала дико «с дороги!» и бросилась в нашем направлении. А слева от нас, между прочим, таверна Марты находится. Идешь значит за обычными кролями в горшочке в любимое заведение, где их по-божески готовят, а тут его грабят дилетанты лысые.

Лысый тип мне сразу этим не понравился, но разбрасываться «запрещенными заклинаниями» я не стал. Вдруг я все же ошибаюсь, и этот человек просто спешит по вполне мирским делам.

Например, очередь в нужник, во дворике таверны, не смог отстоять. Если я марш применю, его же тут по всему городу разбрызгает.

— А вот и подопытный для Аякса, — со смешком выдал я Верлите, — скомандуй ему сделать толчок.

Аякс уже без команды бросился обратно к нам, завидев лысого, до чего умный пацан. Получив указание он, не останавливаясь, и даже без внешних эффектов вроде поднимания рук, применил его, и земля под ногами лысого вздыбилась, бросая того наверх.

Лысый подлетел вверх метра на четыре, сделал неуверенное полупоротное сальто и встретил бы землю своей глупой башкой, если его не схватил за ногу в последний момент элементарь.

— Вот, Вер, — наставительно сказал я девочке, — смотри до чего неправильные занятия гимнастикой доводят. Надо же размяться сначала перед тем как сальто делать. Убился бы, если не Аякс.

Лысый истошно заорал: «Черный плач!» и я с любопытством к нему присмотрелся.

— Да, да, — утомленно сказал я, наблюдая как забор перелезают городские стражники, — он черный плач, он десница судьбы, все негодяи готовят гробы. А ты старый хрыч. У кого кошелек спёр, признавайся?

Он замолк, раскачиваясь в лапе Аякса, с испугом смотря на меня. Подбежавшие стражники, почтительно отдавая честь, вполголоса докладывали о поступившем сигнале наличия подозрительных типов в таверне у Марты.

— Явно не местные, вида угрожающего, поведения подозрительного, — докладывал Джил Свакинг, — мы решили сигнал отработать, даже не знали, что Аякс уже работает по наводке. А этот тип сразу в бега сорвался.

— Аякс на весь город один, потому то, что он здесь оказался чистая случайность, — проинформировал я, хлопая одобрительно элементаря по могучему плечу, — вы тоже молодцы, но в следующий раз оценивайте возможности отступления у преступников. Сейчас я в таверну загляну, сделаю заказ и пойдём до «Головы ВарОрка», мороженое пока только там продают.

У Марты я со всем поздоровался, ко мне набежали авантюристы, но я, извинившись, сказал, что принцесса голодная и, если её сейчас не накормить, возможны негативные последствия.

— Правильное питание — дело королевского значения, — поднял я указательный палец вверх, — мне нужны здоровые дети от Аиши, а не анорексичные заморыши, которые повсюду плачущих бабушек, с корзинками полными чебуреков, собирать будут.

— В смысле, нам нужны, — поправился я, глядя в их опешившие лица, — всему королевству.

Ну оговорился, с кем не бывает.

Зато под такие растерянные лица легко убежать от внимания. Всё же к страже и пойманым бандитам я подошел слегка не в духе. Только слухов про беременную принцессу мне не хватало.

Лысый, покорно висящий в руке Аякса, испуганно сжался, увидев моё лицо. Его подельники затряслись.

— Кого сдушегубничали по пути в Самур? — тоном не предвещавшим ничего хорошего, спросил я их, а Аякс встряхнул типа до стука зубов.

— Он паломников убил! — бросился передо мной на колени первый подельник и сразу второй, — уж просили его мы не губи души, грехи отмаливающие, за нас перед Создателями, — не послушал нас выродок!

Можно подумать они самородки. Все бандиты одинаковы, сваливают вину на других.

В темпе расколов негодяев, мы добрались до Греты, где пришлось отбиваться уже от матерых и состоявшихся авантюристов, управленцев, но и тут волшебное слово про голодную принцессу оказало магическое действие. Нир Грегорн, оказавшийся рядом, повёл плечами, встал по стойке смирно и рявкнул, что готов послужить её высочеству, распугав всех любопытных.

— Ох, шан Грегорн, — заверил я его, — принцесса уважает вас как ветерана и мужчину с благородным сердцем. Она велела, увидев вас, наказать выпить за здоровье их величеств. У нас всё хорошо, отдыхаем после битвы. Сюда за сладким забрели.

Ещё пару дней назад я пристроил Кристера в «Голову ВарОрка», вот сейчас Грета подозвала его, он упаковал наборы суши и мороженого, апельсиновый ликер и несколько лаймов, ещё фруктов и подбежал к нам, улыбнувшись Верлите.

— Позвольте донести мне, ваша милость, корзину до дома.

— Конечно, Крис, рассказывай, как дела, работа? — предложил я ему, неспешно шагая, в тепло нашего особняка.

— Всё хорошо, — начал он, но с какой-то долей неуверенности.

— Всё хорошо, но хочется лучшего? — с любопытством спросил я.

— Я не вправе хотеть лучшего, — понурился он, — это непростительная наглость с моей стороны, вы так много для всех делаете.

— Читать, писать умеешь? — поинтересовался я, пропуская мимо все эти «сделал». Это я для себя выполняю: хочется интересных людей вокруг, а не тёмных, забытых невежд.

— Немного, — правдиво сказал он, косясь на Верлиту, стряхивавшую с элементаря щепки. Аякс не заметил шаткетины забора и часть отломил, не обратив ни малейшего внимания. Верлита тоже не сразу увидела, а обнаружив, начала ворчать про бестолковщину, которая носится, не замечая преград. — Отец два года назад, перед смертью научил.

— Свинота, — ласково пожурела она элементаря напоследок, отряхнув накидку и обнаружив рваную дырку, — мамка ругать тебя побоится, мне же за накидку попадет!

— Завтра приходи в ратушу к девяти, — предложил ему, — выйдет новый указ городского округа о повышении профессионального и общеобразовательного уровня граждан. Короче говоря, наймут около ста грамотных людей, для обучения остальных чтению и письму. — Если за вечер наберешь десять человек, готовых обучиться грамоте, всех соберешь у ратуши, как первому откликнувшемуся будет бонус. Только сразу не ломись с приятелями в ратушу, всем же ясно станет, что тебе кто-то инфу слил. Понял?

— Так точно! — приободрился мальчуган.

— Давай, действуй, — поощрил я его, забрал корзинку, всучил серебряный и открыл двери ограды в наш особняк.

— ААА-ааа, — взвыл я, подражая кинематографическому крику Тарзана, — налетай девчули за вкусняшками, всё по сто медных монет в передвижном магазинчике Хилла! Помидоры для тренировок первых поцелуев, спелые пельмени, гендерно-неопределившийся напиток с сердечком, бесплатно по репе!

Первой около меня возникла лисодевочка. С её-то скоростью и любопытством.

— Что это за крики рожаящей четвертого медведокентавра самки, Джерк Хилл? — спросила она меня с напускной строгостью.

Фишка здесь была в том, что у этих монстров больше трех за всю жизнь детёнышей не было. И даже не каждая, после третьих родов, самка выживала.

— А я вообще подумала, что это несуществующий Огненный Дракон за мной пришел, — пошутила появляясь Аиша.

— Да чтоб вы понимали в маркетинге! — обиделся я, — таким криком в моём магазинчике объявляются распродажи. Новые АСМР-коммуникативные технологии триггерят клиентов совершить покупку не раздумывая.

— Чудищ! — проговорили они хором. — Только чудищ можно призвать этим криком.

— И красивых, любопытных девчуль, — вынужденно согласился с ними, ловко отбирая корзинку у просунувшей в неё свой носик Рысы, — ох, уж эти потаённые фантазии переделать агрессивного монстра в своего ручного пёсика. Вы смотрели вебинар про главные женские сексуальные фантазии от доктора психологии Джордана Питерсона, кисули?

Их потупленные личики мне многое сказали об уровне образованности средневекового общества.

— Да ладно, — сжалился над ними, — я плотненько займусь вашим образованием, фантазиями и личной жизнью. Вылеплю из вас авангард интеллигенции, зажгу звёзды просвещения в тёмном небе невежества Шайна.

Важно проговаривая это по пути от ворот к дверям особняка, я не заметил, как Аиша и Кая обменялись многозначительными взглядами, не услышал торопливый шепоток за спиной, а потому упустил из виду возможность женского бунта — коварного и щипательного.

Только я домой зашел, а за мной девчонки, как на мои глаза легли предательские ладошки, в меня вцепились, вырвали корзинку из рук, повалили на ковер у камина, затискали, защипали и даже испортили прическу. Устав отбиваться, я стоически принял эту казнь от местных дидаскофобов. Хотелось конечно, как главному герою в «Храбром сердце», прокричать «Фриииидооом», но боюсь издевательства только бы усилились.

Потому что, ну какая свобода у такого феминозависимого человека как я? Джерк Хилл — хилер, ему нужна пати. Так утешал я себя под грудой женских тел. В конце концов, такое буйное внимание просто приятно.

— Мороженое, — сказал я, как только среди всего этого пыхтения и визгов «Джерк Хилл, ты ответишь за всё!», «щипай его за щечки, сеструля!», выдалась секундная пауза.

— Что мороженое? — не поняла раскрасневшая Кая, возлегшая на меня справа, с захватом руки своим хвостиком.

— Зубы нам не заговаривай! — пригрозила Аиша слева, отцепившись от моих щечек.

— Сейчас Риса и Верлита всё мороженое съедят, — поделился с ними своей догадкой, — пока вы из меня чучело делаете.

Они шустро обернулись и им предстала чудная картина сговорившихся мелких разбойниц, залезших в трехкилограммовое ведро сливочного лакомства.

— Мы только попробовать, — невинно сказала Верлита, хищно облизывая ложечку.

— В сугубо испытательных целях, — вторила ей Риса, с тающим светлым пятнышком на носу. — Согласно боевому Уставу авантюристов о дополнительных исследованиях сомнительных съестных припасов.

— Поднимите меня на ноги, — глухим баском, изображая гоголевского Вия, угрожающе сказал я. — Верлиту я превращу в мышку, а Рису в хомячка! А потом мы их накормим гнилым желудком шайнского шакарля. Согласно боевому Уставу.

В отличие от земного исландского хакарля, где мясу акулы давали подгнить, отчего у блюда появлялся специфический запах, шакарль еще при жизни пах хуже помойки. Плотоядный химера-падальщик обитал на Великих болотах, той стороне до Южной Каталлии, что принадлежала Шайну. Если простой человек не падал в обморок от вида переплетенных щупалец, с высывающимся из него клювом, которым шакарль разделявал трупы, то уж его запах заставлял отступать даже самых стойких.

Обе негодницы шустро соскочили со стульев и исчезли на втором этаже, оставив поле боя за моим богатым воображением.

— Хоть кто-то меня боится, — проворчал я, подходя к ведерку, обложенному льдом, — боюсь скоро и эти проказницы начнут меня таскать за волосы.

— Мы тебя защитим, — пообещала Кая, — мучить Джерка Хилла позволено только нам!

Я искоса посмотрел на их довольные мордашки, разделяя мороженое на четыре больших бокала, натирая в них шоколад мелкой теркой, капая в каждое по паре капель ликера и добавляя кокосовую стружку. Украсил всё это великолепие клубникой.

— Мороженое «Каюся», — провозгласил я, подавая девчулям, — в честь свирепой покорительницы мужских сердец. По древним легендам эта богиня разведки появлялась во дворцах, исключительно в окружении полуголых мужиков с ведрами и швабрами.

— Зачем ей мужики со швабрами? — удивилась Аиша, а Кая подозрительно посмотрела на меня, пробуя мороженку.

— Чтобы слюну присутствующих вытирали с пола, — не моргнув глазом отвечал я, доставая кусок печенюшки и притапливая в чае с шиповником. Мороженое для любого мужчины становится слишком сладким, после того как в их жизнь врывается шаурма.

— А про меня есть легенды? — с надеждой поинтересовалась Аиша.

— Про тебя есть песня, — утешил её, — но сначала борщ, мы же договорились.

— Ты совсем про меня не думаешь, — обиделась она.

— Я всегда думаю о тебе — заверил принцессу, — даже когда пью чай с печенюшкой... окунаю её бережно в чай... держу... пока не перестанут всплывать пузырьки.

Клянусь вам, она стала похожа на злобного котёнка под дождем. Особенно, когда я намокшую печенюшку показательно заглотнул. Но тут «цыгане шумною толпой», точнее Риса с Верлитой скатились к нам, подсчитав, что за пять минут мой гнев прошел. Его и не было, но такое знание немного лишнее для гиперактивных шалуний. Получив по своей порции и узнав, что лакомство называется в честь Каи, они восторженно приступили к дегустации. Верлита конечно странно посмотрела на меня, но аллегии это одно, а свобода творчества — совсем другая категория.

Жаль Камии своей доли не досталось, но это она сама виновата. К отъезду принцессы решила пару вещей успеть сделать, потому опять ушла в гильдию: творить и покорять.

Я постучал ложечкой по бокалу: время охренительных историй от его милости.

— Давным-давно, когда у Шиноры еще не вырос её шнобель, а дедушка Ариши Шторморожденной тыкал острыми предметами в тушки орков Былинной степи, королевское собрание документов и письменных свидетельств истории Шайна держал под своим крылом, вернее, под клешней — один любопытный человек. Звали его Флектор Флибуста с простым прозвищем «Краб». Занудливый, ворчливый старикашка для одних, неплохой рассказчик, знавший множество забавных баек — для других.

Фанатично влюбленный в свое дело, приказом короля, исполняющий воспитательные функции для принца, отчего последний люто не взлюбил старика, свободное время Флектор посвящал поиску рукописей. Не гнушался силовым изъятием манускриптов из чужого обращения, вида был диковатого: высокого роста, с всклокоченной бородой, горящими глазами из-под кустистых бровей. Вместо левой руки, утерянной в битвах за Шайн, носил самодельный протез, на конце состоящий из воздушного цилиндра с артефактом, подпружиненного поршня и насадки для присоса листа.

— Вот настолько сумасшедший старик был, — подчеркнул я, — даже протез соорудил, чтобы листы рукописей быстрее переворачивать.

Кисули с любопытством внимали мне, даже Кая, знавшая финал истории.

— Финансирование тогда было нестабильным, как и само время. Но Флектор находил средства, иногда банально грабил богатых купцов, самих авторов, каждый раз выходя сухим из мутной воды посягательств на интеллектуальную собственность. Мог бы жить спокойно, быть вежливее с принцем, а не парировать гнилые огрызки яблок, что любил кидать принц, своим протезом. Но не стареют сердцем ветераны. Раз прослышал он о редкой книге о правилах содержания гаремников. Воспылал старик страстью экзотической к редкой рукописи, нанял ходоков и авантюристов для поиска манускрипта.

В один прекрасный день ему сообщили, что книга украдена и человек ждет монет за рукопись в пещере Блайтерберга. Собрался старик и поехал в другое королевство, добрался до пещер, вступил в неё и тотчас упал, сбитый подлым ударом с ног. Когда Флектор очнулся, вокруг него стояло четверо.

— Я просто допустил опечатку в книге, а ты ославил меня невеждой, — сказал первый и нанес свой удар.

— Я пишу эротику, но ты называешь это низкопробной порнографией, — ударил его второй.

— Ты назвал меня бабой, так познай теперь мощь моего кулака, — проревел третий, пронзая ударом печень Флектора.

— Ты просто глупый, вздорный старик, — внезапно решил четвертый, — испортивший свой вкус низкопробной литературой, но плата за это жизнью неравноценна. Спасайся, я задержу их!

Но Флектор Флибуст был настолько же упрям, насколько самоуверен. Не обращая внимания на численное превосходство неприятелей, он оттолкнул руку помощи и вступил с авторами в жаркую полемику, результатом чего явились многочисленные травмы, несовместимые с жизнью.

Когда его тело привезли в Шайн, принц лил слёзы словно мартовский дождь, король повелел устроить погребальный костёр в знаковом месте, в устье там, где знаменитая река Трит распадается на Лайн и Эрайн, а тризну посетили даже его враги.

Я немного помолчал.

— Не лучший был Хранитель собрания, — подытожила мой рассказ Аиша, — со своими

заморочками, под старость часто путал книги и не различал написанного. Но свой след смог в истории оставить.

— Да, — согласился с ней, — ошибки признают лишь ставшие великими. Долга жизнь, прожитая с пользой для других. И в здоровых условиях, — внушительно добавил для Рисы. — Потому марш к водичке из источника, омыть боевые раны, смыть стресс и усталость!

Прогнал их в снег и слякоть, сам удобно развалился у камина.

Вроде завтра уже буду в столице, послезавтра выступать перед королевским советом, а мандраж как таковой отсутствует полностью. Словно не я выступать буду, но наоборот, на диковинных зверушек поглазею. Даже перед земными монархами пиетета у меня больше было.

«Это потому, что ты еще не оторвался до конца от прошлого, — пробубнил внутренний голос появляясь, — подсознательно еще ищешь ниточки, связывающие с земной жизнью. Забудь! Всамделишный местный король тебе запросто голову откусит и сожрет, не поморщившись».

Отоспался, пока я бился с монстрами, отсиделся пока я, отдувался с девчулями, стараясь не превратить милые игры в короткую прелюдию, а теперь вздумал меня поучать. Удобная позиция.

Что я знал о Шайреде Четвертом? Нос картошкой, крупный пацан. Из тех, кто носит футболки «У меня есть красивая дочь, ружье, лопата и алиби». Только этому и алиби не нужно. Под большим влиянием Найзирии, судя по обмолвкам Аиши. Разруливает все непонятки в королевстве, пару раз по молодости сражался, со своей супругой познакомился давно еще в юном возрасте, причем у него был большой выбор из принцесс, но он выбрал рошгийскую. Осторожный, но эмоциональный. Расчетливый, но только с помощью королевы. Судя по исходным данным, мне надо улучшить исходные позиции дружбы с Найзирией. Что мы ей подарим?

«Два набора ювелира, — лениво возник внутренний голос, — да за них столичные мастера в очередь встанут, а материала из камней драгоценных в инвентаре завались.»

Большая доля правды в мысли внутреннего голоса была, но фишка в том, что ювелиры всегда плотно работали как информаторы для всяких королевских служб или самого короля, крупной аристократии. Очень тесная корпорация, с горизонтальными связями по всему миру. Вот оно мне надо с ними пересекаться так сразу?

«Пусть Аиша закажет», — неуверенно сказал голос.

Я так и этак покрутил в голове идею. Принцесса не бедна, разориться на украшение может, но с чего это вдруг, так сразу, в её юном возрасте?

«Любовь к матери не нуждается в причинах!» — отбрил меня внутренний голос.

Ок, решил я, а что мы преподнесем королю? Я начал рыться в инвентаре и провел целый час, анализируя выпавшие предметы. Там, на секундочку, список из двухсот позиций только по ресурсам. По шмоткам и оружию было скромнее: большая часть выпала с железных и големов из сплавов третьего зала. Встречались и неплохие экземпляры, над которыми конкретно зависалось.

Так и ничего не решив за продолжительное время я спохватился, взглянув на таймер: пора девчуль выгонять из бассейна.

С такой мыслью, забрав гитару я вышел через черный вход во внутренний дворик с бассейном.

Тишину вечера разбавляли мелодичные девичьи смешки и плеск воды. Моя фигура возникла рядом с двумя лежаками, и я громко предупредил: «заключительная композиция для выхода из нирваны размякших девчуль. Играется впервые, спиной к зрителям»

Я сыграл Дюка Дюмона «Оушн драйв». На гитаре она звучит вполне мелодично, плюс мой жалобный голосок, выдающий «держись, детка» должен магически сработать на неокрепшие юные умы.

Вот после припева на проигрыше у моего уха прозвучало тихое «у забора кто-то есть, играй, не подавая вида, он один, я разберусь» от Каи.

Реально, и давно это в наш вполне мирный фэнтези-боевичок ворвалась шпионская нотка?

Быстрой, бесшумной перебежкой Кая добралась до нашего высокого забора, небрежно перелетела его легким прыжком и, спустя секунду, оглушенное тельце негодяя глухо шмякнулось с нашей стороны.

Я уже вытер слюну, выделившуюся при виде сета «игривого гепарда» сзади на своей очаровашке, перестал играть, спешно приближаясь к месту событий, сзади слышалось торопливое шуршание облачающихся девиц, всем не терпелось посмотреть на выдающегося глупца, осмелившегося посягнуть на приватность не только королевского наместника, но самой принцессы.

Выдающийся глупец распластался в оглушении передо мной, будто лягуха на столике перед начинающим вивисектором.

Золотистые волосы, открытый в немом крике рот, удивленные светлые глаза, застывшие в маске оглушения, кончики острых ушек — полуэльф Фирэлатр, бард и наивный олень, решивший, что его не заметят под покровом забора, темноты и кустарника.

Я прокинул на него снятие дебафа, и оно вывело полуэльфа из состояния овоща.

— На кого работаешь? — сурово спросил я, наставив на него свою магическую палочку.

Глаза полуэльфа наполнились слезами от осознания ситуации в которую он попал.

— На народ Шайна, ты не появляешься в таверне у Марты, Создатель знает сколько времени, не поешь нам свои чудесные песни, — понес он жалостливую чепуху, — что мне оставалось делать?

Дальше он принялся взывать про мою ответственность за искусство, перед будущими поколениями и заткнулся только, когда за моей спиной возникла легко одетая принцесса. На этом моменте ему слегка поплохело, потому что лицо Аиши никакой ответственности не выражало. Скорее предвещало её одному глупому поклоннику песенного жанра.

— Можно из него ледяную скульптуру сделать, — деловито предложила принцесса. Видимо лавры Верлиты ей не давали покоя, — а потом выставить рядом со статуей «грабителя». Месяцок протянет, пока тепло не растопит.

Фирэлатр затрясся, а я изучив его гардероб понял, что он не врет. Не было на эльфе никаких скрытных заклинаний, амулетов — какой из него шпион? Таких глупостей они не сделают. Даже накидка на нём обычная: светло-синяя, с капюшоном из меха.

— Ваше высочество, — представил я ей полуэльфа, — это наш знаменитый самурский бард Фирэлатр. Певец отличный, но умом несколько скорбен, этикету мало обучен и диковат. Прошу его простить за глупость. В наказание он выступит на самурской ярмарке со своим мелодичным посланием.

Я воззрился на него, делая свирепое лицо и усиленно подмигивая одним глазом.

— Ваше высочество, вы не пожалеете, смилуйтесь! — забормотал он, делая попытку

поклониться лёжа.

Аиша внимательно изучила его потное лицо, скривила недоверчиво носик.

— Ну если он хотя бы наполовину так хорош... — задумалась она вслух.

Я повернулся к ней и сделал строгое лицо семпая, поймавшего ученицу на мухлеже в картах на раздевание.

— То не вижу никаких препятствий, — бодро закончила принцесса.

— Ваше высочество вы слишком легко одеты для погоды на дворе, — умильно сказал я, — пожалуйста в дом, где вас ждет обильное горячее угощение и показательные выступления мастеров танца и шахмат Самура.

Она с Каей и мелкими, восторженно глазающими на неожиданную развязку приключений, спешно ринулась в дом, а я вывел Фирэлатра через парадный выход.

— Должен будешь, — отмахнулся от его навязчивых попыток выразить мне свою благодарность, — пару песен и проигрышей я тебе покажу как вернусь из столицы. Но это дело мы оформим официально с созданием гильдии бардов и расчета процентов за использование авторского произведения. Всё пока-пока, не нарушай больше.

С этими словами я закрыл за ним ворота.

Утомленно прижался к холодной створке лбом и тихо поржал. Тридцать лет чуваку, а умом ребенок.

Раздеваясь на ходу, я ринулся к горячему бассику. Наконец-то прелесть того, о чем с придыханием говорят влоги туристов с японских онсэн, коснется и меня!

Я поднырнул с разбега в бассик, проплыл под водой, задыхаясь от ощущений, вынырнул с другой стороны и нос к носу столкнулся с Каей. Лисодевочка прилегла на бортик, маняще сверкая ярким золотом прекрасных глаз.

— Джеррррк, — сказала она, — тебе не потерять спинку?

В меня, словно поршнем, кубов тридцать обезволивающего вкололи от её слов. Ей же тут неделю без меня жить, расстраивается поди. Осторожно приподнявшись, обхватив её лицо ладошками крепко-накрепко поцеловал в губы.

— Я тоже буду скучать, Кая, — постарался убедить лисодевочку, — но потерять спинку быстро превратится в пожар на воде. А нам тут еще жить так-то. Потерпи!

Она недовольно фыркнула, но милостиво меня простила.

Я оттолкнулся от бортика и поплыл. Но не на спине, глядя в роскошное звездное небо, как первоначально планировал, с видом а-ля «like a boss», а на животе, тяжело рассекая солёную воду.

Всё дело в том, что у моего тела внезапно появился киль.

Мне хватило минут тридцать в горячей воде, она всё прибывала и температура повышалась. Когда вода стала захлестывать бортики, я таки вылез.

Сами ощущения были смешанные: вода казалась сильно горячей, если вступать ногами, но быстро скатывалась до комфортного тепла. Немногим меньше пятидесяти градусов, грубо прикинул я. Булькающая труба выдавала на первый взгляд бесцветную жидкость, но сама вода в бассейне уже казалась красноватой. Потому что ионы железа окисляются, да? В общем, кайфушечно: подставляешь голову падающему снежку, пузырьки горячей воды шныряют по телу, разнося полезные минералы, а ты такой: ух, да мне все короли сейчас бы позавидовали. Еще бы пару пихт и елей рядом с бассейном поставить для оглушающе хвойного запаха.

Надо по примеру Японии сделать открытые источники в Самуре любым желающим для согрева ног — твёрдо решил я. Хотя бы три-четыре небольших, выложенных простым гранитом, по городу. Это показатель комфорта и заботы о простых гражданах. Пусть всякие-разные попаданцы строят галактические империи и сжигают своих чужих граждан в топке войн. Мы такое всем КОМом осуждаем.

Вытащив своё тельце, дошел до начала трубы и заткнул заглушкой, в виде болта, вкладываемого в трубу, предусмотрительно сделанного Верлитой. Воду эта затычка конечно пропускает, но не критично.

Я прошлепал в особняк с голым торсом, вытираясь на ходу полотенцем. Падал небольшой снежок, приятно освежая моё распаренное тельце. В клубе пара открыл дверь, накидывая рубаху, и мне представилась идиллическая картина: мелкие уснули на диване. Кая и Аиша играли в шахматы за столом, принцесса давила зевки.

— Знаете почему цыган не пускают играть в шахматы? — благодушно спросил я.

— Да мы даже про цыган не знаем, — всё же не удержалась и зевнула принцесса.

— Это специально выведенный на конец света народ, — объяснил я, присаживаясь к ним, и хватая запотевший крухан с нефильтрованным свежим пивасиком.

Судя по всему, Кая его притаранила специально для меня, а Аиша, сотворив лёд, держала холодным. Так что я благодарно салютанул им стакашом.

— И что он делает? — заинтересовалась Кая, — этот специальный народ.

Всадников Апокалипсиса у них не было — эту роль исполняли пацаны вроде назгулов, рыцари смерти на черных коняшах. Числом их было девять, и когда они поднимаются из глубин океана — миру конец. Так гласила легенда.

— Едрена-Алёна, — удивился я, — как что? Ворует коней у рыцарей смерти. Без коня рыцарь уже не торт. Лишенный мобильности, рыцарь смерти запинывается издалека лучниками, хоронится копыеносцами, закидывается камнями и просто кучками навоза. Потом его поджигают и радостные сервы греются вокруг шевелящейся кучки, потрескивающей яркими искрами. Крестьяне водят хороводы, поют народные песни и загадывают пошлые желания.

И часто эти пошлые желания исполняются? — прикусила на мгновение верхнюю губку Аиша.

Я почувствовал от неё мимолетное дыхание похоти. Мозги у принцесски есть, но заточены прямо на одно: всё и сразу. Завтра разошлет гонцов искать мифических цыган,

потом возьмется за поиски рыцарей смерти.

— Это просто легенда, — потряс я круханом, — Джерк Хилл не легенда, но рядом и уже исполняет ваши желания. Вот вы нетерпеливые!

— Обидно нам время терять, — вздохнула она натужно, и Кая согласно поникла ушками.

Будто бабки какие: скамейки им не хватает, семечек и платочков для образа.

— Обидно, — выразительно сказал я, — когда в карете щеки трясутся, а грудь нет. Генерал Веселье, а это я, отважно снимет с вас депрессию, расстегнет уныние, приспустит хандру. Но только с шестнадцати, — так что бегом в кровать, пока я не передумал! В партии объявляю боевую ничью.

Разогнал бабок, взвалил Рису на одно плечо, Верлиту на второе и донес до спальни.

Потом спустился, допил оставшееся пиво, двинул к себе. Камин в комнате уже разожгли: думаю Кая постаралась, так что я довольно свалился на кровать и больше ничего не помню. Реально, горячие источники расслабляют так, будто тело рассыпается на атомы, и ты ничего не ощущаешь — только покой. Глаза закрыл и отъехал мгновенно.

Вынырнул я из сна, будто синхронистка на Олимпиаде: раз — и уже на поверхности, растираю моську. Тихо, только птичка какая-то на кашгане рядом с домом несмело чирикает. Наверно принцессу боится разбудить.

Сакура, решил я отжимаясь, нам нужна сакура рядом с домом. Эти деревья даже зимой розовенькие. Группа из сакуры оттенит благородную красоту дома, их хозяев и дух спортивного гедонизма, витающий в воздухе.

На волне позитива я проскочил в зал, подбросил дровишек в печь, поставил чайник и задумался о будущем этого дня. Машинально проверяя в который раз инвентарь, я обратил внимание на один камень, с лаконичным названием «самурский известняк». Кубик его будто состоял из ровных пластов светло-желтого камня. Здесь я вспомнил про немецкий Зольнхофен и его роль в книгопечатании. Вернее, в переносе изображения с камня на лист: методе, именуемым литографией. А мы тут поначалу гравюры собрались из металла вырезать. Ведь какая книга про принцессу без картинок блонди-милашечки с сияющими лазурными глазами? Скучноватая.

А с картинками, да массовым тиражом — это чудо света. И литография самый дешевый способ качественной печати иллюстраций.

Я срочно распаковал светло-желтый куб камня. Десять слоев пластин по десять сантиметров. Значит: рисуем Самур, народ, принцесску, Каю, меня, импов и великана в красках. Это семь иллюстраций. Каждая в красках, это по шесть камней на иллюстрацию, потому что легче всего переносить один цвет на один камень. Округляем, на великана оставляем четыре цвета. Что-то Адри Соред обязательно запретит, в зеркальном отражении рисовать не так легко поначалу. Хотя даже если он испортит заготовку, камень просто шлифуется опять до чистой основы, на которой художник рисует вновь свою картину. В итоге получается десять метровых пластин, пилим на четыре, это будет сорок пластин формата А2.

Остается разрезать этот куб камня на пластины, поможет мне в этом Риса.

А вот и мелкий бесёнок — легка на помине.

С лестницы спускалась заспанная Саитана. Немигающим, гипнотизирующим взглядом я уставился на кареглазку в пижамке. Выражение недоумения на её лице постепенно сменялось тревогой, и к столу, где я сидел за плюшками и чаем, она подошла уже несмело и

застенчиво.

— Дядя Джерк, твой взгляд меня пугает, — сказала она, зябко передернув плечиками.

— Честному человеку нечего бояться, — веско произнес я.

— Как порядочной девочке-волшебнице, — скорчила она умильную рожицу, каким-то шестым чувством определив, что я просто прикалываюсь над ней — меня пугала необходимость врать дяде Джерку, потому скажу честно: я больше не буду тырить мороженое ложечками!

— Это что, сразу на килограммы перейдешь? — ужаснулся я. — Ты же растолстеешь, деточка!

— Кто-то же должен быть толстым в нашем городе, — лицемерно вздохнула Риса, — так и показать гостям некого. Ну какой приличный город без своего толстяка или толстушки? Принесу себя в жертву ради репутации Самура.

— Ты только представь, — начал увещевать её, — вечер, бассейн: у Каи заплыв брассом, а у тебя жиром.

— Зато толстым девочкам дешевле принимать ванную, — срезала она меня.

На шум спустилась Кая и услышав причину спора, сказала, что лично присмотрит за Рисиными килограммами, а мороженое заменит автохонная самурская тыквенная каша. Мне кажется, это её больше всех монстров на свете напугало. Пользуясь моментом, я схватил Рису в охапку, убедив её в необходимости срочного побега.

— Бежим сейчас же! — торопливо прошептал ей на ушко, — пока фея-крёстная твои тапочки в колодки тюремные не превратила!

Сказку про Золушку я им в адаптированном варианте, кстати, уже рассказывал.

Уволок Рису за двор, прямо в тапочках, под её довольное пищание. Там опустил в снежок, накинул на неё свой меховой плащик, вынул из инвентаря куб и спросил, может ли она его прямо по видимым линиям пластин разрезать с максимальной точностью.

— А я думала у нас настоящий побег, — с напускным сожалением заявила Саитана, кастуя первую воздушную косу, — будем странствовать по континенту, убивать чудовищ, спать в придорожных канавах и есть подгорелых медведокентавров.

Куб я водрузил у стены бани и поставил линиями вверх так, чтобы Рисе было удобнее кидать косу сверху вниз.

— То, что ты описала по-другому называется, — поправил её, — испытательный срок для будущего члена Ордена пилигримов. С той поправкой, что скорее пилигрим станет ужином для медведокентавра. Хватит слушать перенавранные женские романы от Суры. Бомжевать и жрать крыс, совсем не прикольно!

— Не знаю, не знаю, — задумчиво сказала она, делая второй разрез, — мороженого нельзя, крыс нельзя, а тыквенная каша такая противная.

— Жила-была девочка, — поведал ей, — очень любила мороженое. Как проснется, сразу любить начинает. Хотели ей мама с папой одежду купить, посмотрели, как она мороженое любит и плюнули. Потому что хрен её знает, какой у неё размер на следующий день будет.

Она от моей гипотезы вероятных последствий растолстения расстроилась так, что чуть следующее заклинание не сфейлила. В общем весело провели время и, главное, с пользой.

Хлебнув утреннего чая и закусив омлетом, я с ними распрощался и двинулся к Исхиросу. Пока принцесса с няшкой-земляшкой дрыхнет, столько дел надо успеть.

Исхорос тоже уже встал, его я обнаружил во дворе мастерской, рядом с гигантским

циферблатом, поставленным на каменные блоки. Видимо сейчас начнут покрывать его лаком. Сам кузнец задумчиво изучал какой-то лист бумаги в руке.

Увидев меня, он засиял словно Врата Обливиона.

— Первый лист книги про нашу принцессу, — поделился он радостью, — только на станке откатал.

Я взял титульный лист, который между прочим еще обрезать пришлось. Стандартов никаких нет, с хозяйства графа Лавулина, откуда нам пришла поставка бумаги, листы в тюке привезли разными. Пришлось отдельную пару человек выделять на обрезку.

Некий наклон просматривался, а это значит формовочную рамку надо будет отрегулировать. Но сама печать, на удивление выглядела вполне прилично. О чем я поведал Исхиросу.

— И вот что, — сказал я ему, пока он собирался со мной в ратушу, — мне тут Создатель подсобил, навел на мысль.

Он застыл, превратившись в одно большое ухо.

— Эм, отвернись на секундочку, — неловко соврал я, — мне нужно использовать секретное заклинание призыва.

Он послушно отвернулся, а я вытащил из инвентаря пластины самурского известняка. Глуповато выгляжу, кузнец не дурак, при всем его диковатом виде. Шарит в металлах и камне, один из лучших в королевстве за свою профессию, теряет разум только при виде принцессы. Про мой инвентарь уже догадался, зуб даю. Клятву с него возьму, приму в круг избранных, но пусть сначала Дар мастера себе ухватит, оформит отношения с Создателями официально. Итак, моя «ученическая группа» разрастается вполне себе бодрыми темпами.

— Вот, — обвел руками пластины, — это то, что заменит нам гравюры. Техника переноса рисунков с них будет быстрее, дешевле, эффективнее. Думаю, даже без станка можно обойтись или сделать примитивный, не с самым высоким механическим давлением.

— На плите рисуется красками заготовка и переносится на бумагу? — несколько недоверчиво переспросил он.

Выглядели плиты несерьезно, понимаю его. На металле гравюру вырезать или травить кислотами охренеешь, это даже не литеры отливать. Хотя и с ними проблема такая, что Исхирос за несколько дней набрал их только на титульное оглавление «про принцессу, гениальную и изумительную и её подвиг в унасекомливании великана». Ну да, на самом деле подвига не было, я печатаю книгу, полную вранья и пафоса, но я всегда могу сказать про художественный образ. Авторский произвол и всё тут. Недовольны? Найдите себе принцессу, пойдите в горы и ищите своего великана, а меня прошу от великой культрегерской миссии не отвлекать.

— Техпроцесс такой, — начал объяснять ему, — поверхность надо обработать, обезжирить, потом карандашом, краской масляной нарисовать рисунок. В карандаш добавить жира или краску развести мылом. Если краска сильно масляная, придется ждать пока подсохнет, но это всё путем эксперимента выясняется. После травишь щелочью, кислотой, уксусом, да хоть лимонным соком заливаешь. Омыть водой, нанести краску с олифой на камень, приложить лист бумаги и валиком прокатать. Разберешься. Проблема в том, что цвет так только один можно перенести, потому на роскошный, яркий рисунок от четырех до семи плит понадобится.

На бумаге я ему рецепт добавления в олифу конопляного масла написал: запах там не самый приятный, зато дешевле выходит, а в качестве получаемой типографской краски не

сказывается.

Сама бумага мне не очень к тому же понравилась: сероватая, не самая приятная. Я вспомнил про каолин, это белая глина и оживился. Как выдвинемся в столицу надо заглянуть к графу Лавулину и всучить ему за монетку-другую рецепт обеления бумаги.

Мы совместно двинулись в ратушу, где с утра было рабочее совещание по всем затеянными процессам: от рубки леса, до повышения грамотности населения. Ибо кто читать-то будет будущий бестселлер с подвигами Аиши? Грамотных в королевстве, по моим прикидкам, основанных на аналогии с земными исследованиями средневекового историка Роберта Хьюстона, было от пяти до десяти процентов. В городах конечно больше и качественнее: в том смысле, что минимальный порог грамотности в умении написать своё имя, выглядел для горожан зашкварным, но для серва охрененно круто. Так-то будущий тираж в тысячу экземпляров как пирожок горячий улетит в столице. Даже неграмотные самурцы книгу купить такую захотят, хотя бы в качестве символа, на картинки поглазеть. Однако, новый рынок уже надо столбить, да и вообще реформы готовить.

Там, в зале совещаний ратуши, я оглядел всех присутствующих глав гильдий, рабочий состав администрации города, всех поздравил с зачисткой пещер и толкнул небольшую речь.

— Что значит открытие, через несколько сотен лет простоя вновь, шахт Самура? Это не только золотой поток от продажи металлов и камней. В первую очередь — это увеличение численности города только в будущий год в несколько раз. Нас полторы тысячи, — я прервался, посмотрев на Вельга, он подвинул мне лист переписи населения, которую я заказал неделю назад, — едрена-Алёна, нас сейчас уже под две тысячи, вместе с рекрутированными разнорабочими из крестьян. Во вторую, неизбежное увеличение производств. Просто потому что выгоднее продавать готовый продукт, чем сырьё. В третью, огромный, поджидающий нас, дефицит еды и жилья. Какие из этого выводы?

— Дома строить? — аж заколбасился от счастья глава гильдии каменщиков Гирк Фрейн.

Он в последнее время гоголем ходит, гильдия нарасхват, золотые просто рекой текут.

— Еще? — продолжил я.

— Нам нужно больше крестьян и мяса! — возбудился Торин Глеоран, глава мясников.

Главный городской пекарь Крист Мигелас согласно промычал в поддержку его инициативы. «Спасибо, что хотя бы не мяса из крестьян предложил» — философски подумал я.

— Специалистов нам надо больше и выпуск продукции интенсифицировать, в том числе. — я вытянул указательный палец в зал, прямо в их радостные лица. — Сегодня отправляюсь в столицу и с его величеством на эту тему буду разговаривать. Ваша задача, объявить публично об открытом наборе в свои гильдии. Времена, когда вы только среди своих принимали, эта вот ваша кастовая избранность кончилась. Будете тупить, быстро из приезжих вторую и третью подобную гильдию образую — это понятно?

Они нахмурились — невиданное покушение на устои.

— Я божевать людям и жить на краюху хлеба в день, не позволю, как и цены задирать, — сказал им в хмурые рожи, — вы тут из себя недотрог не стройте, кто похорошему не понимает, будет вместе с первым набором камни дробить в шахтах. Они сегодня уже отправляются, можете посмотреть, прикинуть.

Первый набор — это те самые бандюганы младшего барона. Ни в какую разведку в шахты я их разумеется не посылал, легче повесить сразу было. Но как пещерку мы от

големов зачистили, их морально подготовили: организовали мастер-класс по орудованию киркой и волочению тележек. Несколько уже древних экземпляров на городском складе обнаружили и даже вполне себе бодрая «кирка хорошего шахтера» была на плюс три к умению. Остальное я рассчитывал закупить в столице, потому что наши кузнецы итак, выбивались из сил.

Дураков, — смотреть на душераздирающие зрелище разбивания породы, закованных в кандалы и страдающих преступников и примерять на себя их роль, — не нашлось.

— Далее, город организует курсы грамотности, — гнул я свою линию дальше, — все из обучившихся, имеют льготные права на первоочередное принятие в какую-либо городскую гильдию. Проект соглашения между городом и гильдиями готов, Вельг всем на подпись раздаст по окончанию заседания. С вас никто не взял ни монетки, все затраты несет город.

Издержки для небольшого города солидные: пятьдесят золотых платы за месяц обучения тренерам по грамотности, плюс затраты на изготовление ста аспидных досок, да сбора у самурских гор мела. Учить их будут прямо на площади и улицах города в определенные часы. Так я надеялся, что любопытные и страждущие знаний зрители тоже смогут чего-то понять. Городской страже было наказано патрулировать и следить за порядком и тишиной при обучении.

— В скором будущем будет организовано управление городской архитектуры, — добавил я, — это ремарка к тому, что строить, расширять свои здания или дома сейчас не собирались, кроме исключительных случаев, необходимых для функционирования гильдии. А то денег сейчас нахапаете, начнёте тут дворцы возводить, что я вас не знаю, что ли. Мыслишки-то уже проскакивали, признавайтесь?

Они смущенно запереглядывались, как бы проверяя кто первый даст слабину с признанием.

Я их не осуждал: даже в современных головах столько намешано про «свой домик в деревне» или модный офис, с учетом от биологического до социального факторов. Любой богатый человек хочет приличное гнездышко.

— Еще, исходя из нового этапа развития города, — выделил для них специально, — для Самура привезу из столицы менялу. Будет организована новая гильдия. Размен монет будет либо дешев, либо бесплатен полностью.

Тут я умолчал, что после обкатки нужного человека, городских и именных векселей, в городе появится первый банк. Лишняя это для них сейчас информация, пусть займутся настоящим.

— На этом заседание экономического совета городского управления Самура по инвестиционной и предпринимательской деятельности объявляю закрытым, — сказал я, заметив машущего мне у дверей зала Джиро, — её высочество сейчас посетит здание, никому не толпиться у дверей, вести себя чинно и благородно. Кому что неясно — Вельг Лекаменсгилле всё разъяснит детально.

Проходя мимо Вельга, деловито тасующим бумажки, я наклонился к нему и вполголоса сказал: «Вельг, выпиши нашему коллектору Масаки Пинчу пять часов общественных работ. Всё заседание в носу ковырялся, я чуть не сблеванул. А если бы принцесса такое увидела?»

Принцесса была свежа, принцесса была в хорошем настроении: вот что горячие ванночки из ионов железа и всяких минералов делают. Красовалась артефактной бейсболкой, блестела личиком, будто новенькая платиновая монета. Разницу между платиной и серебром конечно так не понять, но поверьте — благородства в первом на порядок больше! Да у неё, кажись, даже грудь подросла.

— Джерррк! — довольно воскликнула она, не соблюдая ни малейшего этикета и не обращая внимания на наших бургеров, старательно машущих головными уборами и поклонами. — Едем?

— Яволь майн кайзерин! — щелкнул я каблуками сапог, сам же подойдя ближе прошептал, — сейчас парой щипков при всех угощу. Скажи ты им пару ласковых слов на прощаньице!

Некоторое недоумение её лицо выразило, это же купцы обычные. В смысле уважаемые и почтенные, но не благородная и всякая титулованная накипь. Однако спорить со мной она не собиралась. Забежала на моё место во главе стола и рассказала им, какие они клёвые пацаны, как она любит этот город с богатейшей историей. Наэкзальтировала народ, наэлектризовала. Под конец все орали как сумасшедшие славу королевской фамилии и обнимались с соседями.

— Воть, — сымитировала она мне в свою очередь шёпотом, няшный говорок Каи, — твоя морда довольня?

«А ведь мои глаза меня не обманывают», — понял я, — «точно грудь подросла. Она бы так просто не сюсюкалась. Довольна как котейка с коктейля сметаны и валерьянки.»

— С такой-то принцессой и в жерло вулкана нестрашно падать, не то что на кровать! — бодро сказал ей в ответ, — доволен на все твои две тысячи приданого.

— Но у меня двадцать! — удивилась она, приятно окрасившись в нежно-розовый при словах о кровати.

— Мы вместе вообще на миллион выйдем, — «порадовал» её, — беда в том, что никто столько за нас не даст. Давай исходить из того что есть прямо сейчас, из реальности.

Но с толку её сбить не получилось, абстрактные знания тяжело даются. Прямо сейчас Аиша была в эйфории, а что там Джерк Хилл бормочет, так он семпай: они вечно на своей волне, что-то там выдумывают, планы строят, а жить надо быстро, красиво и сегодняшним днем.

В общем схватила она меня за руку, спешно потащила к карете.

Из ратуши вышли, а там весь КОМ собрался. Кая, Риса, Верлита, Джиро, Сура и Камия рядом жметя. С тенями под глазами, вся измученная, со свертком в руках.

— Что за макияж под глазами? — спросил её, обнявшись с сотоварищами, — кто этот счастливчик, который очертил тебе под глазами новые границы реальности?

Как ни странно, смысл вопроса она поняла.

— Я вот подарки ночью шила, — засмуцалась она, — для королевской фамилии.

У Аиши хищно вспыхнули глазёнки.

— Это да, — оценил понимающе, — нормальный бизнес всегда начинается с подарков королю.

Камия с поклоном поднесла сверток Аише, но та, не чинясь, взяла и крепко обняла

блонду.

Пока они там обнимашкались я наказал Джиро, по очереди с Каей, следить за мелкими. Они волшебницы крутые, но самоуверенные, жизни не знают. Понимаю, что излишне такая мнительность выглядит: им обеим здесь никто не соперник с двадцать пятым-двадцать шестым уровнями, но бдительность — превыше всего, как говорят практичные злодеи. Они понимают толк в выживании.

— Ну всё-всё, — чмокнул Каю в губки, Рису, Верлиту в щечки, приобнял Камию с Сурой за плечи, — на неделю самое большее уезжаю, без хныканий мне тут. Давайте я вам лучше на прощание подарочек сделаю. Джиро, подай гитару.

Он нырнул в карету и вынес гитару.

Благородные на гитаре здесь играют и, тем более, поют только для своих. Для черни играть — Зашквар Зашкварыч, а народу, несмотря на утро, уже было прилично. Купцы с совещания далеко не ушли, толпились рядом. Кристер, собравший своих последователей для обучения, терся неподалеку. Торговки зеленью, пирожками, просто прохожие — человек сто-сто пятьдесят точно было, но на условности мне было плевать. Я здесь закон и что ты мне сделаешь?

— Этот город самый лучший город на земле, — начал я, — он как будто нарисован мелом на стене.

«Браво» исполнять одно удовольствие, песни несложные, пальцы всегда рядом на струнах, это вам не Эдди Ван Хален с его «Эрапшн». Вся песня про лучший город играется боем на шестерке, без глушения.

— Я не знаю, где еще на этом свете есть, такая же земля, — звонко выдал им припев. Весна начнется, вставлю её вместо земли, пока рано и не аутентично. Они все преисполнились от слов и музыки, замерли, рот открыли, внимают жадно. Я еще только, вместо строчки с белым пароходом переделал в «и куда-то уплывает от улыбки рот».

— Я, пожалуй, отпущу попутный ветер и останусь навсегда, — остановил игру на гитаре и добавил, — с тобою.

— Всем пока-пока, ведите себя прилично, — выдал им и прыгнул в карету с принцессой.

Ненавижу эти долгие прощания, но что поделать. Вся жизнь из них состоит.

Покатили с ветерком. Аиша, как бывалая путешественница сразу настроилась на долгий путь. Пристроила кучу подушек, прилегла на них на своем диване, уставилась задумчиво на меня. Так её карета устроена: два дивана напротив друг друга. А прилегла потому, что сам кузов кареты был подвешен на четырех ремнях, из дымленной кожи слонорога, к жестким стальным рамам спереди и сбоку, изящно закрытым расписным деревом. Иначе в средневековье безрессорному транспорту никак. Скорее язык себе откусишь на наших, с позволения сказать, дорогах. Толчки в кузове ремни хорошо гасили, но огромный минус был в том, что укачивало в таких каретах конкретно. Получалась огромная колыбельная на колесах.

Я просто не понимал: а как же фореитор принцесскин с местом в передней раме? Как у него кости не сыпятся в трусы, после часов десяти за вожжами?

— О чем думаешь? — спросила она меня.

— Сидеть с тобой одной в карете не совсем по этикету, — честно признался ей. — Я в нём не сказать, чтобы разбираюсь, но сейчас подумал, где же все твои фрейлины и служанки?

Еще я немного неуютно себя чувствовал. Кататься наедине с принцессой в её карете — это примерно, как впервые к девушке домой зайти. К доминантной девушке. Территория интересная, но не твоя. Правила поведения чужие.

Аиша тоненько захохотала.

— Во дворце остались, — сказала она фыркая, — очень глупо таскать людей без Дара на своё возвышение, не находишь? Я же нормальная принцесса, а не людоед какой. По этикету, здесь Нир Грегори должен быть, но он подсядет только, когда разглядим стены Тритикама. Или ты по нему скучаешь?

— По первому дню нашего знакомства скучаю, — буркнул ей, — там ты в моей власти была.

— Ты должен бороться со мной против зла, — сказала она шаловливо, — а не возглавлять его.

Была моя очередь засмеяться, Аиша знатно косплеила одного персонажа из земного кинематографа. Но вместо этого я решил устроить долгую лекцию.

— Да что там этого зла, — махнул я рукой, — пять, десять лет и всех монстров на континенте можно вывести. Здесь вопрос стоит в другом: дадут ли нам это сделать? Вот в Эсванию тебя пустят подземелья местные зачищать? Тамшний принц с королем вроде как в обидках на тебя.

Кае она про настоятельную просьбу Шайреда Четвертого письмецо чиркнуть принцу рассказывала, а лисодевочка уже мне передала историю. Аишу я после такого зауважал, но в тоже время страхово стало: враги у меня множатся даже без моих стараний на этом фронте.

— Типа что, они будут дальше смотреть как их народ выедают? — возмутилась Аиша, даже подскочив от негодования на диване. — Когда можно изменить за бесплатно такую ситуацию!

— А типа им не пофигу? — удивился я, — чернь в основном же жрут и всякое быдло по их мнению.

— Даже если чернь, — не поняла она, — это же твой народ, и ты за него в ответе. В королевской клятве при возведении на престол сказано «заботиться о всех без исключения».

— Ты веришь в клятвы, — пожал я плечами, — они в золото и силу. Что, начнешь войну с Эсванией, чтобы очистить чужую страну от монстров? В войне всяко народу больше погибнет, чем от чудовищ. Вот представь, я принц эсванийский, который станет королем в будущем. Давай, убеди меня, что твою команду надо пустить в мою страну, для зачистки, как ты говоришь от чудовищ. На самом деле, как я подозреваю: для сеяния смуты, ереси и бунта среди моих подданных и одаренных.

— Я дам тебе тысячу золотых, Гелрэс, — поджала она губы презрительно, — за то, что сама же, со своей командой, освобожу твою же страну от монстров.

Видимо, так эсванийского принца звали — Гелрэс.

— Тысячу золотых, — нагло улыбнулся ей в лицо, — и твою руку.

Принцесса нахмурилась, подняла руку на меня, я даже ноги поджал, прыгнуть если что, но она сдержалась.

— Тысячу золотых и поставки зерновых на пять лет со скидкой, — пообещала она уверенно, — моя рука для тебя слишком увесиста, ты не проснешься после первой ночи.

Вот кто так ведет уговоры, угрожая убийством, пусть даже завуалированно?

— Ой, ну ты и мертвого уговоришь, — улыбнулся ей, — скорее же, заходи в мою страну. Проходи, присаживайся, извини: здесь повсюду грязь, страх, неуверенность и комплексы, но

ты не стесняйся. Привыкнешь.

Принцесса вытянула лицо. По условиям игры, она убедила эсванийского принца, но игра почему-то не кончилась, а перешла на другой этап.

— Принц испугался дальше с тобой спорить, — проинформировал её, — воевать он не хочет. Решил поступить проще: впустить тебя в страну и подготовить ловушку. Отравить, нанести в спину подлый удар, когда будешь биться с монстрами. Выставить всю армию против тебя, когда выйдешь из подземелья. Это я сильно обобщаю, потому что переговоры в формате один на один, если противоположная сторона в разы сильнее одаренный, редки. Не так ли?

— Да, — вздохнула она, — считается сильнейший продавит ментально. Потому удивилась, когда ты за принца моей руки столь прямо и нагло захотел. В реале я же Гелрэса знаю, он приезжал год назад на бал по случаю возвращения Шила с Кургана гноллов. Эсванийский принц мил и учтив, ему двадцать четыре, сильно не напрягался, потому двенадцатого уровня. За такое предложение я в полном праве ему втащить. Слабая принцесса — вещь, сильнейшая принцесса — демиург.

— Ну извини, — покаялся перед ней, — не устоял перед красотой твоих глазниц.

— Ох, правда? — оживилась она. — Говорят в них можно тонуть бесконечно.

— Самая что ни на есть, — слащаво признался ей, — только я сейчас как Гелрэс это говорю. Пойдем жениться?

Она на удивление не разозлилась, пристально посмотрела на меня.

— Да ты ревнуешь, Джерк Хилл, — проникательно заметила она, — тогда ставлю на то, что в Эсвании скоро сменится династия.

Было приятно: принцесса умная, а то, что иногда ведет себя как шальная императрица, так вы на других в четырнадцать посмотрели бы. Максимум движа там — свипание шорт ютуба на телефоне.

— Такое планирование десятилетия занимает, — деловито поделился с ней, — вопрос в том, что ты предпочитаешь: быстрые пожары войн с ненавидящим населением или сделать всё правильно, но помедленнее.

— Звучит почти как история наших отношений, — шутканула она, — но чего ты зацикливаешься на официальной стороне. Мы можем в эту несчастную Эсванию инкогнито поехать. Как обычная команда искателей приключений.

— Тогда будет как с принцем Леттором, — напомнил ей историю южнокаталлийского инфанта, — он тоже инкогнито приехал в Шайн. На границе у первой же деревушки со спутниками зачистил Холм призраков. Там сразу лояльность у всех жителей к Шайну упала, к Южной Каталии выросла. Война потом семь лет длилась. Думаешь Гелрэс этого не понимает?

— Оставим Эсванию на потом, — мудро решила она, — в Роштии моя тётя будет нам рада, познакомлю всех вас со своей сестричкой.

— Вопрос не в доброй тёте или тесноте родственных связей, — сказал я, — вопрос в том, что твое возвышение, поступки, титулы, достижения будут бесить всех остальных королей, королев, принцев и далее по списку. Потому что автоматически они будут уменьшать их собственный вес и легитимность в глазах остальных: от элиты других королевств до простых сервов. Просто «какого хрена?» скажет любой, потерявший от монстра родного, близкого человека. Почему в Шайне всех чудовищ зачистили, а у нас нет? Мне такой правитель не нужен, скажет он. А что на это может предложить король — только

топором по башке. Со смутьянами здесь долго не разговаривают. Проблема в том, что топор по башке количество вопросов уменьшает, но увеличивает концентрацию ненависти в теле государства. Такое выплескивается рано или поздно.

— Придется их всех того? — понимающе предположила она.

Я «того» не хотел, но история подсказывает, что придется. Дело не в теориях вроде «Ловушки Фукидида» или «Ловушки Киндлбергера». Дело в том, что абсолютизация королевской власти, делала вероятность ошибки неизбежной. Богатство, силу копит вся страна, а распределяет её один человек, как ему вздумается. Неизбежны не просто ошибки, банальные преступления.

Вслух я сказал другое.

— Нам к графу Лавулину заехать надо. По очень важному делу!

Аиша докапываться: что, зачем, почему не стала.

— Окошко приоткрой к фореитору и передай мое повеление.

Окошко для управления принцесским кучером представляло собой небольшие, изящные ставеньки, выходящие лицом к спине возничего. Я слегка повозился, открыл их и прокричал.

— Приказ её высочества, после моста завернуть к графу Редри Лавулину.

— Так точно, — браво откликнулась мне спина, — будет исполнено.

— Чья креатура, этот граф? — спросил я у Аиши, закрывая окошко.

— Граф сам по себе. — откликнулась она. — На день королевской фамилии, он подарил мне пятьдесят золотых, а Шилу шестьдесят, что причисляет формально его к партии принца. Его двоюродный брат служит одним из трех нотариев при королевском совете.

Нотарий, в переводе на человеческий, был секретарем: писал письма, протоколы совета, зачитывал акты решений. Невеликая должность, но важная.

— Спасибо, — корявенько сказал я принцессе, — что не пристаешь с глупыми вопросами. Но так надо. Нет времени объяснять!

Не мог же я ей рассказать, что так и так, готовим ей подарок в виде книги. Да кто вообще о сюрпризах рассказывает?

Минут через десять мы проехали мост, не сбавляя скорости. Глупцов останавливать красную карету с гербом Шайна и просить «мостовщину» не нашлось. Прямо хоть бери и копируй карету, рассекая на ней по дорогам королевства беспрепятственно. Только вот помимо кареты придется копировать и внушительных охранников. К тому же суровую морду Нира Грегорна знают все сборщики, клонировать такого вряд ли получится.

Судя по участвовавшей качке, мы перешли на дорогу похуже, ведущей к особняку графа. Ну или наши сердца стали друг к другу притягиваться еще немного сильнее. Но эту романтическую версию я Аише озвучивать не стал. Природный магнетизм быстро переходит в магнитную бурю.

Минут еще через тридцать, мы подкатили к замку графа. Джерк Хилл видел его ранее, года два назад, с большого расстояния, проходя по местности с прежней командой по заданию гильдии авантюристов, в поисках шального скрикера. Уродливой твари, вроде гигантской сороконожки, длиной метра в три, невысокой, с венчающим её морду ядовитым рогом. В основном, скрикер нападал на домашних животных, но отжираясь и повышая уровень, переходил на людей.

Граф Лавулин, сухопарый мужчина в возрасте, с седыми бакенбардами, спускающимися перевернутой «Г» вниз по щекам, высокий, с густыми волнистыми волосами,

предупрежденный посланным вперед капитаном, встречал нас прямо у кареты, любезно подавая руку принцессе. Мне он запросто кивнул и кинул что-то вроде «рад видеть вас, ваша милость в наших пенатах». Не очень любезно, но я сам официальщину не сильно люблю и вообще здесь по бизнесу, во-первых. Во-вторых, главная скрипка здесь принцесса, а я непонятный мутный тип, что обманом и лестью, жалобными стонами гитары выбил себе должность. Вы бы перед таким расшаркивались?

С другой стороны, от меня зависит выживет ли бумажная мануфактура графа в будущем. На средства от коей, свой симпатичный замок на холме он и отгрохал.

Иронично, что такой солидный замок может похоронить простой кусок белой глины.

Лично мне замок графа напомнил замок Любарта в Луцке. Тоже три башни над стенами, которые тянутся треугольником, за замком большая деревня. Громада башни, в три раза выше пятиметровых стен, через которую въезжаешь, поневоле внушает. Ну или Джерку Хиллу, не видевшему на своем веку приличных замков, так кажется. Внутри замка было две зоны: одна трешовая, с большим колесом плашмя и осликом, видимо качающим воду с колодца, где сновали рабочие с тележками, вторая будто огороженная кустарником и деревьями.

Не знаю насколько это удобно загонять производство внутрь замка и жить, пусть не с гвалтом матерящихся таджиков — видимо, своих рабочих он на эту тему выдрессировал, но скрип тележек, звуки шагов всё равно слышны. Трясетя за свои бумажки граф, раз так поступил.

Особняк стоял за деревьями, боком к производству, спиной к стене и выглядел вполне милым.

За встречающим графом, на крылечке стояла его жена, два сына и четыре дочери, все чада в возрасте от пяти до восемнадцати. Плодовитое семейство Лавулинов, фамилия графу помогла столько детишек настрогать что-ли? Немного графа понял: столько спиногрызов и всех пристроить надо. Приходится всем во дворце подмахивать.

Графиня своих детишек подвела к Аише по очереди, представила, она им благосклонно кивнула, пару фраз выдала, но как только мы зашли внутрь дома, обратилась к графу с намеком, что к королю уже опаздывает, а здесь мы по делу. Выглядело это примерно как:

— Дорогой граф, прискорбно, что нам придется отступить от этикета, но долг перед его величеством превышает дани вежливости и бла-бла-бла.

Не особо вслушивался в эти политесы — я же варвар из далекого, параллельного прошлого\будущего. Ценю интересных девчуль и парней, мощь магии и хорошую еду. Красиво поговорить можно, когда торгуешься, а вежливость без словесных извращений, в моем понимании, в уважении чужого личного пространства и в коротких, но искренних словах благодарности.

С любопытством глаза на балкончик второго этажа, выходящий в гостиную зону я отметил дорогой буковый паркет под ногами, зону отдыха с небольшим столиком из мореного дуба и двумя диванами, свисавшую на массивной цепи из серебра и стали, плетением «Лисий хвост», люстры с артефактом света посередине и подсвечниками, со вставленными свечами по краям. Граф не чужд эстетичной экономии: артефакт для приёмов, свечи — и, заодно, второе отопление зимой — для себя. Первое отопление в этой большой гостиной состояло из камина с двумя скульптурами неизвестных мне Создателей. То, что это Создатели было ясно по нимбу над головой. Впрочем, это аборигены считали красную полоску за нимб. Я уже давно понял: красная или зеленая полоска над головами в их изображениях на картинах и скульптурах — фрейм здоровья. Местные по полоскам определяли: злой ли Создатель или добрый на изображении.

«А если две полоски, то Создатель сержант виртуальных войск», — сдохнул внутренний голос.

«Или бурундучок под прикрытием, — меланхолично ответил ему, — сейчас переговоры будут, давай на них сосредоточимся.»

Между тем граф провел нас к своему кабинету, распахнул дверь и изысканным жестом пригласил внутрь. Там он пригласил, выдвинув стул, её высочество во главу стола, сам присел сбоку и справа. Я водрузился напротив графа.

Аиша переплела пальчики рук, поглядела на меня, на графа, убедилась, что все заинтересованные стороны прилежно внимают, а не ковыряются в носу как мой туповатый коллектор и произнесла:

— Слушается дело о возможном улучшении качества бумаги на производстве графа Лавулина.

Граф при этих словах едва заметно покривился. Звучит как судебное заседание, как выволочка, как сигнал о том, что будут грабить.

— Я не осуждаю качество вашей бумаги, ваша светлость, — поспешил его успокоить, — но у меня есть секретный рецепт повышения белизны и привлекательности выпускаемой продукции. Потому мне пришлось просить её высочество побыть гарантом нашей возможной сделки. Если вы заинтересованы в том, что или всю бумагу, или какую-то её часть выпускать по новой технологии, которая не потребует больших вложений, ресурс для неё не станет затрачен, то мы можем заключить соглашение, по которому я передам вам рецепт, вы произведете некоторую часть новой продукции и затем решите: стоит ли мой рецепт запрошенных на него монет, либо роялти.

Граф Лавулин посидел-подумал, пронзая меня взглядом колючих глаз из-под кустистых бровей. Я был самой милотой, скромно отвечавшей ему уверенным взглядом человека, обласканным властью за настоящие заслуги.

Да вот же принцесса сидит, как арбитр, ты дурик что ли? Будет тебе врать гений королевства, который известен своей честностью, отсутствием всяких муток, сутяжничества и всяких корыстных мотивов?

Вот как-то так я гипнотизировал своим взглядом, пока граф тяжело не вздохнул, приняв решение.

— Принципиально я согласен, но у меня есть несколько вопросов. Первый, где этот ресурс брать, насколько она расположен далеко, насколько сложна технология, как будет выглядеть полученная с его помощью бумага и насколько справедливую цену вы за это хотите?

— А для этого мы составим поэтапное Соглашение, граф, — ответил я, — давайте по пунктам. Я пишу соглашение между сторонами, уточняем первый пункт о ресурсе. Далее в присутствии нашего арбитра я вам его покажу. Если ресурс вас удовлетворяет, под первым пунктом расписываемся оба, её высочество заверяет. Идем дальше, я рассказываю вам технологию, подписываем пункт второй, её высочество заверяет. Третий — производство, вы его начинаете, через некоторое время получаете новую продукцию, смотрим вместе, оцениваем, подписываем третий пункт. Четвертый — везете новую бумагу, по торговым лавкам, повышаете цену, не мне вас учить бизнесу. Прикидываем результат вместе, выходим на справедливую цену роялти в течение десяти лет. Либо сразу выплачиваете мою цену. Но в любом случае вы подпишите примечание к Соглашению, что вне зависимости от того, на каком пункте мы остановимся, вы даете слово о неразглашении этой беседы и тем более секретных сведений, полученных в ходе выполнения всех пунктов в течение десяти лет.

Он с неким уважением окинул меня взглядом.

— А во сколько вы оцениваете свой рецепт и знания?

— Пятьсот золотых, — не моргнув, ответил я.

Цена конская, но считаю справедливая. Гутенберг на свой станок примерно такой кредит и взял. Работал несколько лет, но в итоге после первого же тиража своей напечатанной библии, озолотился. Так чем я стою меньше Гутенберга? Во мне знаний, извините побольше, плюс магия, местами даже запрещенная, имеется.

— Это несерьезно, — сразу отказался граф.

— Несерьезно, граф, когда вы не думаете, что на этом все закончится, — остался спокоен я, — поеду к другому производителю бумаги, третьему. Сам начну выпуск в конце концов. Думаете ваша монополия на поставку бумаги королевскому двору вечная? Шайред Четвертый увидит белую бумагу, спросит у нотариуса королевского совета, почему королевские резолюции пишут на серой, а какой-то купчина на белой бумаге. Кому по шапке дадут, как думаете?

Ударил прямо под дых его: двоюродный брат-нотарий при королевском совете не просто так же обретается. Здесь еще её высочество с интересом слушает нашу беседу. Ясень пень, что король узнает: белой бумаги у него нет потому, что граф Лавулин жадный дебилушка, похеривший из глупости возможность производить и поставлять белую бумагу к королевскому двору.

— Мне надо подумать, — прохрипел, изменившись в лице граф.

— Дорогой граф, — принялся увещевать его я, — вот откуда в вас столько недоверия к выгодному предложению? Никто не заставляет вас сразу такую сумму выкатывать, ну отпишете роялти от продажи нового продукта, всё равно в прибыли останетесь — я гарантирую это. Давайте так, если моё роялти станет загонять вас в минус по прибыли, значит выше означенной суммы безубыточности вы не платите. Я не грабитель с большой дороги: будет и вам хорошо, и покупателям, и мне.

Он вернул свой здоровый цвет лица, успокаиваясь. Я в общем его понимаю. Сидишь такой, обедаешь, а тут капитан королевских гвардейцев вваливается со зверским лицом, шрам наискосок морды весь багровый, кричит с натугой: «её высочество, гений королевства, Аиша Подавляющая осенит своим благим присутствием сей дом через шестьсот ударов сердца. Высказать немедленно всем своё уважение!»

И на заднем фоне в обморок падает твой дворный подстолий, тот чел, который за блюда к столу отвечает. Жена истерично визжит служанке: «Теодорина, моё бальное платье, немедля!». Дети в афиге бросаются кто куда, путаясь и сшибая друг друга, твой любимый охотничий пёс, скуля забивается под лавку, а ты сидишь в шоке с открытым ртом, из которого куски оленины под брусникой вываливаются от такой новости.

Принцессу при этом ты лично знаешь: подросток суровый, может и первого советника отоварить, но так-то девочка добрая если не злить. Зато с ней приезжает какой-то отмороженный наглухо тип, что, будучи еще авантюристом, пытал прежнего наместника. Поймал на бандитизме сына соседа, так выбил ему половину зубов, раздел и вывесил на площади для потехи горожанам. Еще и дружину старого барона побил немного, а с него самого золотые стряс. Лиходей короче знатный. И этот тип ему на голубом глазу сидит и предлагает качество производства бумаги улучшить. Да будто он что понимает вообще в производстве! Ясно, что это рейдерский захват бизнеса, под прикрытием наивной принцессы.

Вот как-то так всё это себе представлял граф Лавулин. Но я же не виноват, что всё в такой спешке делается! Тут, на секундочку, со всех сторон движуха: с запада новое государство, в Самуре шахты новые, ярмарка, часы башенные, станок, монстры, столица,

интриги. Нет у меня времени себя позиционировать как интеллигентного мецената, крутого предпринимателя, да даже как прогрессивного наместника. Разъезды по местным феодалам, знакомства — аха, бал может для них еще устроить в городе?

Решил для себя по-простому: тащит человек за свой бизнес, вменяемый — будем дела решать. Не понимает своего счастья: немного надавим. Старый, больной, тупой? Тогда давай, до свидания.

Эта вся феодальная шелуха всё равно заменится предприимчивыми дельцами, торговцами, новой буржуазией. Я просто естественный процесс ускоряю и в человеческих рамках буду держать. Не будет у меня двенадцатилетних детей на фабриках с двенадцатичасовыми сменами с сигаретой в зубах, между глотками пива, после работы, на убогой койке в ночлежках гетто.

— Внесем это в четвертый пункт Соглашения, граф, — предложил ему, — роялти не может быть выше, скажем, семидесяти процентов цены чистой прибыли. Я с вами честен: никто не собирается давить на покупателей, что бы они игнорировали ваши бумаги и под прикрытием невыполнения ваших обязательств, захватывать ваш бизнес.

— А зачем тогда вам это всё? — не понял он, — что мешает вам свое производство запустить?

— Время, ваша светлость, — честно сказал ему, — да и кто сказал, что не запущу. Со временем будет, в приоритете пока другие проекты. Мы вчера шахты Самура зачистили, только с ними возни года на два будет.

— Вы зачистили шахты? — не поверил он, потом на его лице мелькнуло понимание, — так вот почему старый Карло приехал так поздно вчера, мертвецки пьяный. До сих пор дрыхнет скотина.

— Вчера в городе было весело, — понимающе поддакнул ему, — наливали всем, но стража за порядком следила. Ничего у Карло не пропало? Город возместит если так.

Он странно посмотрел на меня, но я не шутил. Может графу было плевать на старика, торгующего в Самуре зеленью с огорода, соломенной обувью, шляпками, а по зиме лавками и прочими поделками из дерева, но мне нет. Репутация Самура бесценна.

— Не уверен, — сказал он, убедившись, что я не шучу, — но могу позвать и спросить.

— Так давайте по пути к первому пункту так и сделаем, — предложил я, — или вы по-прежнему отказываетесь?

— Я согласен, — несколько нехотя ответил граф, — пока это обязывает к простому молчанию, не вижу угрозы для моего бизнеса, пройтись по вашим пунктам. Вы очень тщательны в мелочах, ваша милость.

— Вы еще почтете за большое счастье встречу со мной, дорогой граф, — заверил его, — моя цель сделать королевство лучше, а бизнес как нельзя способствует этому. Больше богатых людей, больше работы, больше налогов, масштабнее проекты и так по кругу. Делать каждого подданного Шайна чуть богаче каждый год, что может быть прекраснее?

Он не удержался, ухмыльнулся и даже с некоторым восхищением сказал, что я фантазёр, расписываясь под примечанием Соглашения.

— Миром движут фантазёры, — ответил я, поднимаясь со стула, вслед за принцессой, — кузнецы, торговцы, артефакторы, алхимики и прочие просто реализуют и масштабируют их открытия и идеи.

Я умолчал о прогрессивном налоге для богатых, мне кажется графа такое бы сильно расстроило.

Спорить он не стал, да и принцесса уже поднялась, так что граф быстро вскочил, но судя по его не изменившемуся лицу, мнение его по-прежнему несколько отличалось от моего.

Феодал словам не верит.

Мы прошли в обратном порядке из особняка графа до кареты, но я сказал, что здесь недалеко, даже лошадки не нужны, а вот экипаж надо поберечь. Редри Лавулин при этом сильно удивился. Даже тень озабоченности какая-то мелькнула на челе графа, но мы уже вышли за стены замка, и там я их повел к небольшому холму у местной речушки, метрах в пятистах от замка.

Там я, достав магическую палочку, тупо выковырял из стенки холма кусок крошащегося камня зеленоватого цвета.

— Вот, — сказал я на серьезных щах, хотя хотелось ржать от вытянувшегося лица графа. — Сей минерал называется каолинит. Размельчаем его до мельчайших гранул, покажу размеры в вашем цехе и это важно, бросаем в чан с водой, подогреваем и через сеточку...

Тут я всё же решил уточнить, мало ли что, может у них арабский техпроцесс изготовления бумаги в ходу, может итальянский. У арабского помол качеством ниже. Ну, то есть стал ниже, как итальянцы техпроцесс у сарацин стырили и улучшили. Вообще, за качество и всякие извращения с бумагой с восьмого века до современности всегда тащили японцы, никакой там ни Китай, ни Нидерланды, ни Англия с Германией. Просто у них извращения декоративные, а нам нужны производственные. Сто книг на приличной бумаге лучше идеально белого листа с водяной филигранью дракона, расправляющего крылья, и кракозяброй японского чемпиона по каллиграфии у него на груди.

— Ваша светлость, — спросил его, — я правильно понимаю, что у вас этапы производства состоят из сортировки тряпья, добавления возможно конопли или крапивы...

Здесь, граф умоляюще прижав палец к губам, предостерегающе зашикал, а я наконец понял, почему у него производство в замке. Здесь все трясется за свои секреты. Кому нужны конкуренты? Граф боится даже намеков на секреты изготовления бумаги при королевских гвардейцах. Интересно, что он скажет, когда техническая литература пойдет в продажи. Правда это у меня в графике стояло на сильно потом, лет так через пять и всяких новинок там не значилось.

— Давайте возвратимся обратно и обсудим детальнее, — понятливо предложил я.

Мы вернулись в замок. Там уже притащили старика Карло. С похмелья выглядел он жалко, но увидев принцессу прибодрился, закричал: «слава гению королевства!» зашатался, истратив последние силы, но я его придержал за локоть.

— Плесните уже папе Карло легкого винца! — возмутился я, — доколе мы будем мучить ветерана шерхебеля?

Специально сказал шерхебеля: звучало эпично как какая-то битва, хотя на самом деле это просто рубанок.

«Да! — угодливо поддакнул внутренний голос, — вот переквалифицируется он в кузнеца и ждите Терминатора вместо Буратино!»

Вперед шагнул Нир Грегорн, доставая свою объемную фляжку и влил в старика живительного нектара.

Карло присосался к фляжке словно новорожденный ребенок к груди матери. Кадык заходил ходуном, бороденка воинственно встопорщилась, тощая фигура его налилась внутренней силой.

— Что старик, — спросил я его, — после празднования вчера ничего не пропало?

— Никак нет, — ополовинив фляжку капитана бодро ответил тот, — все тридцать серебряных успел пропить в честь нашей великой принцессы, даже на визит к мадам Треске осталось.

— А кто такая эта Треска? — любопытствовала Аиша.

Но могучий старик Карло, всосавший пол-литра капитанского коньяка на старые дрожжи, оказался повержен простой молекулой этанола. Он успел только выдать с глупой улыбкой «городской шурум-бурум мастер, ваше высочество» и пал к ногам принцессы, тотчас захрапел.

Стариканыч тот еще гусар.

— Старик Карло — достопримечательность Самура, — сказал я с нажимом для Аиши и добавил для графа, — думаем включить его в состав городского ансамбля песни и пляски.

— Но он же уже старенький, — озаботилась принцесса и пошарившись в ремешковом кошельке на поясе, достала золотую монету, положив её на грудь Карло.

— Будет с бубном ходить, — неумолимо гнул я свою линию, — или с бубей. Это как получится. Не дадим пропасть такому таланту!

Я посмотрел на Нира Грегорна. Ветеран понимающе подмигнул.

— Пройдемте, граф, — обратился к Лавулину, — покажете свою мануфактуру, заодно придумаем что улучшить.

И мы с принцессой смело шагнули в бумажный ад средневековья местного графа.

Граф Эмаден Малурон любезно улыбнулся и отвесил легкий поклон принцу Шилнагаилу, осведомился о здоровье, порекомендовал лучшее каталийское вино, рассказал свежий анекдот про секту Второго пришествия и подвел гостя к лучшему столику в зале особняка. Уделил время больше протокольного, дал принцу почувствовать свою важность. Умаслил, а заодно познакомил со свежей каталийской шпионкой, присланной, от взявшей недавно власть в свои руки, новой теократии Южной Каталлии.

— Блинные бабочки Ю-Кей в сырной пасте, так приятно тают во рту под вина баронства Латау, — разливался соловьём посол, демонстрируя Шилнагаилу фирменное блюдо своего государства.

Эмаден Малурон, уже немолодой человек, среднего роста, крепкого телосложения, с густыми длинными прямыми волосами черного цвета, с мелкими задумчивыми глазами, на приеме в честь национального Татукрана, праздника истязания плоти во имя Создателей, был одет в черный камзол с красной лентой, жалованной за бой при Старклерке лично Сэлди Хмурым. Нос посла был пробит по новой теократической моде болтом из золота с рунами на языке Создателей.

— Вы знаете толк в угощении, дорогой граф, — вежливо похвалил его принц, — ах, если бы приёмы Южной Каталлии длились вечно.

— Ничто не вечно на земле, — вздохнул посол, — удовольствия, девушки, лучшее оружие... — Эмаден посмотрел на принца, наявивавшего от души блинных бабочек и коварно добавил, — даже любовь родителей.

Принц поперхнулся, выпучил глаза, закашлял. Новая шпионка принялась резво и нежно стучать его по спине, перегибаясь и откровенно налегая, полуобнаженной грудью в глубоком декольте синего платья на лицо Шилнагаила. Довольный проделанной гадостью, посол спрятал ухмылку и еле кивнув своему заместителю, дабы тот подменил его на приеме и исчез за портьерой, незаметного от нескромных взглядов, выхода из приемного зала особняка.

Пройдя по узкой анфиладе, использующейся только послом и охраной, которая в количестве двух телохранителей стояла на посту, Эмаден дошел до комнаты переговоров. Без окон, в нижней части особняка, идеальное место для переговоров и заговоров.

— Дорогие друзья, — распахнув двери, посол продемонстрировал широкую улыбку, — ну отчего же вы не пробуете наше свежее вино из погребов лучших виноделов Южной Каталлии?

Эмадену сразу бросились в глаза не пригубленные бокалы, некоторое напряжение, между сидящими вместе, первым королевским советником Сентентой и бароном Ферми.

— Потому что бухать, лучше после удачного переворота, — брякнул барон Ферми, с непосредственностью деревенского идиота.

Первый королевский советник при этой фразе как-то съежился и испуганно заморгал. Да бросьте, барон, — принялся утешать начальника тайной стражи посол другого государства, — какой переворот? Мы все приятели принца, искренне озабоченные его судьбой. Ведь чтобы не говорили злые языки, именно ему суждено возглавить в будущем мощнейшее государство юга Шайн. Как дипломат, как искренний младший товарищ, я всегда его поддержу в трудную минуту. А минута, кстати, трудная не только для него. Вы

ведь тоже уже хромаете на ногу, друзья?

Небрежно кинутая фраза, выражающая некоторое сомнение посла в настоящем объеме полномочий главных лиц королевского двора Шайна, оказала живительное действие на непьющих придворных.

Граф Сентента как-то машинально приложился к бокалу вина рядом с ним, а барон Ферми, зло побуравив посла взглядом, свой фужер просто хлопнул залпом.

— Некоторое недопонимание между его величеством и мной уже улажено, — заявил граф Сентента, — но как друг принца я разделяю его непонимание и непритворную обиду в решении о престолонаследовании.

— Присоединяюсь к графу, — коротко подтвердил барон Ферми.

Мысленно Эмаден Малурон потер руки. Все с чего-то начинают измену. С молчаливой поддержки, с сомнений, с поиска единомышленников, с тайных встреч в секретных комнатах. И не нужно никаких армий магов. Заклинание может пронестись над головой, а измена точно попадет в сердце государства.

— Что же мы, друзья, — вдохновенно проговорил Эмаден, — неужто будем сидеть и смотреть как принца душит несправедливость? В нашей власти помочь его высочеству: советом, монетами, влиянием. Иначе какие из нас друзья?

— Советовать я люблю, — согласился сразу граф Сентента, таким образом, оставляя на долю остальных двух заговорщиком влияние и монеты.

«Не, не, не, — подумал Эмаден, — так дело не пойдет. Отсидеться за нашими спинами вообще не вариант.» Вслух посол Южной Каталии сказал, что советы хороши, чтобы их слышали.

— А вот чтобы их послушали, ваша светлость, — по-доброму обратился он к королевскому советнику, — надо некий пример делом показать.

— Короче, — рявкнул барон, — вы два златоуста до ночи словами играть собираетесь? Делать то, что будем?

Эмаден Малурон неодобрительно покосился на нетерпеливого барона. Иногда он не понимал, а почему барона еще держат в начальниках тайной стражи? Поставили за пёсью преданность, но время страха измен давным-давно прошло, а собака как раз выросла и готова укусить за лишний кусок мяса. Да и вообще, он не понимает всех нюансов придворных игр Шайна, но ясно-понятно, что туповатый барон тормозит работу службы. Неужели заменить такого болванчика некем?

— Всё зависит от принца, — развел руками Эмаден Малурон, — что хочет сам принц? Чего ожидает от своих друзей? Почему бы нам всем троим не усилить общение с его высочеством, в этот трудный момент, направить его неупорядоченные мысли в правильное русло. Решение зависит только от него. Исключительно его мнение, высказанное твердо и безоговорочно, позволит нам предпринять все действия для исправления вопиющей несправедливости.

«Короче, предлагает начать обрабатывать Шилнагаила на тему самому царствовать и всем владети», — перевел эти витийствования на понятный язык граф Сентента.

По виду барона Ферми нельзя было определить, понял ли он ход мыслей южнокаталийского посла или требуется уточнить, потому Эмаден пустился во все тяжкие, пытаясь объяснить, как следует обработать принца.

— Деконструкция, — проговорил посол, отбросив всяческие экивоки, — нам нужна деконструкция семейных ценностей принца. Он должен возненавидеть свою семью и первая

прореха в этой цитадели ценностей зависть. Шилнагаил завидует своей сестре Аише. Мы начнем раздувать это пламя тщеславия. Раздуем ссору, разожжём огонь раздоров, плеснем масло на угли обиды и тогда из аморфного принца мы получим закаленного негодяя, готового на всё.

«А посол хорош, — подумал с восхищением граф Сентента, — давно ли на дипломатической службе такому учат?»

«Аише довольно будет сказать Шилнагаилу, что королевский венец ей в кошмарах только является, — скептически оценил идею посла барон Амьен Ферми, — и все обиды растают как дым, они же семья.»

— Когда начнем? — деловито спросил начальник тайной стражи.

— Процесс уже идет, — загадочно ответил посол, — кулисы поднялись, зал полон зрителей, а мы дергаем за ниточки. Но помните, друзья, наш замысел велик, но результат складывается из совместных усилий. Тот, кто их не приложит — останется на обочине событий.

Я не ожидал увидеть на прототипе бумажной фабрики графа никаких особенных улучшений. Может быть печальный ослик ходит по кругу, передавая ослиную силу на вал, вал передает ее на колесо; трехзубчатое колесо снизу-вверх по очереди ударяет по пестам толчеи, те сначала поднимаются, потом падают с силой на сырье в деревянной колоде, превращая тряпье в однородную массу, которую потом варят в котле. Но нет, у него стояло шесть колод, в которых здоровые мужики банально толкли сырье. Мужиков уже конечно вывели, но я себе так представлял, что мужики и непременно здоровые. Иначе-то хрен вам, а не бумага, итальянцы для чего арабскую толчею усовершенствовали? Потому, что плохой размол — плохая бумага.

И да, коноплю он в сырье добавлял.

Когда мы вошли, в нос со страшной силой ударили миазмы разлагающегося сырья. По всяким трактатам древних мастеров от одиннадцати дней до трех недель тряпье мочили в чане. Запах при этом не самый нежный выделялся.

Покосился на Аишу. Её высочество носик сморщили, но терпели.

У графа даже сито было деревянное, которым отливали бумажную массу из чана и это никуда не годилось. Я скорее даже удивился, что у него еще бумага выходит, а не салфетки. Хотя... Увидев накатку, я всё понял. Они эту несчастную субстанцию, по недоразумению называемой бумагой, после отливки со страшной силой шлихтуют крахмалом. Или мылом, или растительным клейстером?

— Чем шлихтуете, граф? — спросил, понимая, скорее всего в техпроцессе ошибка с цветом где-то здесь появляется, — крахмалом картофельным или соком растений каких?

Граф помялся и недовольно сказал, что рыбным клеем. Это нихрена не объясняло сероватый оттенок.

— А обрабатываете чем-то перед шлихтовкой?

— Халькантумом, — скромно отозвался он.

Философский ответ. Эти деятели не отличали растворы сульфатов железа от растворов алюминия. Халькантум вообще сборное название любой соли для них. А какая точно — да черт его знает. В оригинале обработка велась квасцами из двойной соли из серной кислоты,

оксида алюминия и поташа.

Я вздохнул. Знал бы заранее, плюнул на это. Ошибку искать можно до вечера или следующего года, как повезет.

— Прямо не знаю, граф, — с болью заявил ему, — вижу, что многое менять надо, но вы же самый умный и без меня знаете, как бумагу делать. Забудьте на мои слова: не трогай — если работает. По такому принципу все и живут.

— А вы попробуйте, — вдруг заупрямился он, — мне самому интересно стало попробовать.

Хочет человек к цивилизации приобщиться, полезным стать — надо поощрять такое.

Позвали кузнеца графского.

Зашел чувак, при взгляде на которого срочно захотелось организовать парламент и внеочередные выборы в него. Вот настолько он был пугал своим чудовищным видом. Так-то сплавил чувака в депутаты и всё: от народа он далеко, можно спать, есть спокойно. Без заиканий.

Нарисовал ему чертеж толчеи итальянской и тут мысли о печальном ослике быстро меня оставили. Бумажное производство на реках ставили с водяными мельницами. Ослик слабоват для выработки энергии и передаче её на толочение бумаги в ступе. Здесь даже не волю нужны — слобобуи. Слобобуи. Я подумал немного и сказал, что есть у меня кореш: пару должен продать. Полковник Фодель такому заявлению удивится, но за поставки еды никуда не денется. Мост из крепких бревен идоги накатом перекинуть через пропасть несложно, Риса левитацией, хотя бы на минуту, вес зверюги при прохождении по мосту, уполовинит с новым сапфировым посохом воздуха. Решаемая вещь. Так их и заказать можно было в столице, но дорого и долго, ареал их обитания где-то на востоке.

Дно деревянной колоды велел графскому кузнецу выложить листом железа, песты тоже с железными насадками на конце должны быть. Размол это сильно улучшит.

Рама должна быть металлической с проволокой. Формовщик конечно охренеет, но это уже не мои проблемы, всё равно механизировать надо, химические производства ставить у шахт и так далее. Это просто временное затыкание дыр. Тут же довел до графа мысль, что, используя в сечении проволочной рамы соответствующие узоры, можно получить водяной оттиск.

— Это знак качества! — важно заявил я старательно внимающему графу, — все будут видеть и знать насколько уникальна и хороша ваша бумага.

Рецепт суспензии каолинита для введения в бумажную массу описал. Винтовой пресс, как и декель (металлическую раму с сеткой) подсказал заказать у Исхироса, с введением сукнового отжима листов бумаги, ткань хорошо впитывает воду, бумага быстрее сохнет. Углежогов для поташа рекомендовал графу побольше нанять, рецепт квасцов ему накатал и выбежал с принцессой на свежий воздух.

Граф был радостно возбужден: столько секретов свалилось, но я это довольство подпортил, подсунув лист Соглашения.

— Вы у меня секретов на тысячу золотых выведали, — пожаловался графу.

Тот скрывая лыбу, размашисто подписал.

— Это же сколько всего переделать придется, — запричитал было он, но наткнулся на мой суровый взгляд.

— Дорогой граф, — сказал ему сурово, — причем в прямом смысле, дорогой. Вы с этими новинками в три раза больше бумаги получите. В десять раз лучше. Монет сдерете

горы. А как Соглашение закончится, вообще миллионером станете.

— Еще бы дожить, — фальшиво вздохнул граф.

Но по его хитрой благообразной морде было понятно — доживет. Свежий воздух, диетическое питание, спортом займется типа гольфа, который я скоро изобрету. Правда миллионером вряд ли станет, у меня раньше бумажный завод откроется, второй-третий, и его бизнес зашормит. Хотя, что я могу знать о рынке, может он настолько большой будет, что места всем хватит.

С такими мыслями мы с графом распрощались, уселись с принцессой в карету и продолжили путь в столицу. Два часа моя авантюра отняла. С другой стороны, бумага будет получше, роялти начнут капать, сильно больше за десять лет чем пятьсот монет выйдет.

Аиша между тем покрутилась, посверкала на меня глазенками, но ничего не спрашивала, хотя по виду её жгло любопытство, распирало как кошечку, на принесенную в дом сумку с продуктами.

Это не обязательно потому, что девушки хотят всё знать и если не контролировать ситуацию, то понимать, как она развивается. Я бы отнес это к общечеловеческому качеству. Парня, которому девушка на его глазах перепрошьет выключенный смартфон с андроида на айос, тоже разопрет от вопросов.

Потому я ободряюще расплылся принцессе в улыбке.

— Ничего не стесняйся, Аиша, твой семпай всегда готов к любым вопросам.

— А что такое городской шурум-бурум мастер? — невинно спросила она.

Это было немного не то, что я ожидал, но предвидеть следовало. Истории долгого общения у нас с принцессой не было и, если вдруг такой обычный Джерк начинает выделяться умом и сообразительностью, то Каю это удивит, а Аишу нет. Я для неё по умолчанию гений. Шарит за производство бумажек — ок, отложили в памяти на полочке, будет нужда привлечем как эксперта.

— Это, кхм, — откашлялся я, — эвфемизм, обозначающий специальный бизнес.

— Что за бизнес? — не поняла она, — не увливай от ответа, Джерк Хилл.

— Шурум-бурум мастер, — проговорил нейтрально, — это руководитель компании женщин, профессионально заботящихся о мужчинах.

Как-то канцелярски ответил, до неё не доперло.

— Почему профессионально?

— Потому что секс, — пошутил я, — слишком серьезная вещь, чтобы доверять его любительницам.

Аиша залилась румянцем и кинула в меня подушку.

— Ты ужасный развратник, Джерк Хилл, — убежденно сказала она, — и что я в тебе нашла?

— Жизнь, шестнадцать уровней, два титула и крутой артефакт, — подсчитал я и вопросительно посмотрел на принцессу.

Мол, ничего не пропустил?

Вместо ответа она закидала меня подушками, а когда я отвлекся на их собирание, коварно напала на мою незащищенную спину с боевым кличем. Меня даже не сам факт испугал, а последнее. В её исполнении это слышалось чем-то средним между чириканьем зяблика и работой шлифовальной машинки. В ходе борьбы — хотя какой борьбы — я расслабился и получал удовольствие, она оседлала меня сверху.

— Будешь знать, как мне перечить! — сказала принцесса, отдуваясь и сверкая

лазурными глазками.

— Я бы больше хотел узнать о географии, — скромно попросил я.

— О какой географии? — не поняла она.

— О географии твоего тела, я уже имею некоторое представление, — постарался оправдать внеочередное звание ужасного развратника, — хотелось бы узнать побольше об окружающем мире.

Она пристально посмотрела на меня: не шучу ли я? Вот так запросто, отказываясь от ролевой игры в принцессу и чудика. Это же как красавица и чудовище, только само собой лакшери-вариант.

Но я представил себя в Норильске зимой, когда до рассвета еще полгода, а остановку замело вместе с маршруткой, и мой термометр похоти в штанах притормозил свой разбег.

— Ну что же, — разочарованно согласилась Аиша, слезая с меня, — давай разберем ближайшие страны.

Энсини Алькандария, для родных просто Син, для друзей Алька, а для врагов — та драная кошка, грустила на площади у фонтана Трёх принцесс. Некогда роскошный её наряд из оранжевого плаща, тёмно-синей короткой котты в рисунке с озорными кроликами, спортивных брюк светло-синих кендо, что на расстоянии неотличимы от юбки, обзавелся прорехами, пятнами, потерял в цвете, как и их хозяйка в своём настроении. Убегать из Катафиса, столицы Южной Каталии, их семье пришлось налегке: четырнадцатилетнюю Энсини родители подхватили прямо с прогулки вместе с подругой. Семья Алькандарии владела двумя тавернами и долей в производстве местных красителей из марены и кермеса, была зажиточной и не последней в торговой гильдии. Пока не появилась секта Второго пришествия.

Сначала бойкот таверн и товаров, потом повышенное налогообложение бизнеса с участием зверолов и, как финал, погромы. За пять лет бизнес превратился в огрызок прежнего благосостояния. Хотя родители были неглупы, предчувствуя развитие событий успели часть бизнеса переместить в Шайн, вложить около четырехсот золотых в дело торговца сукном в Тритикаме Занталоне Шечири. Но вот эвакуироваться сами вовремя не успели, всё торопливо выжимали крохи из распродажи своего дела и недвижимости в Каталии.

По пути бегства, через Великое болото, уже у самого конца пути на них напала стая шакарлей. Монстры были не быстрыми, но на болоте пути бегства ограничены. Вставший на её пути шакарль защелкал клювом, подскочил и бросился на юную кошкодевочку. Как она извернулась, Син даже не помнит, серебристое облачко, упавшее на девочку, Энсини в панике не почувствовала, а позже не было времени осознать.

Отбившаяся от семьи Сини, бежала другим путем, долго плутала, выбралась из болота чудом. У них был уговор, если кто потеряется — встречаются на площади Ариши Шторморожденной у фонтана Трёх принцесс. Сини ждала родных уже три дня, но их всё не было.

Сини обессилела морально, под гнётом страшных картин, возникающих в её голове: как щупальца и клювы шакарлей рвут на части её родителей, подруги. Изнемогла финансово: несколько серебряных монет, вшитых в ремешок, уже заканчивались. А хозяин таверны, где она взяла комнату, всё чаще бросал на привлекательную фиолетововолосую кошкодевочку плотоядные взгляды, пространно разглагольствовал об ужасах столицы, о привлекательности дружбы с сильными мужчинами, крепкой руке, что всегда поможет в трудную минуту.

Но будь Сильвер даже не пузатым и неухоженным, с клочкастой бородой и запахом изо рта коротышкой, но принцем и расписным красавчиком с томным взглядом, Энсиния твёрдо запомнила слова своей матушки.

— Словам можно верить только тогда, когда за ними стоит история, — ласково говорила она, обнимая маленькую Син, — действия и поступки определяют кто перед тобой. Пение соловья можно слушать очень долго, но прикормить для своего сада лучше простого воробья. А уж если дятел в сад залетел, — посмеивалась матушка, — точно тебе Создательница наворожила.

На этом грустном воспоминании к Энсини, сидевшей на бортике фонтана, подошли два хмурых, крепких мужика в одинаковой форме.

— Энцини Алькандария? — спросил один из них.

— Да, — настороженно ответила она, примечая вышивку розы и «Н» на рукавах плащей, кольчугу под ней и мечи.

— Твои родители сейчас вместе с Занталоне Шечири в Саду наслаждений обговаривают дела. — сообщил радостную весть один из них. — Прийти за тобой как обещали не могут, с ними его высочество принц Шилнагаил, воспылавшей мыслью вложить в торговое дело свою часть. Покинуть принца сейчас — оскорбление, весть о встрече доверили нам. Твои родители ждут тебя.

Энцини Алькандария радостно вскочила с бортика фонтана. Наконец-то, все беды позади!

Она не заметила ухмылку, спрятанную в бороде одного из вестников, тоскливый взгляд второго. По пути к «Саду наслаждений» Син, зарядившись радостью, купила на последние монеты бутылку гномьей водки, пусть и обычной, но весьма неплохой в подарок спутникам и заливалась певчей птичкой, щебеча о красотах Тритикама своим немногословным сопровождающим.

Принц Шилнагаил вlepил со всей дури пощечину своей спутнице Мизунии и перевернул столик за которым собралась его компания. Эта южнокаталийская девка достала его ныть о приличиях, необходимость которых следует соблюдать королевственной особе. Под тем же предлогом эта коза не дала ему в карете, обещая вознаградить позже сторицей ночью. Но после трех бутылей вина, в голове штормит море и требует себе в жертву девственниц.

— Довольно с меня твоих бредней! — страшным голосом вымолвил пьяный принц. — Иначе в Южной Каталии станет на одну красивую девушку меньше. Если бы не твой титул, синяком бы ты не отделалась. Вон отсюда!

Под гогот и улюлюканье собутыльников принца, Мизу Мирайн, баронесса и шпионка десятого уровня, скрывая ненависть, отвесила поклон и быстро вышла со второго этажа, где принц буйствовал со своей компанией. Казалось, провал миссии, но её куратор, посол Эмаден Малурон ясно дал понять какую игру следует вести.

— В Катафисе не понимают тонкостей идущей партии, — давал ей инструкции Эмаден, — думают, раз подвели девицу, принц будет плясать под её дудку. С какого хрена? Девиц у него полно на любой вкус. Есть неофициальная любовница. И ты — не обижайся — мало похожа на мечту всей его жизни. Хотя бы потому, что его жизнь: вино, разврат, карты и хулиганство. Нет, если перепьешь его, перетрахашь, будешь проигрывать по целому состоянию в карты ему за ночь, стоять на стрёме, пока он бьет окна в ночных заведениях или морды уличным прохожим — станешь больше, чем просто любовница, мы все будем в полном восторге. Но здравый смысл подсказывает — это плохая идея. Главное сейчас для нас в одном: ослабить принца как можно сильнее, сделать из него изгоя, чтобы в поисках союзников он сам приполз к нам на коленях. Был послушен как пёсик и лаял по указке. В данный момент принц неуправляем, полон гонора и паров вина. Просто действуй по обстоятельствам: познакомься, оставь хорошее впечатление. Когда принцу попадет в опалу и от него отвернутся все его девки, а это случится очень скоро, ты одна останешься рядом. Вот тогда включай своё обаяние на полную.

Мизу старалась, но принц вроде адекватный и неплохой юноша, под воздействием вина

быстро растерял как внешнюю привлекательность, так и внутреннее достоинство. В посольстве он еще держался, но уже в карете по пути облапал Мизунию по полной, потом захотел большего.

Мизу конечно не девочка, но заниматься этим, словно пропащая девка из ночного квартала, даже для шпионки слегка чересчур.

— Ваше высочество, вы меня с кем-то путаете, — мягко сказала она, поправляя платье, хотя всё что ей хотелось сейчас, это с отяжечкой врезать ему между ног, — даже блудницы занимаются этим в специальных домах. Хотя за золотой вы найдете много кого, кто презрит условности. Где-нибудь в трущобах.

На принца вроде отповедь подействовала, но ненадолго.

В «Саду наслаждений», где принца поджидала его верная компания таких же распущенных отпрысков знати, Шилнагаил быстро «отпустил вожжи». Напился, разбил кому-то голову бутылкой, компания утащила его на второй этаж, бедолагу, стонавшего и обливавшегося кровью, быстро вынесли, а принц захотел массаж. С этим одна из спутниц компании справилась, но честь танцев «с обнажением тела», как потребовал Шилнагаил спустя еще бутылку вина, должна была лечь на Мизу.

— Это обряд, — пьяно рыгнул принц на последнем слове, — славный обряд посвящения в братство будущего короля! Его прошли все кроме тебя.

На этом моменте Мизу не выдержала и сказала, что про будущего короля это вилами по воде писано. С таким поведением принца в очереди престолонаследования отодвинут не сегодня-завтра.

Вот тогда Шилнагаил и разозлился.

«Ничего» — подумала Мизу, покидая негостеприимное заведение, — «ты еще будешь вилять хвостиком при моём появлении. Приручу, а когда станешь бесполезен Южной Каталлии, вырежу печень еще живому. Ты просто не знаешь истории рода Мирайн.»

Граф Сентента, приехавший в свое заведение чуть позже принца, с тоской слушал своего управляющего.

— Столик перевернул, южнокаталлийскую баронессу выгнал, сейчас его высочество поют песни вместе с компанией и крушат мебель, — докладывал ему Рофир Мезаль.

Это был уже второй случай порчи мебели, после вчерашнего и Сентента очень не хотел, чтобы это стало «братской традицией». Приличный столик из палисандра пару золотых стоит. Еще больше не хотелось подходить к Шилнагаилу и приводить того в чувство. Трезвый принц был глуповат и вменяем, податлив на лесть и увещевания. Пьяным — редким быдлом, которого хотелось приложить чем-нибудь поувесистее. Еще одна беда была в драке, которую Шилнагаил закатил.

Проблема была в том, что принц приехал в «Сад наслаждений» довольно рано, с приёма у посла и уже вдатый. Услышал, как кто-то на первом этаже прокричал славу принцессе, подошел сзади и врезал бутылью. Поскольку не было так поздно — очевидцев такого тупого деяния хватало. А значит всем придется затыкать рты монетами, скидкой в заведении, силой.

Графа даже посетила крамольная мысль, а на того ли он сделал ставку? Граф с силой замотал головой, отгоняя её — больше не на кого. Агрессивность надо сбить, подсунув принцу девку посимпатичнее. Пар уйдет в секс. Правда проблема в том, что всех «жриц

наслаждения» заведения принц уже перепробовал, свои ему уже неинтересны, судя потому что купальни для уединения и потрахушек он не требует. А Занталоне Шечири, поставщик живого товара, «свежачок» еще не выдрессировал. Или успел? Раз в две недели Сентента менял одну-двух из жриц, потерявших в актуальности или менее красивых, чем новенькие. Отправлял отработавших своё куртизанок, в другой свой бордель, менее элитный чем «Сад наслаждений». Благодаря этому флагманское заведение графа, где всегда можно было заказать свежую куртизанку, процветало.

Вот кстати и Занталоне Шечири.

Сентента сквозь застекленное окно отдельной кабинки управляющего, узрел фигуру своего подручного.

— Рофир, пригласи Занталоне ко мне по-быстрому. — приказал граф своему управляющему.

Занталоне с опаской вступил в кабинет низенько кланяясь.

— Свежачок еще не готов? — спросил Сентента, — знаю, не все девки еще научились вести себя прилично, держать вилку и поддерживать разговор, но может нашлась своя жемчужина?

— Нет таких, ваше светлость, — промямлил Занталоне, — все покорные, как себя вести с клиентами уже знают, но этикет еще не вызубрили. Так-то любую приведу мигом.

Сентента задумался. Идея привести свежую, но еще не готовую куртизанку к принцу не казалась блестящей. Он и баронессу выгнал с пощечиной. Мало ли чем, необученная деревенщина с улицы, сможет прогневать его высочество. Он такую и мечом сдуру проткнет, а отдуваться графу. Это же двойной удар по репутации, да и кровь плохо с паркета оттирается.

Глядя на своего патрона Занталоне Шечири решился.

— Есть одна кандидатура, из беженцев Южной Каталлии от «Второго пришествия», ваша светлость, — вкрадчиво сказал он, — из семьи купеческой, родители её у меня в кабале, должны много. Воспитывалась как благородная, но без Дара и титула. Стройная, метр семьдесят, волосы цвета каталлийского пурпура, глаза светло-серые, молодая и красивая кошкодевочка. Под угрозой вреда родителям будет готова на всё, думаю.

Сам Шечири не сомневался, что юную Энсини Алькандарию продавит. Без родителей, покровителя и Дара у неё один путь — в шлюхи. Заодно, вид нашедшейся дочери сделает её родителей сговорчивее. Второй день их пытается, а о договорной грамотке о вложении средств в предприятие Занталоне, молчат как заговорённые. Хорошо еще, после пары сломанных пальцев и угрозы изнасилования, её подруга выдала обусловленное место, куда придет Энсини.

Он и с грамоткой бы им вложенные монеты не отдал: судись — не судись. Но это надо людей нужных подмасливать, время тратить и монеты. А сейчас и грамоту заполучит, и за их дочку, как за элитную куртизанку срубит. Кругом одни плюсы. Что за удачный день!

— Действуй, Занталоне, — решил граф. — Обещаю поощрение, если всё пройдет гладко.

Занталоне довольно ощерился. Уж он постарается. Вобьет в голову этой дуре одну, простую мысль: будь покорна.

Именно этим он занимался через час в подвале «Сада наслаждений».

— Будь покорна, — наставлял он Энсини, — твои родители не были мудры и позволили себе ошибку. Сейчас они по приказу его высочества схвачены и отвезены в городскую

стражницу. Только от тебя зависит, что с ними станет: суд, скорый и беспощадный или помилование по просьбе его высочества. Решай!

«Чем чудовищнее ложь и наглее наезд, тем быстрее люди ломаются», — цинично подумал Занталоне, глядя как ошарашенная новостями Энсини моргает глазами, осваивая новую роль куртизанки для принца.

Но одного он не учёл: пожертвовать своей юностью ради родителей Энсини решила сразу. Вот только под твердые гарантии сохранения свободы своих родителей. Не покорной овечкой, но поставив твёрдое условие. Чего вероятно, раньше бы не смогла сделать, но то ли обстоятельства, то ли зарождение Дара так повлияло на её решение.

Поэтому, когда нетрезвый принц, восторженно засвистев при виде новенькой «жрицы», страстно обхватил кошкодевочку, жадно ощупывая её грудь, Энсини стерпев обиду, наклонилась к его уху и прошептала:

— Я сделаю всё как прикажет, мой принц, но только обещайте мне отпустить моих родителей.

— Каких родителей? — не понял Шилнагаил, — ты чего мне лепишь, дура. Я знать не знаю твоих сиволапых предков.

Энсини обмерла, поняв только одно — её обманули.

— Давай, хлебни винца, — благодушно предложил принц, больно стиснув её бедро.

— Извините, ваше высочество, — приняв решение встала Син, — мне срочно надо покинуть вашу славную компанию.

За столиком принца и его пятерых ближайших прихлебателей с эскортом из девушек с низкой социальной ответственностью, сгустилась вязкая и напряженная тишина.

— Ты что лять, себе позволяешь, дрянь? — прорычал, плюясь брызгами слюны принц, — тебе общество самых достойных людей королевство не мило? Да как ты посмела, пойдешь по кругу в нашем братстве!

Однако пьяный Шилнагаил, поднимая себя рывком во время своей речи, немного не рассчитал и запнувшись о ножку новопринесенного столика, упал на своего соседа, достойнейшего сына славного графа Гвела Фориндина, сея некоторый хаос в пьяные ряды братства знатных выпивох.

Пользуясь этим, Син прямо с перил кабинки сиганула на первый этаж. Откуда у неё появились силы и смелость, девочка даже сама не поняла. Что-то словно подтолкнуло её на прыжок, потому что бежать через прихлебателей принца к выходу было рискованно.

Приземлившись с перекатом, Син ловко ушла от загребущих рук охранника и рванула к выходу.

Сейчас надо просто убежать, над тем, что надо делать, она подумает позже.

Мы въезжали в славную столицу Шайна через южные ворота. Самые широкие среди всех шести города, просто потому что торговый грузооборот направляли через него и по обходной вокруг города. Северо-восточные, например, считались королевскими. Через них проходила дорога к королевской резиденции. Всякую гольтьбу и сброд через неё не пропускали, заворачивали.

Эти детали мне выдала принцесса под конец урока географии, из которого я несколько расширил теоретический багаж своих познаний по миру.

Сами её высочество успешно сомлели: средневековая карета и не таких бойких

Повелителей магии, воды и окружающих земель успокаивает. Я бы к ней присоединился, но думы о насущном беспокоили больше монотонных раскачиваний.

В сгущающихся сумерках мимо пронеслась очертания фигуры нашего капитана на коне. Он скомандовал фореитору принцессы остановиться, сам же осторожно постучал в нашу дверцу.

— Не стесняйтесь, шан Грегорн, — отозвался я, — ничем противозаконным мы не занимаемся.

Капитан отворил дверцу, с некоторым смущением взирая на меня и спящую красавицу.

— Ох, уж эта наивная юность, — сказал я ему, — притворилась спящей, чтобы контролер за билет не стряс.

Шутка мимо Нира прошла, но я её и отпустил в целях тренировки. Вот скоро с тещюшкой и тещей будущими встречусь, там и порезвлюсь.

— Ваша милость, — тихо шепнул он, боясь разбудить принцессу, — мне необходимо в целях приличия составить вам компанию, скоро дворец.

Я этого ожидал и всё прошло бы гладко, если мои уши не уловили некоторый хаос в уличных звуках, отходящей ко сну столицы. Это, если кто не знает: голоса перекликающейся стражи у ворот, сержант решают кто идет в ночной патруль, звуки закрывающихся ставней и наступающая тишина.

В столице было точно так же, исключая какой-то быстро приближающийся вой, хохотание и звуки цокания подков о мостовую.

В начале улицы, поворачивающей на главный проспект столицы, ведущий к площади и дворцу, показалась неясная фигура. Она резво приближалась и через плечо капитана, замершего на полпути, с поднятой ногой на ступени кареты, я пробросил оценку.

«Довольно редкий класс куноичи, — подсветил я девчущку, — база как у нашей лисодевочки, но несколько разные умения. Надо стопорнуть, наверно что-то стырила.»

Придя к таким выводам, я лихо выскочил из кареты, завуалил эту первоуровневую симпатяжку, несущуюся испуганным страусом, в нашем направлении, прошел сзади и схватил за руку.

— Не трясись, всё решим, — благодушно сказал ей, — если ты прямо сильно не накосячила. Сейчас темноту сниму, рассказывай, что натворила.

Кошкодевочки те еще шалуни, их няшность от многих проблем спасает. Но эта, мне без всяких предварительных «ня», засандалила маваше-гери ногой в висок. Попыталась. Я за руку дернул, и она приземлилась в мои объятия.

— Давай-ка, подруга, без драк в стиле «Элитного класса», — предложил ей на ушко, — ничего плохого я тебе не сделаю, просто расскажи в чем дело.

Она обмякла и выделила из прекрасных светло-синих глаз порцию горьких слёз, а сзади раздалось негодующее Аишино:

— Что ты себе позволяешь, Джерк Хилл! Стоило мне задремать, а ты уже обнимаешься с какой-то девчулей!

— Да как ты могла такое подумать, — возмутился, поворачиваясь вместе с кошкодевочкой к принцессе, — я просто ищу выключатель милоты у этого несчастного создания.

Аиша разглядела слезы на лице кошкодевочки и успокоилась. В это же время к нам наконец доскакали преследователи юной куноичи.

Постепенно сбавляя ход, около нас остановился белоснежный иноходец, на котором

восседал здоровый малый с блондинистыми волосами, с квадратной челюстью, этакий типичный Чарминг. С красной мордой и слегка на взводе.

— Забрала у меня гитару, сестра, — с кривой ухмылкой выдал он, — может оставишь мне хотя бы мою шлюху.

Аиша от такого приёма натурально впала в шок. Вытаращилась на него, как Сигурни Уивер на Чужого.

— Хорошая гитара, ваше высочество, — попытался я сбить накал встречи, — с такой даже тризна пройдет веселее.

Принц повернулся ко мне и уставился мрачным взглядом жильца пятнадцатого этажа, обнаружившего неисправный лифт.

— Хорошо бы это прямо сейчас проверить, грутов альфонс, — стал наезжать он прямо на меня грудью своего коня.

Я человек толерантный, отчего иногда пускаю пожить в душу Остапа Бендера. Потому позволил себя коняшей сбить.

— Нехорошо, ваше высочество, — прокряхтел я, поднимаясь с мостовой, — оскорбление благородного представителем королевской крови. Вызвать на дуэль вас я не могу, но с удовольствием вызову кого-либо из ваших друзей. И показательно расплью на ваших глазах. Надеюсь это зрелище вам будет долго сниться.

Думал он с такого протрезвеет. Думал он друзьями дорожит. Думал как-то разойдемся бортами.

Вызвать я его на дуэль действительно не могу, но могу его фаворитов и друзей. Отказаться они не могут. Их проигрыш — удар по принцу, признание вины. Не сложилась у нас дружба, да и хрен с ним. Пусть хотя бы боится.

Но этот «гений тактики и стратегии» меня переиграл.

— Ты не можешь, — радостно заржал он, — а я могу. Сраный «светлячок»! Дуэль!

Больше книг на сайте - Knigoed.net